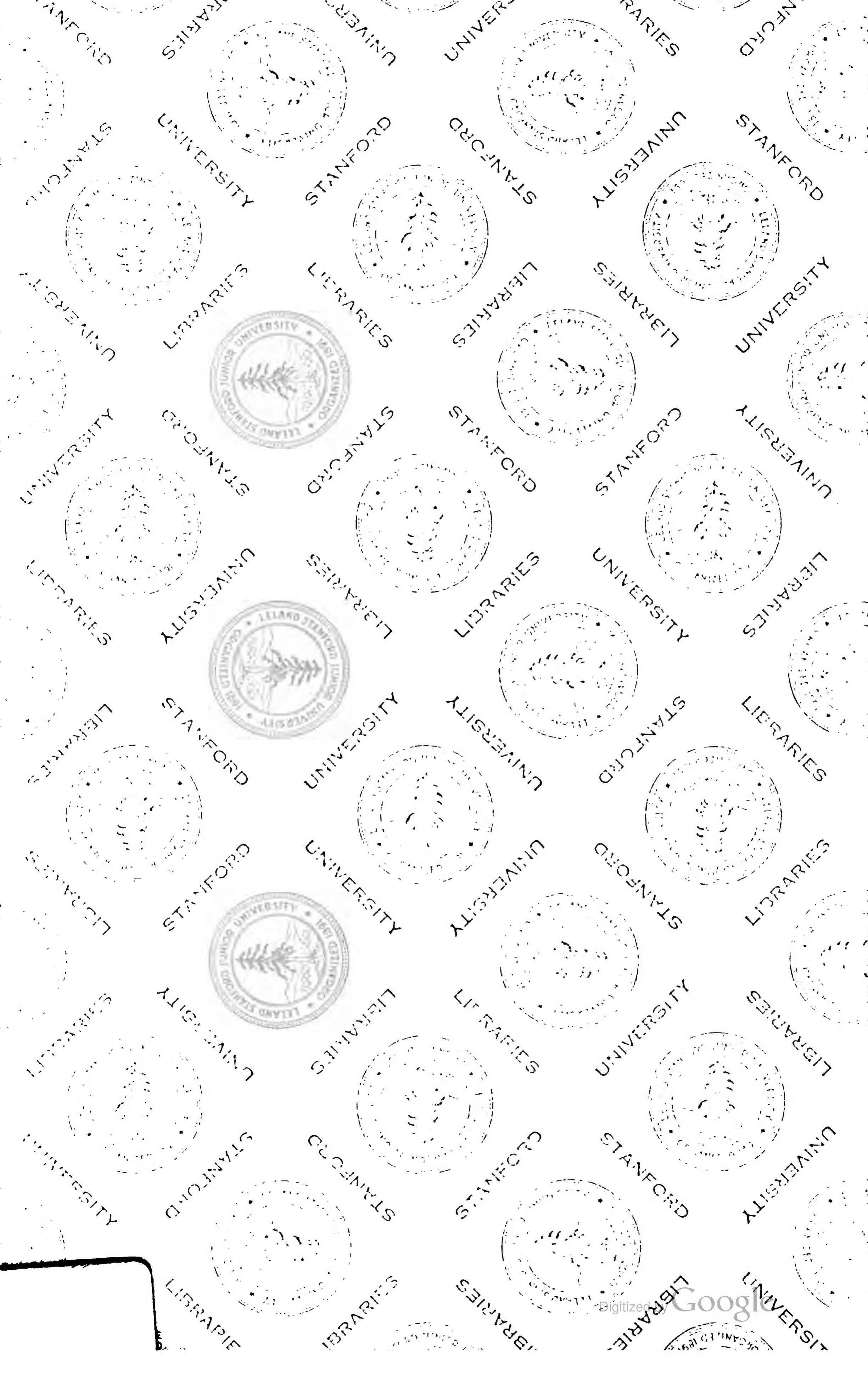

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ можетъ служить дополненіемъ къ труду моему „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“ въ 1890 г. Въ предисловіи къ названному труду я высказалъ, что собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣздамъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Сольвычегодскаго уѣзда, именно той окраины его, которая прилегаетъ къ р. Двинѣ, я касался лишь слегка, насколько окраина эта была мнѣ знакома по короткимъ посѣщеніямъ во время поѣздокъ въ Архангельскъ и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, какія попадались мнѣ въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Я зналъ, что жизнь сольвычегодчанъ отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свелъ меня съ крестьяниномъ Сольвычегодскаго уѣзда, мѣстожительство котораго Метлинская волость, расположенная на низменности, гдѣ сливаются двѣ большихъ рѣки—Двина и Вычегда, родина котораго деревня Марково, стоящая всего въ десяти верстахъ отъ Котласа—конечнаго пункта строющейся Пермь-Котласской желѣзной дороги, я сталъ записывать отъ него свѣдѣнія, касающіяся жизни, обстановки и дѣятельности мѣстнаго населенія.

Развивающееся съ каждымъ годомъ судоходство по Двинѣ и Вычегдѣ, проведеніе Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, а въ особенности Пермь-Котласской, стали уже замѣтно вліять на нравы и образъ жизни крестьянъ, населяющихъ берега Двины и ея притоковъ. Поэтому мнѣ кажется, записи, подобныя той, какую я теперь представляю вниманію читателя, интересующагося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не такимъ, какимъ оно есть, а иное и совсѣмъ исчезнетъ подъ наплывомъ новыхъ условій жизни.

Очеркъ мой не можетъ притязать на совершенную полноту, потому что все мною записанное, разсказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ; но за то все,

что разсказано и записано, заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ разсказчикъ самъ хозяинъ и строитель и семейный человѣкъ, рыболовъ и охотникъ. Въ отношеніи хозяйства и вообще практической жизни полнота очерка мнѣ кажется достаточною, пробѣлъ же представляютъ вѣрованія, суевѣрія и сопряженные съ послѣдними обряды. Въ этомъ отношеніи всѣ мои вопросы, обращавшіеся къ разсказчику, за немногими исключеніями, не привели ни къ чему.

— „Я такъ думаю, что все это бабьи запуки“ (т. е. вздоръ), или: „объ этомъ надо старухъ спрашивать“—вотъ были отвѣты на мои вопросы изъ области суевѣрій и демонологіи. Впрочемъ, область эта, мнѣ кажется, достаточно полно выяснена въ прежнемъ трудѣ моемъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго предисловія.

I.

Общій обзоръ.

Деревня Марково (или, по мѣстному названію, Дресвенецъ), Метлинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи, лежитъ подъ 61 1/4° с. ш. и 16° вост. долготы (отъ Пулкова). Она занимаетъ мѣсто недалеко отъ центра низменнаго, заливаемаго весеннею водою острова, около 10 верстъ длиною и 6 шириною, омываемаго съ запада р. Сѣверною Двиною, а съ юга, востока и сѣвера протокомъ той же Двины, называемымъ Курьею. Нѣсколько верстъ южнѣе, т. е. выше по теченію Двины, въ послѣднюю съ востока вливается Вычегда, отдѣляя отъ себя неширокій протокъ и образуя, такимъ образомъ, островъ, называемый Толубенскимъ (отъ деревни Толубьева, лежащей на этомъ островѣ). Два упомянутыхъ большихъ острова и полуостровъ между ними, образуемый съ одной стороны Курьею, съ другой Двиной и съ третьей протокомъ Вычегды, представляютъ обширную низменность съ песчаною почвою, заливаемую въ весеннее время водами Двины и Вычегды, такъ что почта, идущая во время половодья изъ Устюга въ Сольвычегодскъ и прибывшая въ Ускорье, деревню, расположенную на лѣвомъ высокомъ берегу Двины, провозится 9 верстъ на карбасахъ до дер. Кузнецова, куда весеннія воды уже не достигаютъ. Мысъ, образуемый лѣвымъ берегомъ Вычегды и правымъ Двины, составляетъ продолженіе той же низменности, но не столь широкой.

Въ 1/2 вер. отъ Двины и въ 1 вер. отъ Вычегды берегъ поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Кѣтласъ (по мѣстному названію Кѣдласъ), имѣющая въ близкомъ будущемъ обратиться въ городъ, такъ какъ близъ самой этой деревни строится теперь вокзалъ Пермь-Котласской желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Двины противъ Котласскаго мыса тоже представляетъ низменное мѣсто, такъ что деревня Вондокурье, лежащая здѣсь,

заливается водою, но близъ Ускорья терраса лѣваго Двинскаго берега подходитъ къ рѣкѣ и самое Ускорье (сокращенное изъ Усть-Курья) стоитъ уже на горѣ; далѣе къ сѣверу этотъ берегъ Двины не представляетъ заливныхъ луговъ на довольно далекомъ протяженіи.

Пространство между лѣвымъ берегомъ Двины и высокою террасою праваго берега, на которой расположились деревни Григорово, Загорка, Семидѣиха, Грива, Мостовà, Кузнецово и Пѣршино, ежегодно заливается водою, такъ что деревни Марково, Крутецъ, Грихнево, Толубьево и Падзеро страдаютъ отъ наводненія. Вода уноситъ амбары и другія служебныя постройки, скотъ приходится поднимать изъ стай на повѣти; бываютъ годы, что вода заходитъ въ печи и оставляетъ за собою повсюду толстый слой илу. Но этотъ самый илъ, отлагаемый на лугахъ, принадлежащихъ всѣмъ перечисленнымъ мною деревнямъ, и даетъ роскошные урожаи сѣна и хлѣба, даетъ возможность имѣть хорошій скотъ и лошадей. Крестьяне могли бы существовать безбѣдно на этихъ лугахъ, если бы только не ощущалось недостатка въ землѣ.

„Плодородіе этихъ луговъ, говоритъ докторъ Снятковъ [1]), зависитъ вполнѣ отъ рѣчныхъ заносовъ, такъ что въ общемъ можно сказать, что травы тѣмъ лучше, чѣмъ выше и дольше на данномъ лугѣ стоитъ весенній разливъ и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, садится осадковъ. Только изрѣдка такіе луга, удаленные отъ рѣки, являются менѣе плодородными. Это объясняется опять таки тѣмъ, что на эти дальніе луга воды рѣки приносятъ только сравнительно мало осадковъ, оставляя ихъ ранѣе на лугахъ и въ кустахъ, лежащихъ ближе къ рѣкѣ. Слои весеннихъ осадковъ бываютъ такъ толсты, что нужно двѣ или три недѣли на спаденіе воды, чтобы показались ростки травъ, корни которыхъ глубоко занесены наносомъ, а на голыхъ пескахъ иногда въ одну весну наносятся слои толщиною въ цѣлый аршинъ и болѣе“.

„Густота травъ на этихъ лугахъ измѣнчива, но большею частью кажется очень значительною, между тѣмъ, на скошенныхъ мѣстахъ трава оказывается растущей довольно рѣдко. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что густота травы на этихъ лугахъ зависитъ не столько отъ густого произрастанія этихъ травъ, сколько отъ роскошнаго развитія отдѣльныхъ экземпляровъ“.

„Мѣстами ходить по этимъ лугамъ можно только съ значительнымъ усиліемъ, такъ много даетъ себя чувствовать густота травъ, особенно въ мѣстахъ, сплошь заросшихъ клеверомъ, горошками, чиной и астрагаломъ, стебли которыхъ, перепутываясь между собою, связываютъ ноги пѣшеходу“.

Лѣсъ въ описываемой мною низменности совершенно отсутствуетъ; онъ начинается въ верстахъ 4 къ востоку отъ Маркова, но тутъ идетъ уже

[1]) „Ботаническое изслѣдованіе заливныхъ луговъ въ долинахъ Сѣв. Двины и Вычегды“. Вологда. 1889 г.

сплошною зарослью. Преобладающею породою въ немъ является сосна, за нею идетъ ель; пихта попадается рѣдко; за елью лиственница (по здѣшнему лѣсвень) и можжевельникъ (вересъ); кедръ, какъ извѣстно, не растетъ дико до Тиманскаго хребта, но, будучи посаженъ, образуетъ цѣлыя рощи; такъ и здѣсь отдѣльныя деревья растутъ прекрасно и приносятъ плоды.

Изъ лиственныхъ породъ преобладающею является береза; за нею слѣдуютъ осина и ольха (двухъ сортовъ), рябина, черемуха, ива древесная, липа и вязъ въ лѣсахъ и на лугахъ и, наконецъ, осокорь, выростающій огромными деревьями на заливныхъ островахъ Двины и Вычегды [1]). Осокорь произрастаетъ настолько обильно, что древесина его идетъ на теплины въ овины и употребляется охотно потому именно, что при горѣніи не даетъ искръ. Изъ этой же древесины выдѣлываютъ и „наплавки“ къ неводамъ.

Кустарныя породы тоже довольно разнообразны въ описываемой мною мѣстности. Здѣсь произрастаютъ: калина, жимолость двухъ видовъ, таволожникъ (Spiraea), росинникъ (Cotoneaster), шиповникъ двухъ видовъ, смородина красная и черная, малина и крушина, не говоря уже о мелкихъ сортахъ кустарныхъ ивъ, изъ которыхъ иные имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ большое значеніе.

Изъ ягодныхъ травъ по берегамъ Двины и Вычегды произрастаютъ брусника, черника, голубика, паленика, морошка и отчасти ежевика.

Садиковъ при домахъ нигдѣ не разводятъ, въ деревнѣ же Марковѣ нѣтъ даже ни одного дерева. Огороды есть (они зовутся огородцами) и тутъ разводятъ капусту, картофель, лукъ, морковь, бобы, свеклу, рѣдьку и хрѣнъ. Чеснокъ не садятъ, потому что на заливныхъ лугахъ въ обиліи произрастаетъ дикій чеснокъ (Allium angulosum), который собираютъ, толкутъ, обливаютъ квасомъ и въ это кушанье „мачутъ кусокъ“, т. е. обмакиваютъ черный хлѣбъ и ѣдятъ.

Петрушку, укропъ и т. п. никогда не сѣютъ, тыквъ и огурцовъ не разводятъ. Иноземные плоды, напр. лимоны, не только не въ употребленіи, но многіе о нихъ и не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которые бывали въ Вологдѣ и Архангельскѣ. По этому поводу разсказчикъ привелъ довольно курьезный фактъ. Одинъ изъ его односельчанъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Архангельскъ и зайдя въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ, о которомъ

[1]) Я подчеркиваю это названіе, такъ какъ ботаники проводили сѣверную границу осокоря (Populus nigra) на нѣсколько градусовъ южнѣе. Впервые осокорь встрѣченъ былъ мною въ низовьяхъ р. Юга, затѣмъ, я нашелъ его на Двинѣ въ Устюгскомъ уѣздѣ, а докторъ Сятковъ даже въ Яренскомъ по р. Выми. Но имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія о произрастаніи осокоря въ Вологодской губ. въ давнія времена. Такъ, въ сочиненіи А. Соскина „Исторіи города Соли-Вычегодской“, изд. 1789 г., въ жизнеописаніи Іоанна Юродиваго (стр. 143) сказано: „Вѣгаше же блаженный Іоаннъ и въ другую страну веси, глаголемѣй Пачезерской, отстоящую отъ града 15 верстъ или поприщъ, до великихъ древъ осокорей“.

онъ слыхивалъ. Возвратясь же домой, сталъ смѣяться надъ тѣми, которые находятъ вкусъ въ чаю съ лимономъ, причемъ далъ понять, что лимонъ этотъ былъ соленый. Когда его разспросили подробнѣе, оказалось, что онъ смѣшалъ два незнакомыхъ ему плода и, вмѣсто лимона, спросилъ огурца, который ему и подали. Мужикъ этотъ былъ долго общимъ посмѣшищемъ въ деревнѣ.

Въ лавкахъ покупаютъ приправы: „струцковый", „горосцятой" и молотый перецъ и горчицу, но болѣе ничего. Пьютъ покупной чай, но никакихъ травъ, какъ суррогатъ чая (напр., звѣробой, земляничный) не употребляютъ. Кофе настоящаго не пьютъ, а покупаютъ подъ названіемъ „кофею" какія то сушеныя ягоды въ коробкахъ. Чай пьютъ съ сахаромъ, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе дороговизны этого продукта; изюмомъ сахаръ не замѣняютъ, тоже потому, что эта прикуска дорога. Сахаристыя вещества, необходимыя для организма, особенно дѣтскаго, получаются поѣданіемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ многихъ дикорастущихъ мѣстныхъ растеній; напр. зонтичныхъ Angelica silvestris, Heracleum sibiricum, а также крестоцвѣтнаго Bunias orientalis, хвощей (Equisetum), которые идутъ въ пищу въ видѣ плодоносныхъ стеблей, пестовъ „вороньихъ" и чеешныхъ" (послѣдніе считаются болѣе вкусными) и въ видѣ орѣшковъ (подземныхъ клубней), развивающихся на корняхъ полевого хвоща, такихъ же клубней зонтичнаго Chaerophyllum bulbosum, варятъ цвѣточные стебли („стобики") щавеля (Rumex Acetosa), а въ особенности лакомятся повсемѣстно сосновымъ и березовымъ сокомъ, добываемымъ весною, наконецъ, ѣдятъ кисель изъ солоду, въ которомъ развариваются ягоды калины.

Куренье табаку, конечно, махорки, очень распространено, но въ послѣдніе годы, со вздорожаніемъ этого наркотика, иные стали переходить къ нюханью. „Какъ табакъ подорожалъ, народъ сталъ отыкаться (останавливаться), другой и курить совсѣмъ ошабашилъ". Хотя нюхательный табакъ дѣлается изъ той же махорки, но въ него прибавляютъ чуть не на половину высушеныхъ и смолотыхъ еловыхъ иголъ и печной золы.

Деревня Марково отстоитъ отъ Двины въ 2 вер. и имѣетъ 34 дома; расположена она, какъ здѣсь говорится, „камницей", т. е. дома стоятъ не въ двѣ линіи по дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а вразсыпную и глядятъ своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими къ нимъ „огородцами" дорόги извиваются такъ прихотливо, что нищіе, забравшись въ деревню, не скоро находятъ изъ нея выходъ. Жителей въ деревнѣ 183 человѣка мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кромѣ младенцевъ, изъ нихъ грамотныхъ 30, т. е. 16°/о. Грамотными я считаю, не какъ принято обыкновенно, даже такихъ, которые умѣютъ лишь подписать свою фа-

милію, но дѣйствительно читающихъ и пишущихъ, хотя, надо сказать, что въ деревнѣ Марково пишутъ и читаютъ лишь изрѣдка письма, книгъ же никто не читаетъ, такъ какъ ихъ нѣтъ и достать негдѣ. Ближайшая къ Маркову школа—министерская—въ 3 верстахъ, въ селѣ Григоровѣ (по мѣстному Писѐница); затѣмъ, въ 10 верстахъ на Коморицѣ—земская и въ 6 вер. на Вешкурьѣ—тоже земская. По выходѣ изъ этихъ школъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки прерываютъ съ ними всякія отношенія; библіотечекъ при школахъ нѣтъ, а если и есть, то книги изъ нихъ не выдаются для чтенія „постороннимъ" лицамъ. Что касается духовнаго просвѣщенія народа, то здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ изумительнымъ фактомъ, что мой разсказчикъ, уроженецъ дер. Маркова, совершенный язычникъ. О Богѣ онъ только слыхивалъ отъ родителей, объ Христѣ же никогда ни отъ кого не слышалъ [1]), Евангелія не читывалъ, едва умѣетъ перекреститься и не знаетъ не только важнѣйшихъ молитвъ, но даже и той, которую произносятъ толстовскіе старцы: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ".

И этотъ крестьянинъ, имѣющій 28 лѣтъ отъ роду, домохозяинъ и женатый человѣкъ, конечно, не представляетъ исключенія среди обитателей верхней Двины и устьевъ Вычегды. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что въ названномъ краю „грудно" расположились семь приходскихъ церквей (въ Вондокурьѣ, Туровцѣ, Комарицѣ, Вешкурьѣ, Григоровѣ, Падзерѣ и Котласѣ), затѣмъ, въ 27 верстахъ отъ Маркова стоитъ городъ древняго благочестія Сольвычегодскъ, въ которомъ 12 церквей, и въ 70 верстахъ еще болѣе древній Устюгъ Великій, гдѣ 25 церквей и мѣстожительство архіерея. Мѣстный причтъ посѣщаетъ деревни своего прихода для того только, чтобы собрать хлѣбъ и дары о праздникахъ и, конечно, ни въ какія духовно-нравственныя бесѣды со своими прихожанами не вступаетъ. „Досугъ ли ему разсказывать? а проповѣдь въ церкви читаетъ" [2]).

Медицинская помощь въ волости почти не существуетъ. Земскій врачъ живетъ въ Сольвычегодскѣ и участка своего не объѣзжаетъ; фельдшеръ тамъ же, и если его вызовутъ, то является. Лечь въ больницу крестьянинъ рѣшается

[1]) Не слыхалъ никогда и „Христосъ съ тобой" и „Христа ради" и „Христомъ побирается" и „Христосъ воскресъ—воистину воскресъ"? Не слыхалъ ничего ни о Рождествѣ, ни о Богородицѣ, ни о Вознесеніи, ни о Воскресеніи Христовомъ, не слыхалъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ нищими, не видалъ иконъ, никогда не бывалъ въ церкви, однако женатъ?—Въ этомъ показаніи нельзя не усумниться. Крестьянинъ, какъ видно, очень толковый, напустилъ эту дурь на себя, желая щегольнуть передъ ученымъ бариномъ своимъ позитивизмомъ (см. на стр. 4—„бабьи запуки"). И ему повѣрили, значитъ совралъ не напрасно. *Ред.*

[2]) И все это повальное осужденіе Сольвычегодскаго духовенства, безъ сомнѣнія несправедливое, какъ всѣ такого рода огульныя осужденія, вновь убѣждаетъ насъ въ невѣрности показанія Марковскаго крестьянина и въ нѣкоторой въ этомъ случаѣ легковѣрности нашего почтеннаго автора. Самъ же онъ говоритъ, что съ Сольвычегодскимъ уѣздомъ лично онъ мало знакомъ, не имѣлъ значитъ случая и близко узнать тамошнее духовенство: не состоитъ же оно поголовно изъ дурныхъ, недоброкачественныхъ людей. *Ред.*

только въ послѣдней крайности. Лѣчатся домашними средствами и у „шептуновъ“, даже въ тѣхъ случахъ, когда требуется хирургическая помощь. Народъ, вообще, отличается въ тѣхъ мѣстахъ здоровьемъ, однако, лихорадки, по спадѣ водъ, даютъ себя знать.

Скота въ деревнѣ крупнаго около сотни головъ, но скотъ не холмогорской породы. Попытки развести эту породу дѣлались не разъ, но не удавались. Впрочемъ, скотъ не дурной. Хорошая корова вѣситъ здѣсь, т. е. на Двинѣ, пудовъ 15 и даетъ бутылокъ 20 молока въ день, быкъ вѣситъ отъ 18 до 20 пудовъ. Масло копятъ и продаютъ въ города (Красноборскъ, Сольвычегодскъ, Устюгъ) отъ 14 до 19 коп. за фунтъ. Куръ держатъ много и яйца отдаютъ скупщикамъ по 8—9 коп. за десятокъ; другой домашней птицы никакой не держатъ.

Куриныя яйца кладутъ въ вороньи гнѣзда съ цѣлью дать воронамъ высидѣть ихъ, потому что курица, „выпаренная“ вороной, бываетъ кладливѣе. Куриное яйцо „подводится“, т. е. подкрашивается подъ воронье сажей. Одно воронье яйцо изъ гнѣзда выбрасывается и кладется взамѣнъ его куриное, но только одно, иначе ворона замѣтитъ обманъ. Подложивши яйцо, по временамъ лазятъ и наблюдаютъ, не вылупился ли птенецъ, чтобы тотчасъ же вынуть его вонъ, иначе ворона убьетъ его.

Не смотря на плодородіе почвы, неурожая случаются. Земство въ такихъ случаяхъ не помогаетъ. „Не связываются съ нимъ, потому что раньше натыкало“, т. е. брали хлѣбную ссуду въ голодные годы и до сихъ поръ не могутъ съ этой ссудой раздѣлаться.

Кабака въ деревнѣ нѣтъ; онъ находится въ 3 вер., у церкви, „и у кажной церкви въ волости по кабаку“.

Земская почта въ уѣздѣ существуетъ, но денежныя и заказныя письма, равно и посылки, можно получать только въ волостномъ правленіи, въ 27 вер. отъ деревни, простая же корреспонденція доставляется въ сельское общество, но и за той нужно идти 3 версты.

Изъ звѣрей въ краѣ водятся: волки, медвѣди, рыси, росомахи, куницы, лисицы, горностаи, ласки, хорьки, бурундуки, бѣлки, зайцы. Оленей и лосей нѣтъ.

Изъ птицъ: тетерева, глухари, рябчики, утки, гуси, лебеди, журавли, гагары, галки, голуби, чайки, воробьи. Грачи въ деревнѣ и ея окрестностяхъ вовсе не селятся (потому что нѣтъ деревьевъ), но въ Сольвычегодскѣ они живутъ обильно. Изъ хищныхъ птицъ: коршуны, ястреба, филины, совы, сычи, ворȯны, вȯроны, сороки. Волки и медвѣди убиваются для шкуръ (волчья шкура цѣнится въ 3 руб.), тоже и бѣлки (отъ 5 до 10 коп.). Зайцевъ бьютъ для шкурки и для ѣды, но ѣдятъ только заднюю часть, шкурка про-

дается по три коп. Собачьи шкуры идутъ на шубницы (теплыя рукавицы шерстью вверхъ) и на шапки, тоже и кошачьи.

Тетеревей и глухарей ѣдятъ жареными, но не варятъ, рябчиковъ варятъ и жарятъ, тоже утокъ и гусей. Лебедей не ѣдятъ (считаются погаными), бьютъ лишь ради шкурокъ, но не на продажу, а набиваютъ изъ нихъ „чучалки“ и ставятъ въ избахъ „гля басы“ (для украшенія). Журавлей ѣдятъ— варятъ и жарятъ, но куръ и пѣтуховъ не ѣдятъ вовсе.

Голубей не бьютъ, это считается грѣхомъ, также и „воробышковъ“. Сорокъ бьютъ для того, чтобы достать мозгъ, который считается превосходнымъ средствомъ для смазыванія „омморожённыхъ“ частей тѣла. Съ тою же цѣлью употребляется и гусиное сало.

Къ птицамъ вообще относятся сочувственно: въ клѣткахъ ихъ не держатъ, нигдѣ и никогда; „птичу грѣхъ держать взапертѣ, въ засѣдкѣ. Иногда держатъ въ избахъ голубей, но они летаютъ свободно и вылетаютъ на улицу по желанію. Утокъ—селезней и острохвостокъ ловятъ руками и держатъ въ избахъ для того, чтобы потомъ съѣсть. „Хто убьетъ птичу зря, тово ругаютъ, потому што и ворона безприцйнная птича“ (т. е. ни въ чемъ не повинна).

Утиныя яица ѣдятъ вареными; найти утиное гнѣздо очень трудно, но иныя утки вьютъ себѣ гнѣзда въ „полунутрыхъ“ соснахъ довольно высоко отъ земли; такія гнѣзда разыскиваютъ и яица изъ нихъ выбираютъ.

Собака считается животнымъ въ высшей степени поганымъ и сквернымъ. Въ избу ее пускаютъ и позволяютъ лежать на полу, но никогда не пустятъ на лавку и ночевать она должна на повѣти. Черезъ нее не молятся. Иногда ее приласкаютъ, но на руки не берутъ. Если собака обнюхаетъ кушанье, его ни за что не тронутъ, а отдадутъ ей. Собакѣ никогда не позволятъ ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣдятъ люди, а если она полизала изъ чашки, чашку сожгутъ или бросятъ. Собакѣ, какъ и кошкѣ, дается особая посудина для ѣды; она зовется собачья, та же, изъ которой ѣстъ кошка, зовется „папырей“.

Кошка тоже считается поганой, черезъ нее не шагаютъ, а отопнутъ, если она лежитъ на дорогѣ. Въ церковь ее не пускаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но, вообще, она пользуется бо́льшимъ расположеніемъ, чѣмъ собака, ее гладятъ и берутъ на руки.

Рыбы въ описываемыхъ мѣстахъ водятся слѣдующія: окунь, лещъ, язь или язенокъ, подъязокъ, стерлядь, сорога (плотица) или сорожка, пескарь, бѣлашки (мелкая рыбка, но не снятки), ерши, караси, семга, харіузъ, мулявка, семидырка (минога; ихъ ловятъ, но только для кошекъ).

Привозная рыба изъ Архангельска: треска, палтусъ, семга, пикша, сайда, навага, морской окунь, зубатка, морская налимина (?), сельди и камбала.

Раковъ ловятъ въ Двинѣ, но не варятъ, а пекутъ на угольяхъ и ѣдятъ однѣ клешни.

Постройка дома и службъ.

Домомъ вообще зовется постройка, въ которой находятся: жилое помѣщеніе, повѣть и стая; изба-же—одна только жилая комната.

Матеріаломъ для постройки дома служатъ исключительно сосновыя бревна; лиственничныя исполняютъ роль фундамента, еловыя же никогда не употребляются.

Лѣсъ ронится, т. е. рубится въ великоговѣнье—великимъ постомъ и тотчасъ же вывозится въ деревню. Если лѣсъ пролежитъ на улицѣ все лѣто до осени, онъ зовется виснодильнымъ; такой лѣсъ можно рубить, т. е. дѣлать изъ него домъ, когда угодно, потому что онъ сухой; сырой, стало быть, мерзлый, рубить трудно, такъ какъ онъ „отшибаетъ руки".

Срубъ (по мѣстному стопа̀) рубится или на мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ домъ будетъ стоять, или же гдѣ нибудь вдали и послѣ разбирается и перевозится на мѣсто. Въ такомъ случаѣ мохъ не кладется и пазы мшатся тогда уже, когда стопа сложена. Если же рубится на мѣстѣ, то прямо „на̀ мохъ", т. е. слой моху кладется на окладникъ (см. ниже), на него слѣдующій вѣнецъ, т. е. четырехугольникъ изъ бревенъ, опять мохъ, и т. д.

Выбравъ мѣсто для дома, крестьянинъ прежде всего кладетъ на землю окла́дники, т. е. четыре лиственныхъ бревна, соединенныхъ между собою въ вѣнецъ, при чемъ въ мѣстахъ соединенія въ рубышп кладется мохъ и таковой-же разстилается по всей поверхности четырехъ нижнихъ бревенъ, затѣмъ, на окладники кладется слѣдующій вѣнецъ, уже изъ сосновыхъ бревенъ.

Когда это сдѣлано, служатъ молебенъ, называемый на-подъёмѣ.

Два первыхъ вѣнца опредѣлятъ мѣсто для подстолбковъ. Подстолбки—это сосновыя или лиственничныя чурки, вкапываемыя въ землю подъ углы окладниковъ; на нихъ будетъ держаться весь домъ. На верхнихъ срѣзахъ подстолбковъ вырубаютъ предварительно топоромъ фигуру креста. Камней-же подъ углы зданій никогда не кладутъ.

Подъ домомъ выкапывается яма, зовущаяся голбцемъ; въ нее опускается срубъ—ряда два бревенъ, песокъ-же, вырытый изъ ямы, приваливается къ внутренней поверхности стѣнъ дома и зовется завалиной. Впослѣдствіи изъ избы дѣлается въ голбецъ особый ходъ.

На окладники кладутся слѣдующіе ряды бревенъ съ мохомъ между ними. Мохъ берется или изъ рѣчекъ, такъ наз. з о л ѣ з н я к ъ, или на бору на сырыхъ мѣстахъ (Sphagnum) и его сушатъ дома.

Всѣхъ рядовъ, т. е. вѣнцовъ, въ срубѣ бываетъ обыкновенно 17, иногда 15.

На пятомъ ряду кладется полъ. Концы половыхъ тесинъ входятъ въ ч е р е п а—вырубки въ стѣнахъ избы; подъ полъ по срединѣ укладывается м á т и ц а, круглое бревно, служащее для того, чтобы полъ не прогибался. Для матицы въ стѣнахъ вырубаются гнѣзда, въ которыя она и входитъ своими концами.

Такъ какъ половицы не всегда одной толщины, то полъ можетъ выйти неровенъ. Чтобы выровнять его, на нижней поверхности половицъ вырубаются лапы *а*, въ которыя и входитъ матица *б* (рис. 1). Для того-же, чтобы полъ не коробился, въ половицахъ выдалбливаются долотомъ гнѣзда и въ нихъ загоняются шипы *в* (рис. 2).

Рис. 1.

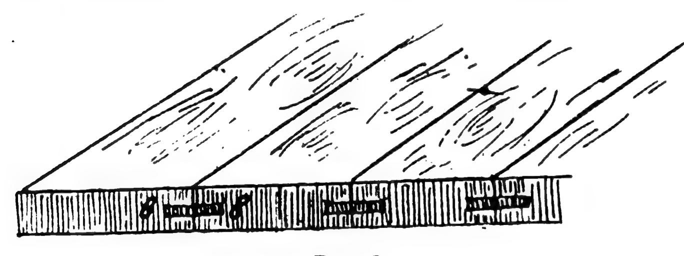

Рис. 2.

Полъ выравнивается стругомъ. Если въ половицѣ попадется сучекъ, который выскочитъ, то въ дырку заколачивается сосновая палочка—ш к ó н т и к ъ.

На концы половицъ у стѣнъ, чтобы не попадала вода, когда станутъ мыть полъ, приколачиваются н а л и ш н и к и—бруски, имѣющіе видъ трехгранныхъ призмъ. Ямки и неровности въ полу ничѣмъ не замазываются и полъ не красится.

На седьмомъ ряду начинаютъ вырубать окна, причемъ въ седьмомъ бревнѣ дѣлается вырубка, называемая п о д о к о н н и к о м ъ *а*, такая же вырубка въ верхнемъ бревнѣ (по высотѣ окна) зовется пролётомъ *б* (рис. 3). У двери вырубка внизу зовется п о р о г о м ъ, а верхняя тоже п р о л е т ъ.

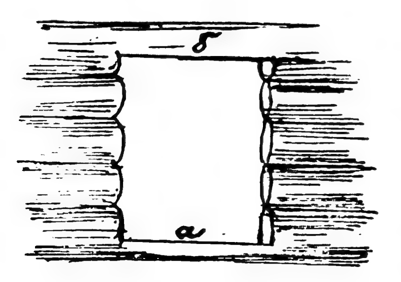

Рис. 3.

Въ углахъ бревна скрѣпляются обычнымъ способомъ, т. е. въ каждомъ деревѣ вырубаются по два рубыша, вершковъ по 7 или 8, кромѣ того, вынимается пазъ для моху; концы бревенъ, торчащіе

на улицу, зовутся заугóлками, они потомъ выравниваются пилою. Срубъ, доведенный до крыши, какъ уже было сказано, зовется стопóю.

Въ прорубы, сдѣланные для оконъ, прежде всего вставляются колодины—косяки, двѣ вертикальныхъ и двѣ горизонтальныхъ. Въ вертикальныхъ колодинахъ со стороны стѣны дѣлаются выемки—вы̀дры; въ эти выдры и входятъ брёвна стѣны̀. Такія же колодины вставляются и въ двери. Въ дверныхъ колодинахъ вырубается кругомъ притвòръ, т. е. прямоугольная выемка, въ которую должно входить полотно двери.

Полотно двери составляется изъ 4-хъ досокъ, въ которыхъ, когда онѣ сложены, дѣлаются двѣ косыхъ выемки; въ эти выемки вколачиваются нàрвы (безъ клея и гвоздей); для укрѣпленія ихъ, въ концахъ вгоняются клинья. Въ колодину вколачиваются два желѣзныхъ крюка *а*, а на нихъ надѣвается загнутый въ кольцо конецъ желѣзной полосы *б*, затѣмъ, полоса приколачивается тремя гвоздями къ полотну двери. У свободнаго, вертикальнаго края двери приколачиваются съ одной и съ другой стороны по желѣзной скобѣ *в*. Къ верхнему пролету приколачивается на 4 гвоздя налишникъ, прикрывающій мохъ, который кладется на верхнюю колодину (рис. 4).

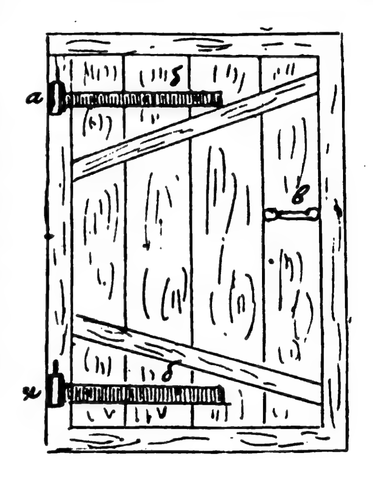

Рис. 4.

Съ наружной стороны двери, кромѣ скобы, приколачивается еще пробой для висячаго замкà, которымъ изба запирается, когда всѣ обитатели ея уходятъ далеко (напр., на сѣнокосъ), если же оставляютъ избу пустою ненадолго, то, притворивъ дверь, просто приставляютъ къ ней лопату или помело, какъ знакъ того, что въ избѣ никого нѣтъ.

Окòльницы, т. е. оконныя рамы, дѣлаетъ столяръ. Бруски, въ которые врѣзываются стекла, зовутся перечѐньями. Рама просто приколачивается къ окну гвоздями. Большія окна зовутся колодными, меньшія не имѣютъ особыхъ названій.

На второмъ бревнѣ сверху стопы въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ вынимаются черепà. Особо отъ черепов въ бревнахъ вырубаются подмàтки, т. е. отверстія, въ которыя входятъ концы матицы *а*. Для большей прочности, кромѣ главной матицы, кладутся еще побочныя, называемыя тоже подматками, *б* (рис. 5).

Поперекъ матицъ укладывается потолокъ изъ круглыхъ бревенъ. Когда бревна накачены, ихъ прижимаютъ начерёпкомъ, т. е. самымъ верхнимъ вѣнцомъ бревенъ и конопатятъ мохомъ.

Затѣмъ, рубится повалъ *в*, т. е. рядъ бревенъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ шипами. Нижнее бревно повала по длинѣ равно поперечной стѣнѣ дома, слѣдующія постепенно съуживаются и образуютъ треугольникъ; боковые стёсы повала зовутся слюзàми.

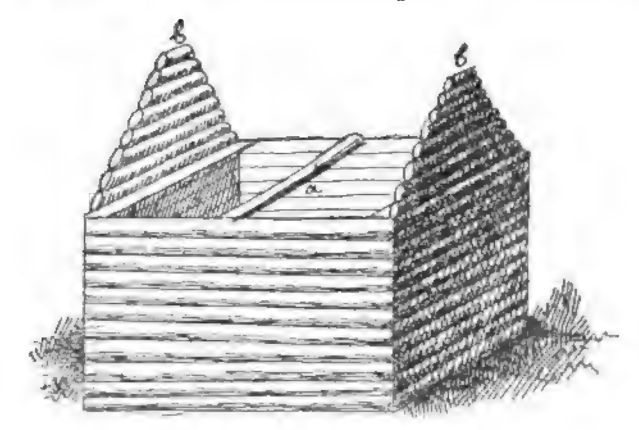

Рис. 5.

Повалъ не всегда бываетъ бревенчатый, иногда его дѣлаютъ и тесовымъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто пары стропилъ, какъ это имѣетъ мѣсто при бревенчатыхъ повалахъ, ихъ ставятъ три пары, какъ показано на рис. 6.

Стропила укрѣпляются своими нижними концами въ гнѣздахъ, выдолбленныхъ въ стѣнѣ. Если бревенчатыхъ поваловъ не дѣлается, то въ крайнія стропилины вставляются стойки изъ отесанныхъ съ двухъ сторонъ нетолстыхъ бревенъ; стойки эти служатъ для обшивки повала: тесины приколачиваются къ нимъ гвоздями.

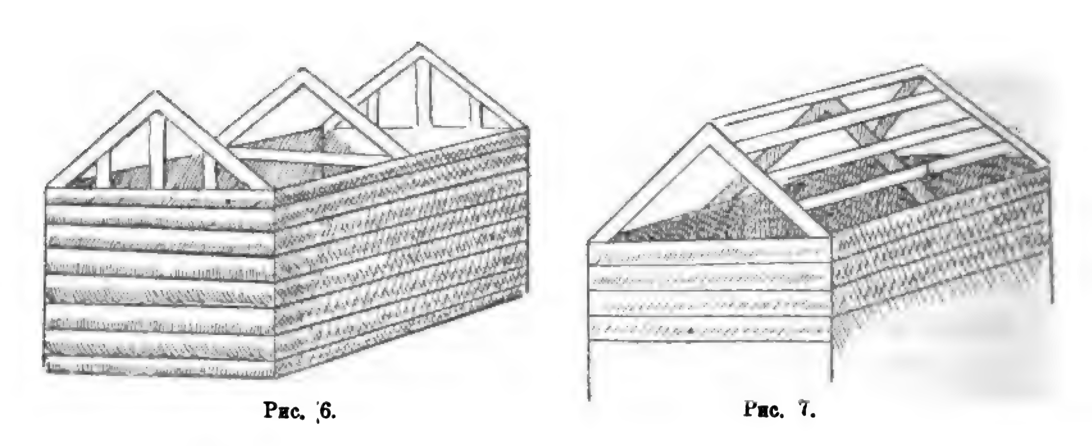

Рис. 6. Рис. 7.

Когда это сдѣлано, поперекъ стропилъ, параллельно стѣнамъ, кладутся слѐги изъ бревенъ вершка по 2 въ отрубѣ; онѣ входятъ въ рубышки, выдолбленныя въ стропилинахъ, и приколачиваются гвоздями (см. рис. 7). Слегъ всего 13 штукъ, по 6 на сторонѣ и 13-я на верху князёвая. Для укрѣпленія, стропила связываются прибитыми къ нимъ крестъ-на-крестъ досками („крестовыя штуки").

Затѣмъ, крыша кроется тесомъ. Тесины кладутся поперекъ слегъ; внизу онѣ входятъ въ водопуски *а*, а водопуски лежатъ на курочкахъ *б*—де-

ревянныхъ крючкахъ, которые вкладываются въ нижнюю, лежащую на стѣнѣ, слегу. Верхніе концы тесинъ прижимаются ѻхлупнемъ *в*. Это—выдолбленное желобомъ бревно, вогнутою стороною оно кладется на князевую слегу (рис. 8).

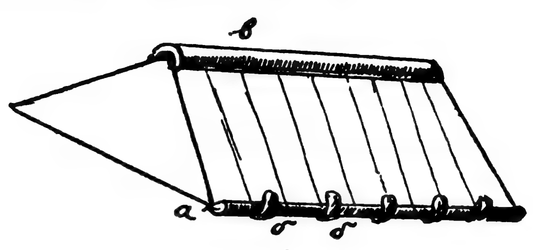
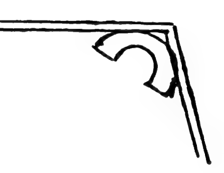

Рис. 8.

Чтобы снѣгъ не попадалъ подъ крышу и чтобы ее не сорвалъ вѣтеръ, къ слегамъ съ передней и задней стороны приколачивается подзѳръ изъ досокъ; съ боковъ его нѣтъ.

Спереди подъ угломъ крыши прикрѣпляется дуга изъ тонкихъ досокъ, называемая кузовкомъ; она служитъ единственно для украшенія.

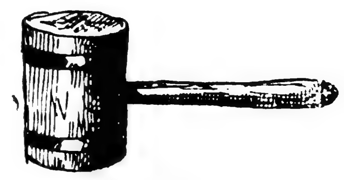
Подъ крышей (на чердакѣ) спереди на потолокъ ставится небольшой срубъ о три стѣны (четвертая, передняя стѣна образуется поваломъ), представляющій комнатку; она имѣетъ отдѣльный потолокъ и полъ. Въ задней стѣнѣ прорубается дверь, спереди (въ поталѣ) — окно. Эта лѣтняя комнатка зовется изминъ (т. е. мезонинъ); лѣтомъ въ ней спятъ, а зимой она служитъ кладовою. Передъ окномъ изимина дѣлается балхѳнъ; на него можно выходить изъ окна.

Рис. 9.

Къ передней стѣнѣ дома, но не вплотную, а лишь до зауголковъ, приваливается на землю бревно, такъ, что между нимъ и стѣной дома образуется какъ бы ящикъ; это пространство засыпается пескомъ, съ тою собственно цѣлью, чтобы холодъ не проникалъ съ улицы подъ полъ избы. Вмѣсто бревна ставятъ иногда „плетешокъ“ изъ вицъ и между нимъ и стѣной насыпаютъ льняную костицу, перемѣшанную съ пескомъ.

Въ деревняхъ по Сухонѣ (въ Устюгскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ), вмѣсто описанныхъ заваленокъ передъ избой вколачиваются въ землю колья и пространство между этими кольями и стѣною дома заваливается соломой до самыхъ оконъ, въ окна же вставляются снаружи подушки, набитыя куделей, съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ для прохода свѣта. И то, и другое, конечно, весьма негигіенично и безобразно. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ этого нѣтъ. При наступленіи сильныхъ морозовъ здѣсь окна завѣшиваютъ иногда снаружи соломенными коврами, и только.

Конопатятъ домъ черезъ годъ или черезъ два по постройкѣ, но не мохомъ, а льняными отрепьями, посредствомъ желѣзной лопатки, называемой конопаткой; по лопаткѣ ударяютъ кіемъ.

Рис. 10.

Кій—березовая чурка, обтянутая желѣзными кольцами. Сбоку вставляется ручка, которая зовется чѐренъ (см. рис. 10). Береза для кія подыскивается особенная, т. е. такая, слои которой завертываются спиралью (въ Никольскомъ у. цвиль, цвилеватая береза); она отличается большою крѣпостью и зовется здѣсь щеткой. Отрепи предварительно ссыкаются въ жгутъ, называемый кòнопатью, и эта конопать вколачивается въ пазъ кіемъ.

Конопатить умѣетъ не всякій, а только мастеръ, называемый конопатчикомъ.

Конопаченье избы длится съ недѣлю, если работаетъ одинъ и стòитъ рубля 3—4 на хозяйскихъ харчахъ.

Съ задней стороны къ избѣ примыкаетъ мосъ (т. е. мостъ). На шести столбахъ, вкопанныхъ въ землю, кладутся перекладины, а поперекъ ихъ настилается самый мостъ изъ тесу или изъ половѝншика, т. е. распиленныхъ на-двое бревенъ, которыя укладываются горбомъ книзу. Надъ мостомъ, на перекладинахъ, настилается тесовый потолокъ—пòдволока.

Къ мосту по ту или другую сторону избы пристраивается крыльцо. Это—площадка, обыкновенно съ крышею и перилами; съ нея спускается лѣстница на землю.

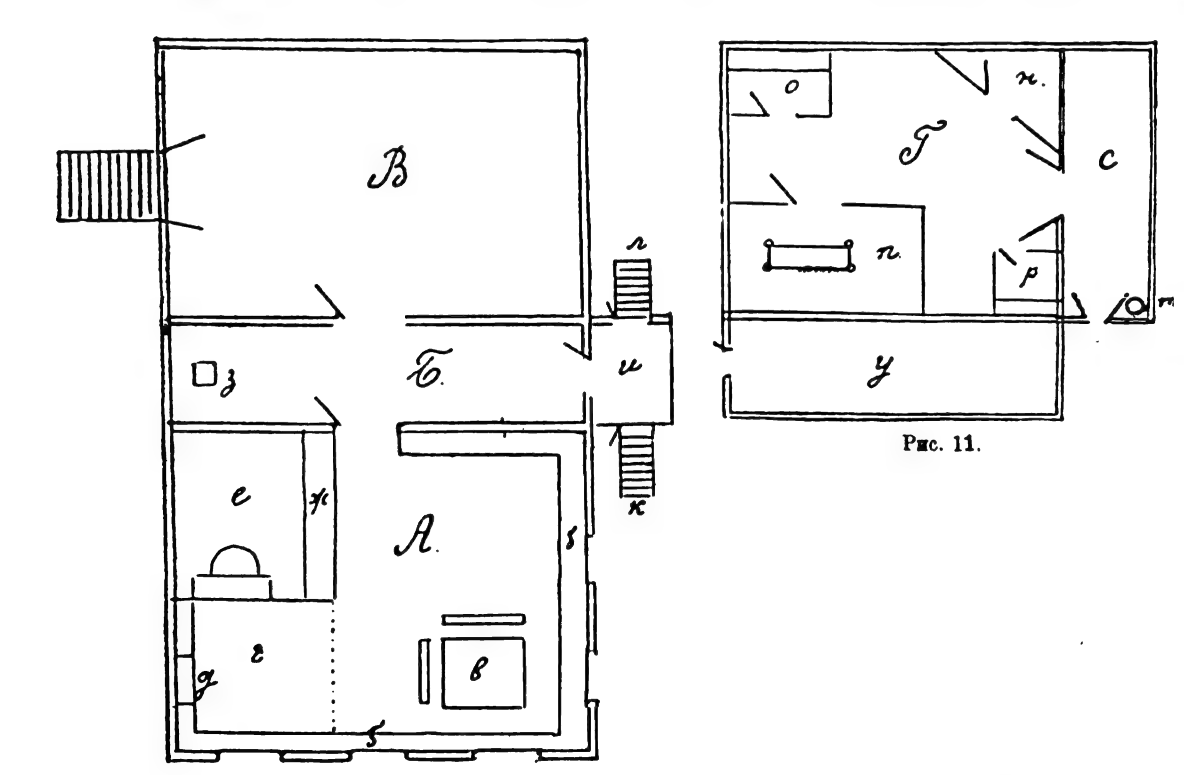

Рис. 11.

Непосредственно къ мосту примыкаетъ стая. Срубъ для стаи дѣлается такъ же, какъ и для избы и крыша у избы, моста и стаи общая. Внизу въ стаѣ, „на назьмỳ,“ помѣщается скотъ, вверху-же находится повить (повѣть); тутъ „мечется“ сѣно или солома, тутъ же хранятъ сани, тарантасы и т. п. Отъ моста повѣть отдѣляется стѣной, въ которой на мостъ прорублена дверь.

На той же (или на другой) сторонѣ, гдѣ находится крыльцо, въ стѣнѣ повѣти дѣлаются ворота въ два полотна и отъ нихъ спускъ внизъ—звозъ. Звозъ держится на перекладинахъ, положенныхъ на столбы; на перекладины набираются звозины—бревна, по которымъ въѣзжаютъ на повѣть или спускаются съ нея.

Планъ избы, моста, повѣти и стаи (рис. 11).

А—изба; *б*—лавки по стѣнамъ; *в*—столъ; *г*—мѣсто противъ печи, отдѣленное отъ избы занавѣской; *д*—посудный шкафъ; *е*—печь, *ж*—голбецъ.

Б—мостъ; *з*—дыра въ полу (отхожее мѣсто); *и*—площадка крыльца; *к*—лѣстница на улицу; *л*—лѣстница въ саникъ.

В—повѣть; *м*—звозъ.

Г—стая (помѣщается подъ повѣтью); *н*—помѣщеніе для свиней; *о*—помѣщеніе для овецъ; *п*—для коровъ; *р*—для лошадей; *с*—саникъ; *т*—колодезь; *у*—помѣщеніе подъ мостомъ; тутъ лѣтомъ стоятъ овцы.

Въ скотской стаѣ устраиваются вѐсли (ясли) и отдѣляется помѣщеніе для лошади и свиней. Къ стаѣ пристраивается сбоку санѝкъ; въ него ведутъ ворота съ улицы, другія изъ него ведутъ въ стаю. Саникъ служитъ для защиты скотнаго двора отъ заноса снѣгомъ и для храненія соломы, дровней, саней, телѣгъ, какъ и повѣть.

Теперь о внутреннемъ устройствѣ избы.

Когда крыша кончена, внутри избы „обиваютъ коровки“, т. е. обтесываютъ топоромъ круглыя части бревенъ въ стѣнахъ, а потомъ стружатъ ихъ. Затѣмъ, около стѣнъ придѣлываются неподвижныя лавки, надъ ними подъ потолкомъ полàвошникъ или полѝца.

Важнѣйшій-же предметъ въ избѣ есть печь. Устраивается она такимъ образомъ.

Такъ какъ въ томъ углу избы, который предназначенъ для постановки печи и голбца, пола нѣтъ [1]), то на края отверстія въ полу кладутся брусья

[1]) На первый взглядъ должно казаться страннымъ, почему не пропускаютъ половыхъ тесинъ подъ печку и подъ голбецъ, тѣмъ болѣе, что толстыя половицы лучше, конечно, выдерживали бы давленіе тяжелой печи, чѣмъ тонкія доски, на которыхъ она устанавливается, но надо принять во вниманіе, что печь съ голбцомъ занимаютъ ¼ часть избы, и вмѣсто того, чтобы употребить на полъ 5 деревъ лѣсу,

а и *б* и концы ихъ вдалбливаются въ стѣны. На брусья накладываются поперечныя доски; на нихъ станетъ потомъ накладываться печная глина. На брусья же ставятся ребромъ доски *в*, *г*, *д* и *е*, *ж*, *з*, скрѣпленныя подъ прямымъ угломъ. Онѣ образуютъ двѣ стороны ящика; третью и четвертую стороны представятъ уже стѣны избы. Этотъ ящикъ зовется опѐчекъ.

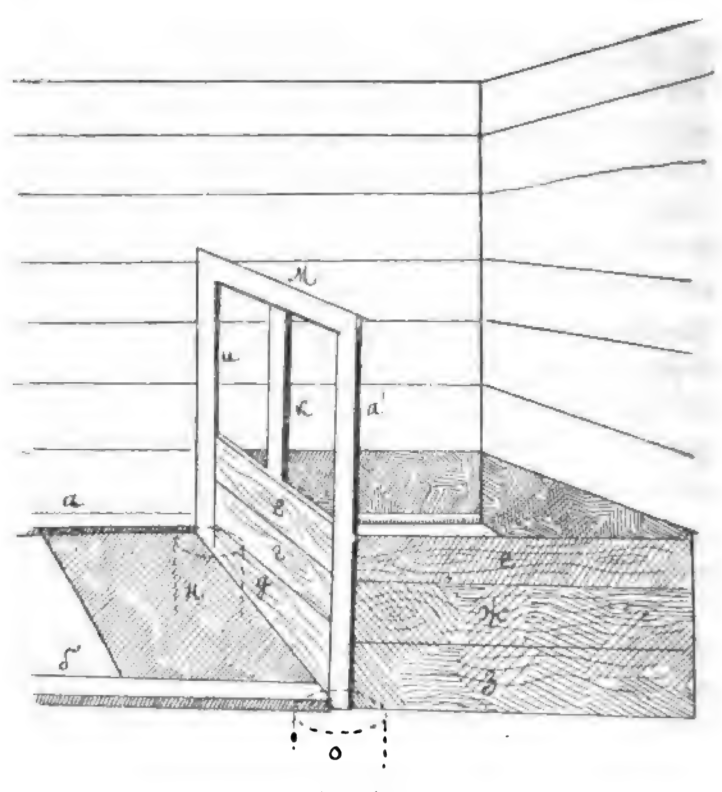

Рис. 12.

У стѣны на уголъ ящика прикрѣпляется брусъ *и*, по срединѣ другой брусъ *к* и на углу столбикъ *а́*, упирающійся нижнимъ своимъ концомъ въ брусъ *б*. Сверху эти брусья и столбикъ соединяются перекладиной *м*. Подъ углы опечка подставляются столбы *н* и *о*, которые вкапываются въ землю (рис. 12).

Вотъ деревянныя части печи. Теперь о кладкѣ глиняныхъ частей.

Глина для печи берется луговая [1]). На доски, лежащія на брусьяхъ *а* и *б*, насыпается сперва песокъ, затѣмъ начинаютъ накладывать глину. Ее уколачиваютъ кіями, такими точно деревянными молотками, какіе употребляются

какъ это дѣлается, пришлось бы употребить 10 деревъ, именно 10, а не меньше, какъ опять-таки должно казаться, потому что на устройство пола въ той четвертой части избы, что находится между лицевой стороною печи и противолежащей ей стѣною избы, идутъ горбыли, отпиленные отъ тѣхъ тесинъ, которыя составляютъ полъ остальной половины избы.

[1]) Съ такихъ луговъ, которые затопляются водою, такъ что это, вѣроятно, не глина, а рѣчной илъ.

для конопатки избы. Когда глина уложена до края опечка, дѣлаютъ свинку. Это два полукруга изъ досокъ, связанныхъ поперечными дощечками, какъ показано на рисункѣ. Свинка ставится на глину, при чемъ поверхность глины будетъ пòдомъ печи, сама-же свинка отграничитъ чело и сводъ печи. Когда свинка установлена на своемъ мѣстѣ, ее начинаютъ обкладывать глиною; при этомъ, въ глину рядами вбиваютъ булыжный камень, такъ что получается рядъ камней, на немъ слой глины, опять рядъ камней и новый слой глины. Камни въ этомъ случаѣ служатъ не столько для скрѣпленія глины, сколько для удержанія жара въ толщѣ печи. Для скрѣпленія же глины собственно служитъ растопленная смола, которая наливается послѣ каждаго ряда (или черезъ рядъ) камней.

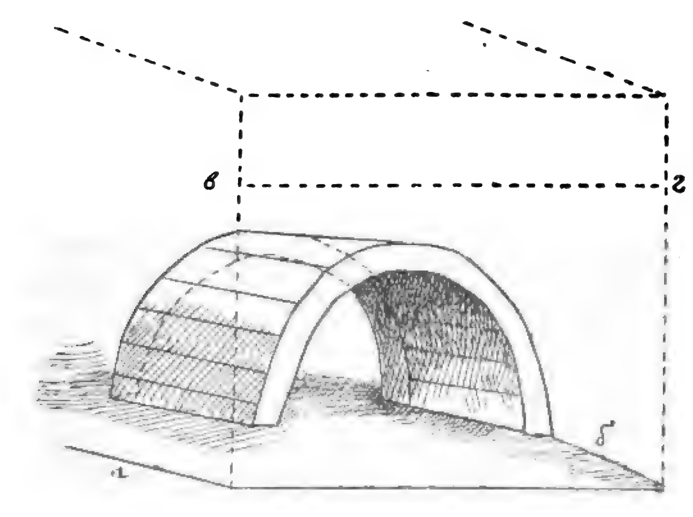

Рис. 13.

Когда кладка печи кончена, свинку вынимаютъ вонъ, а иногда и оставляютъ; въ такомъ случаѣ, она, разумѣется, сгораетъ, когда станутъ топить печь. По линіямъ *а* и *б* выводятъ глиняныя стѣнки, верхняя же часть печи выдается надъ устьемъ впередъ вровень съ шесткомъ и укрѣпляется поперечнымъ брусомъ или желѣзной полосой, идущей по линіи *в—г* (рис. 13).

Шестокъ дѣлается глиняный, но иногда и кирпичный. Въ боку печи оставляютъ полукрыглыя впадины—печурки, въ которыхъ потомъ сушатъ рукавицы или что иное.

Въ опечкѣ, на уровнѣ пола, дѣлается квадратное отверстіе, ведущее подъ печку; это помѣщеніе зовется засѣдкой; въ немъ держатъ куръ въ зимнее время.

Труба выводится всегда прямая, т. е. безъ колѣнъ, надъ печнымъ устьемъ—глиняная или кирпичная; зовется она трубкой. Повыше печи въ трубкѣ дѣлается выемка, гдѣ вкладывается чугунное горло, закрываемое двумя

вьюшками. Выемка прикрывается приставной (а не на петляхъ) заслоночкой. Для трубки въ потолкѣ и въ крышѣ прорубается дыра и труба сверху не защищается кровелькой, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ заключеніе вся печь бѣлится мѣломъ, разболтаннымъ въ молокѣ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ углового столба опечка укрѣпляется другой столбъ, и отъ него идутъ, параллельно полу и опечку съ одной стороны и параллельно стѣнѣ избы съ другой, тесинки, образующія стѣнки голбца; сверху голбецъ тоже забирается тесомъ, а съ лицевой стороны въ стѣнкѣ дѣлается дверца, отъ которой лѣстница ведетъ въ подполье, т. е. въ пространство подъ избой, которое и есть собственно настоящій голбецъ. Съ другой стороны дѣлается приступочекъ изъ двухъ ступеней, по которымъ входятъ на голбецъ и съ него на печь и влѣзаютъ на полати.

Обстановка избы, какъ и повсюду въ Великороссіи: по стѣнамъ лавки надъ ними полавошникъ, въ углу образа, подъ ними обѣденный столъ и около него скамейки. Къ стѣнѣ около печи приколачивается полочка, называемая **наблюдникомъ**; на нее ставятся тарелки, блюда и ставцы, кладутся ножи и вилки. Иногда у той же стѣны шкапъ для посуды. Надъ входной дверью, между голбцемъ и стѣной находятся полати. Съ печи на полати кладется иногда доска (или двѣ), называемая **ливнйицей**, гдѣ бабы садятся прясть, когда внизу холодно и мужики вяжутъ **столбы**, т. е. сѣти для ловли рыбы.

Перехожу теперь къ описанію хозяйственныхъ построекъ: погреба, амбара, овина и бани.

Погребъ (рис. 14).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее спускается срубъ рядовъ въ 12 бревенъ. Образуется подземный ящикъ *а*, *б*, *в*, *г*. Надъ срубомъ дѣлается потолокъ изъ бревенъ *а*, *г*. На этотъ потолокъ насыпается толстый слой песку, а надъ нимъ накатывается другой рядъ бревенъ *д*, *в*, служащій поломъ для верхняго помѣщенія. Разстояніе между накатами *а*, *г* и *д*, *е* не болѣе четверти. На полъ *д*, *е* песку не насыпается.

Поверхъ земли на нижній срубъ ставится другой, *д*, *е*, *ж*, *з*, рядовъ въ 13 бревенъ; на него настилается потолокъ *ж*, *з*, тоже засыпаемый пескомъ, а сверху крыша на два ската, без стропилъ; она держится лишь на двухъ повалахъ. Дверь *и* ведетъ съ улицы въ верхнее помѣщеніе. Въ полу *д*, *е* и въ потолкѣ нижняго помѣщенія *а*, *г* прорубаются квадратныя отверстія, черезъ которыя по лѣсенкѣ *к* попадаютъ въ нижнее помѣщеніе. Въ

отверстіи потолка *а*, *г* вставляется ставень и на него обыкновенно наваливается сѣно, для того, чтобы тепло не проникало сверху въ нижній этажъ погреба. Подъ дверью *и* прорубается окошечко такой величины, чтобы въ него могла пролѣзть кошка, но вообще оконъ въ погребѣ нѣтъ.

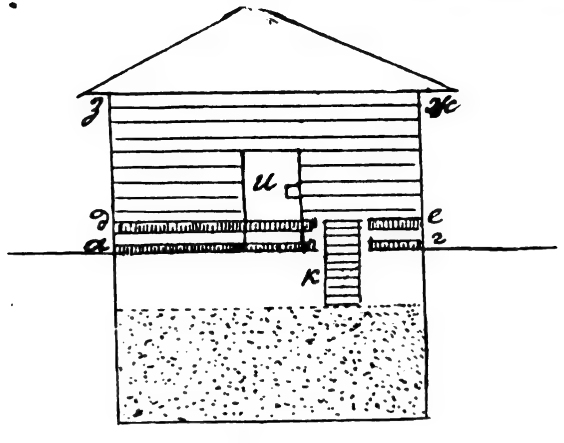

Рис. 14.

Когда зданіе готово, въ нижнее помѣщеніе мечется снѣгъ (ледъ никогда не кладется) и утаптывается ногами. Снѣгу наметывается столько, что пространство между нимъ и поломъ остается ряда въ 4 бревенъ.

Въ „ямѣ“, т. е. на снѣгу, хранятъ картошку „и все ѣдобное“, въ верхнемъ же помѣщеніи муку и проч.

Амбаръ.

Амбарный срубъ въ 13 бревенъ устанавливается на подстолбкахъ, крыша обыкновенная. Дверь въ амбаръ ординарная; оконъ не прорубаютъ. Внутри по стѣнамъ сусѣки съ крышками; въ нихъ хранятъ хлѣбъ въ зернѣ: рожь, ячмень, овесъ, пшеницу.

Овинъ (рис. 15).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее опускается срубъ рядовъ въ 13 бревенъ *а*, *б*, *в*, *г*, поверхъ-же земли на него ставится другой срубъ рядовъ въ 10. Срубъ этотъ перегороженъ поперекъ стѣною *д*, *е*. Потолокъ надъ нижнимъ срубомъ накатывается вровень съ землей лишь до стѣны *д*, *е* и на него наваливаютъ слой глины вершка въ два. Потолокъ не докладывается до стѣнъ *а*, *д* и *б*, *е*, такъ что образуются щели, называемыя пàзухами *ж*, *з*. Поперекъ потолочныхъ бревенъ отъ стѣны до стѣны укрѣпляются концами въ стѣны два бревна *и* и *к*, на разстояніи отъ потолка въ 1 арш., называемыя колосниками. Въ одной стѣнѣ прорубается дверца *л*, такой величины, чтобы человѣкъ могъ войти въ нее согнувшись. Вдоль потолочныхъ бревенъ укладываются вплотную жерди; концами своими онѣ лежатъ на колосникахъ. Жерди эти зовутся перекладинами. Потолка надъ

верхнимъ помѣщеніемъ овина не дѣлаютъ, а прямо крышу, которая держится на двухъ повалахъ.

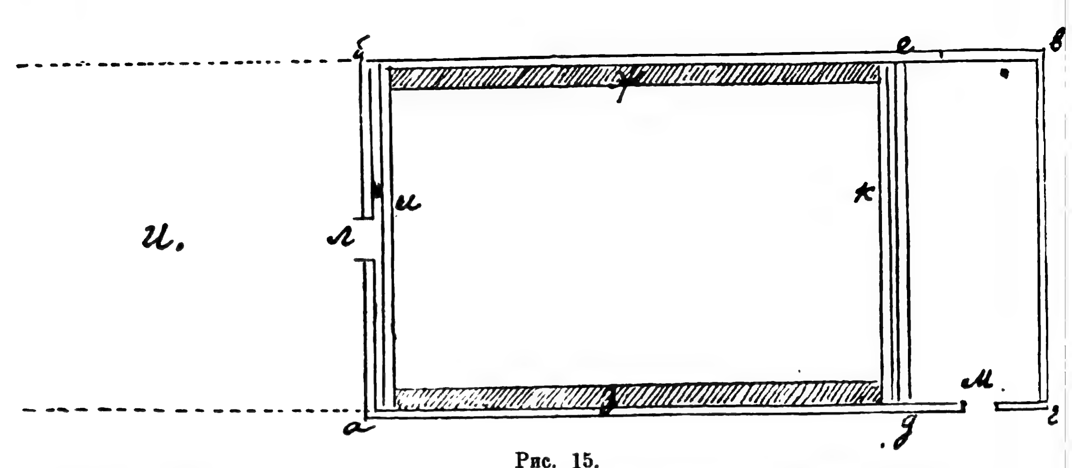

Рис. 15.

За стѣной *д, е* часть верхняго и нижняго срубовъ остается свободною, шириной она аршина полтора. Такъ какъ овинная яма подъ этимъ срубомъ продолжается до стѣны *г в*, то стѣна *д е*, такъ сказать, виситъ на воздухѣ надъ ямой. Помѣщеніе *д е в г* называется подлазомъ и, чтобы изъ этого подлаза проникнуть въ самый овинъ, приходится пролѣзать подъ стѣною *д е*. Съ одной стороны въ подлазѣ прорубается отверстіе *м*, въ которое и пролѣзаютъ съ улицы, а въ яму спускаются по жердочкамъ, называемымъ ступенями; концы ихъ упираются въ стѣну *г в* съ одной стороны и въ стѣну *д е* съ другой.

Проникнувъ изъ подлаза въ яму подъ овиномъ, человѣкъ разводитъ на днѣ этой ямы тѣплинку изъ дровъ, причемъ жаръ проникаетъ въ овинъ черезъ пазухи, а дымъ выходитъ на улицу просто сквозь крышу.

Снопы впихиваетъ въ овинъ черезъ отверстіе *л* одинъ человѣкъ, тогда какъ другой принимаетъ ихъ въ овинѣ и садитъ на жерди. Когда овинъ „насаженъ", то снаружи черезъ отверстіе *л* запихивается въ снопы рожень— тонкій шестикъ, и оставляется въ снопахъ. Выдергивая по временамъ рожень, человѣкъ ощупываетъ его, холоденъ онъ, или тепелъ. Если холоденъ, это значитъ хлѣбъ еще не высохъ, если тепелъ, то снопы выбрасываются на гумно, которое помѣщается тутъ же, рядомъ съ овиномъ—*и*.

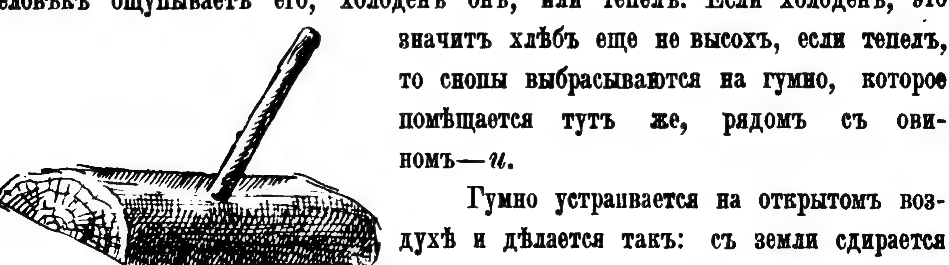

Рис. 16.

Гумно устраивается на открытомъ воздухѣ и дѣлается такъ: съ земли сдирается мурагъ, т. е. трава съ корнями, дернъ, и земля утрамбовывается трамбовкой, которая состоитъ изъ половины чурки; въ выпуклую часть чурки вставлена ручка

(см. рис. 16). Снопы разносятся по гумну и стелются поса̀домъ, т. е. въ два ряда, вершина къ вершинѣ. Затѣмъ ихъ начинаютъ молотить молотилами.

Молотило дѣлается такъ. Берутъ палку и въ одномъ концѣ просверливаютъ дыру *а* (см. рис. 17.) около четверти длины, а сбоку вкось другую, *б*, такъ что образуется каналъ *а б*. Палка эта зовется ка̀дочкой; она аршина два длиною. Вершина кадочки, т. е. тотъ конецъ ея, гдѣ просверлена дыра, обтягивается бараньей мошней (мошонкой). Мошня натягивается сырою или когда высохнетъ, то обляжетъ кадочку столь плотно, что ее не снять ножомъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы кадочка не раскололась.

Въ каналъ пропускается пучьѐ, т. е. кусокъ кожи, который высовывается изъ обоихъ отверстій канала. Часть кожи, выходящая наружу въ отверстіи *в*, протыкается ножомъ и въ нее продѣвается клѐчикъ, т. е. палочка, которая не позволяетъ кожѣ выдернуться. Часть кожи въ отверстіи *г* длиннѣе и въ нее тоже втыкается клечикъ.

Рис. 17.

Берется другая палка съ аршинъ длиной и на концѣ ея дѣлается косой срѣзъ (см. рис. 18). Къ этому срѣзу прикладывается отъ кадочки кусокъ кожи *д* и привязывается крѣпко веревкой. Эта вторая палка зовется бадо̀гъ. Кадочку берутъ въ руки, а бадогомъ ударяютъ по снопамъ.

Баня.

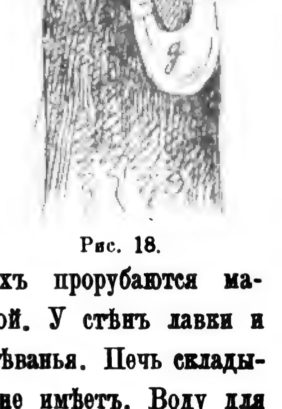
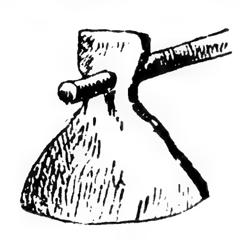

Рис. 18.

Въ землѣ выкапывается яма и надъ ней ставится срубъ, такой же, какъ для амбара или погреба. Надъ ямой настилается полъ изъ тесу съ просверленными въ немъ дырками. Въ двухъ стѣнахъ прорубаются маленькія оконца безъ рамъ, они задвигаются ставенькой. У стѣнъ лавки и поло̀къ. Къ банѣ сбоку пристраиваются сѣнцы для раздѣванья. Печь складывается изъ дикихъ камней безъ цемента; трубы она не имѣетъ. Воду для мытья нагрѣваютъ въ шайкахъ калеными камнями. Моются мыломъ (щелокъ не употребляется) и парятся березовыми вѣниками. Послѣ мытья, тѣла ничѣмъ не вытираютъ.

Хлѣбопашество.

Если участокъ, предназначенный для воздѣлыванія на немъ хлѣба— лѣсной, то лѣсъ вырубаютъ на дрова или на постройку, остающееся „пенье" постоитъ лѣта два, затѣмъ его окапываютъ лопатою или копачёмъ (см. рис. 19), выворачиваютъ, складываютъ въ кучу и весною сжигаютъ. Послѣ этого орутъ землю сохой, потомъ боронятъ. Затѣмъ земля парится недѣли 2 — 3, послѣ чего ее снова орутъ и боронятъ и оставляютъ до осени. Осенью опять заорутъ и посѣютъ рожь.

Рис. 19.

Сѣютъ рожь изъ сита. Сѣющій беретъ зёрна въ горсть и хлопаетъ объ обичку, зерна и разлетаются ровно.

Новь не лѣсную, а полевую, открытую, орутъ въ концѣ мая, именно четыре раза, затѣмъ унаваживаютъ, снова орутъ, чтобы завалить навозъ, боронятъ и оставляютъ до весны. Весной разъ взорутъ, подождутъ дня три, четыре и сѣютъ всякій хлѣбъ, кромѣ ржи.

Если поле было уже засѣяно прошлымъ лѣтомъ, то весной „послѣ Миколы" (9 мая) землю взорутъ сохой и тотчасъ же сѣютъ ячмень или овесъ, смотря по грунту: если грунтъ глинистый, то ячмень, если песчаный, то овесъ. Сѣмена овса и ячменя сѣются или свои, или покупные—въ Устюгѣ, Красноборскѣ или Сольвычегодскѣ.

Проба сѣмянъ дѣлается въ избѣ: въ ольховомъ корытцѣ, называемомъ ростѝла, бородкой топора вырубаются ямочки и въ нихъ закладываются зерна, примѣрно по 10 штукъ овса, ячменя, пшеницы или льна. Земли въ ямочки не кладется. Зерна поливаются водою и прорастаютъ. Дѣлается это для того, собственно, чтобы узнать процентъ всхожести.

Ячмень вообще сѣется весной. Сперва землю заорутъ, потомъ посѣютъ, зоборонятъ и оставляютъ сутки на 2—3, наконецъ дòлятъ, т. е. вторично боронятъ, и такъ поле остается до жатвы.

Овесъ, какъ уже сказано, не сѣютъ на глину, какъ прочіе хлѣба, а больше на песокъ и боронятъ одинъ разъ.

Пшеница—какъ и ячмень.

Ленъ. Землю заорутъ, заборонятъ и сѣютъ. Въ лукошко, изъ котораго сѣютъ, кладутъ вареное яйцо и его съѣдаетъ тотъ, кто сѣялъ. Боронятъ вторично, какъ и ячмень. Ленъ рвутъ, а не дергаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Коноплё. Землю заорутъ два раза, навозятъ назьму́, снова заорутъ и сѣютъ, потомъ боронятъ одинъ разъ. Когда созрѣетъ, рвутъ и ставятъ въ

кучи, изъ кучъ бруснутъ, т. е. обрываютъ ку́глину—вершинки съ сѣмечками, и бросаютъ въ кадки. Стебли вяжутъ въ снопы и опускаютъ въ озеро мочить. Когда вымокнетъ, развѣшиваютъ на огородѣ на колья, чтобы вывѣтрило. Потомъ кладутъ сушить въ баню, затѣмъ мнутъ мялкой, какъ и ленъ, треплютъ трепаломъ и прядутъ.

Конопляное сѣмя изъ кадки вываливаютъ на печь сушить. Когда сѣмя выйдетъ изъ оболочки, его очищаютъ, куглину бросаютъ въ огонь, а сѣмя ссыпаютъ въ лагунъ и ставятъ въ амбаръ. Сѣмя это частью продаютъ, частью ѣдятъ сами (льняное-же, „хотя оно и сладкое, не ѣдятъ, единственно потому, что отъ него заводятся вши"): толкутъ въ ступкѣ, варятъ и наливаютъ на шаньги, также пекутъ съ нимъ пироги, наконецъ варятъ его въ горшкѣ съ сушеными грибами.

Горохъ, прежде чѣмъ сѣять, мочатъ сутки двои. Землю заорутъ и сѣютъ, боронятъ одинъ разъ. Когда поспѣетъ, рвутъ, везутъ на гумно и вѣсатъ на жерди сохнуть. Когда высохнетъ, досушиваютъ въ овинѣ и молотятъ; трава идетъ въ кормъ скоту.

Рѣпа. Землю заорутъ, черезъ мѣсяцъ навозятъ назьму и снова орутъ, заборонятъ, сѣютъ, перемѣшавъ сѣмя съ пескомъ, и послѣ посѣва землю боронятъ еще разъ.

Когда рѣпа поспѣла, ее обрѣзываютъ тутъ-же на рѣпищѣ, кладутъ въ мѣшки, увозятъ домой и прячутъ въ „яму", т. е. въ погребъ.

Ячмень „опихиваютъ" въ кадцахъ желѣзными лопатами (онѣ зовутся за́ступами), именно тычутъ въ зерно, отъ чего кожица съ него слѣзаетъ. Кожица эта зовется во́пшиной и идетъ въ кормъ овцамъ, обвареная кипяткомъ. Зерно отъ вопшины отдѣляется просѣваніемъ черезъ рѣшето. Затѣмъ, его ссыпаютъ въ мѣшокъ и везутъ на мельницу молоть. Получается ясная мука. Изъ нея пекутъ ярушники, колобки, блины. Такъ же опихивается и овесъ.

Чтобы узнать, вызрѣла ли рожь, колосокъ (на корню) сжимаютъ въ пальцахъ и, если зернышки раздавливаются, то они не созрѣли, если же крѣпки, то готовы. Или же приносятъ колосья въ избу и, давъ имъ полежать, наблюдаютъ, усохнетъ зерно, или нѣтъ. Если усохло и сморщилось—неготово, если остается, какъ есть—готово.

Время жатвы ржи зависитъ отъ того, каково было лѣто. Такъ, въ 1897 г. жатва началась вскорѣ послѣ Петрова дня, бываетъ же, что начинаютъ жатву и послѣ Ильина дня (т. е. разница почти въ мѣсяцъ). Ячмень всегда поспѣваетъ послѣ ржи, пшеница послѣ ячменя, овесъ же послѣднимъ; жатва его бываетъ въ сентябрѣ, иногда затягивается до Покрова.

Червобоя никогда не замѣчалось; мышей тоже нѣтъ; рожковъ (спорыньи) на хлѣбныхъ колосьяхъ не видали.

Жнутъ хлѣбъ черпа̀ми. Черпы (серпы) дѣлаются дома, иногда покупаются готовыми въ городахъ. Черпъ „аглецкой“ стали стоитъ 60—65 к. Жнутъ всегда бабы; мужики никогда не жнутъ, такъ же точно, какъ бабы никогда не косятъ.

Хлѣбъ вяжется въ снопы, потомъ ставится въ суслоны, по 6 сноповъ въ каждомъ, т. е. пять въ кучу и шестой клубу́къ—покровный снопъ.

Стоятъ снопы на мѣстѣ дня 3—4 и увозятся на гумно, гдѣ ставятся въ кладу́ху. Кладуха дѣлается такъ: на землю кладутся чурки, на нихъ жерди, а на жерди снопы, колосьями вмѣстѣ, а комлями врозь, третій же снопъ поперекъ, такъ что онъ прижимаетъ собою колосья нижнихъ сноповъ. Рядомъ кладутся другіе два снопа, на нихъ третій и т. д. Въ землю втыкаются острòи—еловыя жерди съ необрубленными сучьями. Снопы помѣщаются между остроями, тамъ что сучья не позволяютъ снопамъ ложиться вплотную, между снопами остаются продухи, гдѣ можетъ свободно циркулировать воздухъ.

Кладухи кроются соломой, которая прижимается жердями, съ боковъ же ставятся подпоры, какъ и къ копнамъ сѣна, но тутъ ихъ больше.

Въ кладухахъ снопы остаются до молоченья, но прежде чѣмъ молотить, ихъ сушатъ въ овинѣ, о чемъ уже было сказано.

Послѣ молоченья обыкновенно тотчасъ же и вѣютъ, т. е. просто, при боковомъ вѣтрѣ, подбрасываютъ зерно на лопатѣ, при чемъ вѣтеръ относитъ мякину и соръ въ сторону, а зерно падаетъ на землю. Когда все провѣяно, зерно сгребаютъ въ груды пѣхаломъ, которое состоитъ изъ головки, отпиленной отъ старыхъ дровней (см. ниже) со вставленной въ край ея палкой, служащей ручкой. Изъ груды зерно перекладывается лопатою въ мѣшокъ и убирается въ амбаръ.

Мелютъ хлѣбныя зерна исключительно на водяныхъ мельницахъ; вѣтряныя въ описываемой мною мѣстности вовсе не ставятся.

Уборка сѣна.

Сѣнокосъ открывается въ періодъ съ Петрова дня до Ильина. Луга дѣлятся пополосно, сколько придется на душу саженей; для отмѣтокъ ставятся тычки, т. е. втыкаются въ землю палочки.

Косы употребляются исключительно горбуши; стойкой здѣсь косить нельзя, такъ какъ густота и высота травы этого не позволяютъ. Косы выковываются домашними кузнецами и стоимость одной штуки отъ 40—60 коп. Коса (см.

рис. 20) вколачивается въ ручку, называемую косьёмъ, при чемъ полоска листового желѣза, зовущаяся саргой, обвивается вокругъ косы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она входитъ въ косье. Кромѣ того, между саргой и ручкой вгоняется клинъ, для того, чтобы коса не расшатывалась.

Къ косѣ принадлежитъ лопатка— деревянная дощечка, покрытая смолой, на которую насыпанъ песокъ. На лопаткѣ лопатятъ косу, т. е. подвостряютъ, когда она затупится отъ работы. Если коса во время работы изогнется, то для выпрямленія ея употребляется правило, т. е. деревянная чурочка съ вставленной въ нее ручкой (см. рис. 21). Въ чурочкѣ выпилена выемка, въ которую вкладывается коса и выпрямляется движеніемъ чурки.

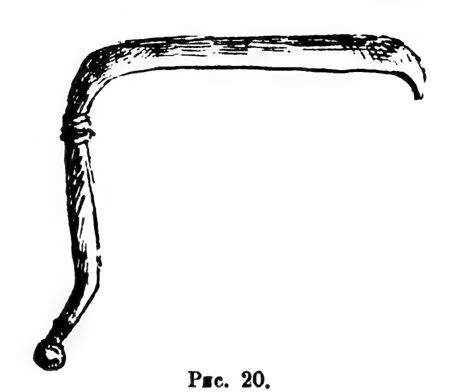

Рис. 20.

Рис. 21.

Когда опредѣленная полоса травы скошена, сѣно оставляется лежать для просушки. Затѣмъ, являются бабы и ворошатъ его граблями. Когда увидятъ, что сѣно достаточно просохло, его сгребаютъ въ видѣ вала вдоль по полосѣ и, наконецъ, копнятъ въ копны. Черезъ нѣкоторое время копны отвозятся въ остожье, т. е. въ то мѣсто, гдѣ ихъ станутъ метать въ большую копну. Здѣсь предварительно въ землю втыкается жердь и вокругъ ея въ углы квадрата четыре кола. Эти жердь и колья зовутся стожарами. На землю между стожарами накидываются вицы, для того, чтобы сѣно не лежало на самой землѣ.

Маленькія копны везутъ съ луга не въ телѣгѣ, а охватываютъ веревкой, веревку эту привязываютъ къ хомуту или къ шлеѣ лошади и лошадь волочетъ сѣно по землѣ до мѣста.

Здѣсь сѣно начинаютъ метать вилами на стожары. Когда копна достигла извѣстной высоты, съ боковъ къ ней подставляются подпоры, т. е. колья, аршина по полтора длиной. Подпоры эти служатъ не столько для укрѣпленія копны, сколько для того, чтобы немного приподнять сѣно, которое бываетъ въ это время нѣсколько въ-сырь, т. е. сыровато, и давать воздуху доступъ внутрь копны.

Когда одному человѣку станетъ высоко метать, то другой влѣзаетъ на копну и равняетъ ее сверху, нижній же подаетъ сѣно вилами и такъ, пока не завершатъ. Когда завершено, на макушку копны кладутся крестообразно паръ пять вицъ, вершины которыхъ связаны вмѣстѣ, а комли опускаются по копнѣ внизъ; это дѣлается для того, чтобы сѣно не обвивало вѣтромъ. Затѣмъ,

человѣку, стоящему на копнѣ, бросается конецъ веревки и онъ спускается по этой веревкѣ съ копны на землю, тогда какъ другой конецъ веревки держитъ его товарищъ, стоящій у противоположной стороны копны. Надо замѣтить, что высота копны достигаетъ двухъ саженей.

Кромѣ копенъ, сѣно мечется въ зароды. (рис. 22). Для зарода стожары ставятся по одной линіи до 10 штукъ, тоже подкладываются вицы, и сѣно мечется какъ въ копну. Съ боковъ ставятся тоже подпоры и наверхъ кладутся вицы, но не крестомъ, а перекидываются черезъ зародъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

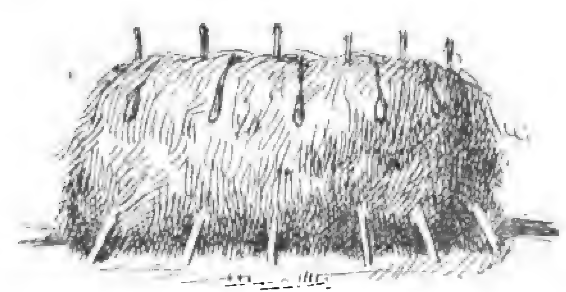

Рис. 22.

Копны и зароды огораживаются „жердьёмъ" или „ку́стыма", т. е. кольями, переплетенными вицами.

Наконецъ ставятся еще такъ называемые облѝтники, огромные зароды, но уже не вдали отъ деревни, а во 100 саженяхъ отъ нея. Подъ облитникъ на землю кладутся уже не вицы, а бревна, цѣлымъ костромъ, клѣтками, рядовъ въ 5—6; эти подставы зовутся вымостàми; высота вымостовъ зависитъ отъ того, какъ высоко будетъ на этомъ мѣстѣ весенняя вода (что знаютъ приблизительно). Ширина облитника отъ 1 до $1^1/_2$ сажени, высота $2^1/_2$—3 саж. Облитники кроются ржаной соломой, по соломѣ вдоль облитника кладутся жерди и прикрѣпляются роженьками, т. е. заостренными палочками, втыкаемыми въ облитникъ.

Облитники остаются на мѣстѣ до слѣдующаго года. Это сѣно, такъ сказать, лишнее, на него нѣтъ покупателя. Когда сѣно вздорожаетъ, оно и продается изъ облитника съ выгодой.

Въ копнѣ считаютъ сѣна возовъ пять, въ зародѣ 50, въ облитникѣ 150—200—300, возъ-же вѣситъ 25—30 пудовъ.

Уходъ за лошадью.

Лошадей воспитываютъ сами или покупаютъ. Самая дешевая рабочая лошадь рублей 10, но иногда цѣна эта поднимается и до 40 р. Жеребцовъ держатъ на свободѣ, т. е. не употребляютъ въ работу до 4-хъ лѣтъ, „кладутъ" ихъ на 3-мъ году, „нелегченыхъ" же не держатъ (т. е. долѣе 3-го года). Лошадь можетъ работать до 25 лѣтъ, тутъ ее обыкновенно продаютъ пріѣзжимъ татарамъ, которые, заплативъ за животное рубля $1^1/_2$—2, снимаютъ съ него шкуру, трупъ-же оставляютъ на острову, гдѣ его ободрали.

Когда у хозяина околѣетъ любимая лошадь, то на нее надѣваютъ узду и хомутъ, взваливаютъ на дровни (хотя бы дѣло было лѣтомъ) и отвозятъ куда нибудь на лугъ. Здѣсь выкапываютъ яму и опускаютъ въ нее лошадь, такъ, чтобы она легла на бокъ, затѣмъ зарываютъ и насыпаютъ бугоръ земли, на бугоръ же кладутъ дровни полозьями вверхъ. „Дровни хоть того лучше вывези, никто не потронетъ".

Обыкновенная-же лошадь, если она околѣетъ зимою, отвозится куда нибудь на озеро или на рѣку и оставляется на льду, а лѣтомъ трупъ просто спускаютъ въ воду.

Пастуховъ для пастьбы скота и лошадей никогда не нанимаютъ; животныя пасутся въ паскотинахъ, въ лѣсъ-же ихъ не отпускаютъ.

У лошади бываютъ болѣзни:

Нờкоть—когда лошадь „одуетъ", т. е. брюхо у нея распухнетъ. Чтобы вылечить—„шờркаютъ" (т. е. трутъ) брюхо вязовою дугой.

Вờзгорь—„сопли идутъ изъ ноздрей, отъ того, что съ осени худо кормлена". Чтобы вылѣчить, толкутъ горючую сѣру и мѣшаютъ въ заварку; затѣмъ ѣздятъ на лошади шибко, чтобы ее согрѣть. Кромѣ того, окуриваютъ еловыми иглами, дегтемъ и горючей сѣрой.

Ископыть—лошадь ископытилась, захромала „отъ того, что дыру за копытомъ, свищи дѣлаетъ какая-то звѣрйна. Чтобы вылѣчить, льютъ въ рану керосину, и шоптунъ шопчетъ на воду и воду льютъ въ рану".

Ящуръ—„когда языкъ ѣстъ; языкъ натираютъ солью".

Обурờчена бываетъ лошадь (или корова), когда кто похвалитъ животное съ тайною завистью. „Тогда идутъ къ шоптуну шоптать на уроки".

Волоскй—когда лошадь долго стоитъ въ грязи, въ назьмѣ, то въ ноги ей проникаютъ червячки, имѣющіе видъ волоска. Выводятъ шоптуны. „Шоптунъ вопчѐ лучше фершала, потому что знаетъ по етой части, да и фершалъ земскій проѣзжаетъ разъ въ годъ, а то и въ годъ не проѣзжаетъ".

„Если скотину съ осени не закормятъ (т. е. не дадутъ ей нажить тѣла, такъ, чтобы она легче могла перенести скудость питанія въ случаѣ недостатка корма), то за кожей и появятся мокрецы—черви такіе. Когда кобыла ожеребится, и молоко у ней не продоятъ и жеребенку дадутъ напиться сырова, тогда жеребенокъ возгоряетъ и возгорь ево задавитъ".

Холостятъ жеребцовъ свои, деревенскіе коновалы. У жеребца подтянутъ переднюю ногу къ брюху, и онъ упадетъ. Тогда мошонку завязываютъ, „чтобы яички не утянуло на нутро", затѣмъ разрѣзываютъ и вынимаютъ яички. Яички эти коновалъ беретъ себѣ (для чего—неизвѣстно), потомъ подсыпаетъ „зелени" (купоросу?), чтобы рана не загнивалась и заговариваетъ, такъ что кровь не течетъ. Живетъ коновалъ при жеребцѣ сутки трои и наблю-

даетъ за нимъ. Въ это время мнутъ жеребца, т. е. проѣзжаютъ его. Черезъ трои сутки все заживаетъ.

За холощенье коновалъ беретъ три рубля, полотенце и четверть водки.

Домашняя обстановка, женскія работы.

Отопленіе печи производится дровами сосновыми и еловыми, рѣдко березовыми; ольховыя идутъ только въ овины.

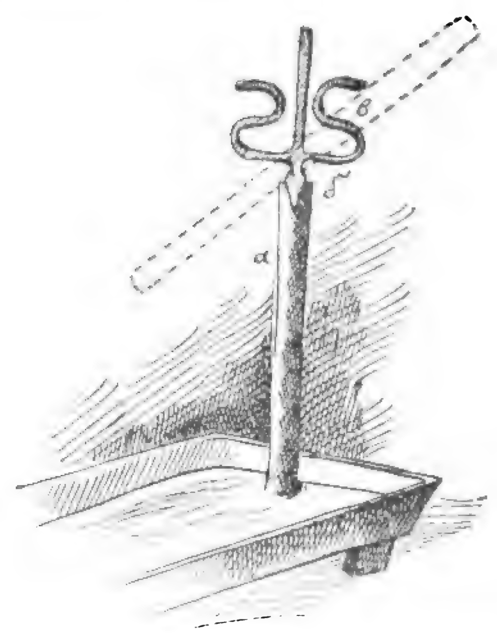

Рис. 23.

Для освѣщенія керосинъ не употребляется, лампъ нѣтъ; жгутъ березовую лучину, березовую потому именно, что она горитъ ярко и не чадитъ.

Лучина помѣщается въ свѣтильно. Свѣтильно состоитъ изъ корытца, выдолбленнаго изъ сосноваго дерева, на ножкахъ (см. рис. 23). Въ одномъ концѣ въ дно корытца вдолбленъ брусокъ *а*; въ вершину его вставлена желѣзная лопатка *б*, оканчивающаяся шпенькомъ съ двумя желѣзными крючками по сторонамъ. Лучина вдѣвается въ петлю *в* въ наклонномъ положеніи и зажигается; угли отъ нея падаютъ въ корытце, куда наливается вода.

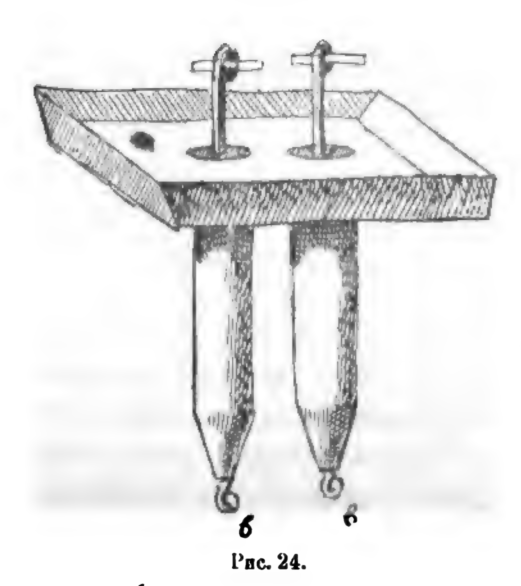

Рис. 24.

Кромѣ лучины употребляются и свѣчи, которыя льются дома изъ „скотиннаго" сала (т. е. отъ быковъ и коровъ; баранье не идетъ въ дѣло, такъ какъ употребляется въ пищу вмѣсто масла).

Свѣчи льются въ формахъ, называемыхъ левками. Левокъ состоитъ изъ жестяного ящичка *а* (см. рис. 24), въ днѣ котораго сдѣланы два отверстія такого діаметра, какого должна быть свѣча. Къ этимъ отверстіямъ припаиваются жестя-

ныя же дудки *б*, оканчивающіяся конусами съ отверстіями въ вершинахъ. Изъ кудели, скрученной въ жгутикъ, дѣлается свѣтильно, пропускается въ дудки и внизу завязывается узломъ *в*, затѣмъ натягивается и сверху укрѣпляется клечиками *г*. Растопленное сало наливается въ левокъ, проходитъ въ дудки и наполняетъ ихъ. Для скорѣйшаго застыванія свѣчъ, дудки опускаются въ снѣгъ, а лѣтомъ въ воду.

Свѣчи вставляются въ подсвишникъ и въ хвонарь. Подсвѣчникъ (рис. 25) вырѣзывается изъ жести или изъ желѣза. Ко дну его припаивается спиральная полоска, въ которую и вставляется свѣчка. По мѣрѣ сгоранія, послѣдняя подвигается кверху жестянымъ кружечкомъ.

Фонарь (рис. 26) дѣлается изъ дерева. Въ три стѣнки его вставляется по стеклу, въ четвертой находится дверца. Ко дну фонаря приколоченъ жестяной под-

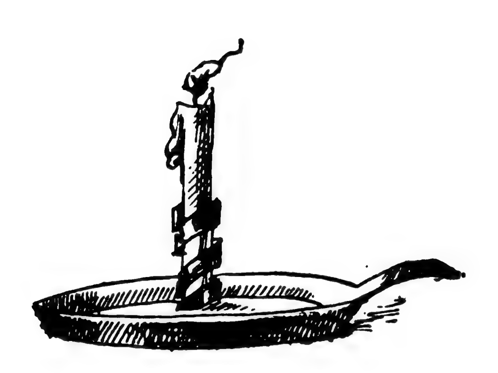

Рис. 25.

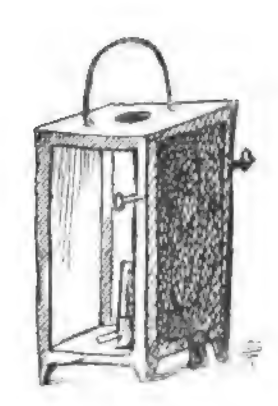

Рис. 26.

свѣчникъ, въ крышѣ отверстіе для прохода воздуха, тутъ же прикрѣпляется ручка изъ проволоки. Дверца бываетъ или подъемная, или же ходитъ на двухъ гвоздикахъ, вбитыхъ въ переднюю рамку фонаря.

Огонь добывается сѣрными спичками или же огнивомъ и кремнемъ съ пережженой тряпкой или трутомъ изъ березовой губки.

„Деревянный огонь“, т. е. посредствомъ тренія, добывается лишь въ случаѣ появленія повальной болѣзни на людяхъ, по повѣрью, что въ томъ домѣ, гдѣ хранится такой огонь, не появится болѣзнь.

Добываніе огня (рис. 27) происходитъ такъ: въ двухъ лежащихъ ря-

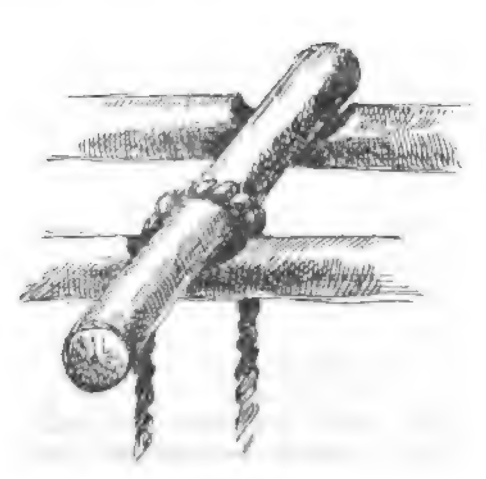

Рис. 27.

домъ грядкахъ [1]) дѣлаются зарубки *а* и *б*, а въ зарубки, поперекъ грядокъ кладется березовая чурочка *в*; черезъ чурочку перекидывается веревка, которую и начинаютъ дергать взадъ и впередъ съ силою двое стоящихъ внизу людей. Отъ тренія чурочки о грядки, послѣднія загараются огнемъ. Отъ этого огня зажигаютъ лучину, а отъ лучины угли, и эти горящіе угли хранятъ въ печной загнетѣ.

Самый важный бабій инструментъ есть прѣснеце, т. е. прялка (рис. 29). Дѣлается онъ совершенно первобытнымъ способомъ. Въ лѣсу выбирается подходящая ель, у которой одинъ изъ побочныхъ корней росъ бы подъ прямымъ угломъ къ древесному стволу, какъ показано на рисункѣ 28. Ель срубается на такой высотѣ, какой высоты должна быть прялка, затѣмъ обрубаются всѣ корни, кромѣ корня *а*, пень начинаютъ обтесывать, также и корень и превращать ихъ понемногу въ доску такой толщины, какой должна быть толщина прялки. Толстая доска понемногу утончается и превращается въ прялку, какъ она изображена внутри еловаго пня. Такимъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать маленькую вещь, надо срубить дерево толщиною до 6 вершковъ.

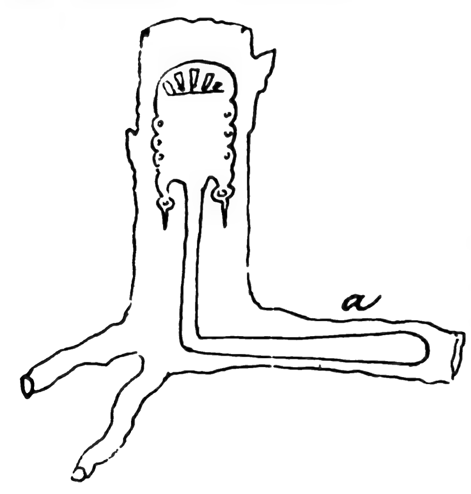

Рис. 28.

Часть *б*, вырубленная изъ корня *а*, зовется копылòмъ; эту часть баба подсовываетъ подъ себя, когда садится на лавку прясть. Широкая часть *в*, въ видѣ лопаты, зовется лопастью. Комъ кудели привязывается къ прялкѣ веревочкой, называемой мутòвисъ и держится въ зарубкахъ, сдѣланныхъ въ краяхъ лопасти. Сидя на копылѣ, нѣсколько бокомъ къ лопасти, баба лѣвой рукой тянетъ бородку кудели *г*, причемъ безпрестанно плюетъ на пальцы, чтобы

Рис. 29.

---

[1]) Грядками въ избѣ называются шесты, лежащіе однимъ концомъ на воронцѣ, а другимъ вдѣланные въ стѣну; они служатъ для помѣщенія на нихъ разныхъ домашнихъ вещей. Три способа добыванія деревяннаго огня, отличные отъ приводимаго здѣсь, описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ." стр. 41.

нитка лучше скручивалась и, отводя эту нитку отъ себя, крутитъ ее и навиваетъ на веретено правой рукой, приводя веретено въ быстрое вращательное движеніе. Свободная часть нитки между бородкой и вертномъ зовется саженью, веретено-же, когда оно полно нитокъ—прѣстнемъ. Для того, чтобы облегчить и ускорить вращеніе веретена, на него надѣвается кружѐкъ (въ другихъ мѣстахъ пресленёкъ или преслешокъ).

Нитки, напряденныя на веретено, не зовутся нитками, а прѐдено (сущ. средн. рода). Съ веретена предено своевременно перематывается на мотовило. Мотовило (см. рис. 30) состоитъ изъ дощечки *а*, которая зовется рѐгомъ; въ нее вставляется калиновый прутъ *б* съ двумя растопыренными сучками; этотъ прутъ и есть собственно мотовило. Держа рогъ въ рукѣ, баба наматываетъ на него нитки, такъ что онѣ ложатся между сучками мотовила и охватываютъ рогъ.

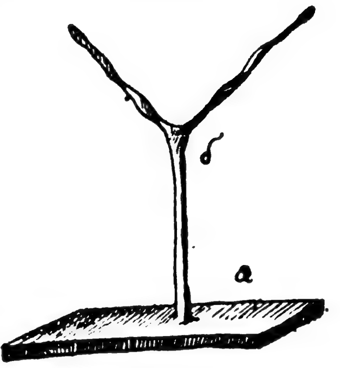

Рис. 30.

Когда нитки перемотаны, онѣ снимаются съ мотовила и золя́тся, т. е. кладутся въ мокрую золу, потомъ на снѣгъ, гдѣ и отбѣливаются.

Со снѣгу нитки снимаются и кладутся на ворѐбы (рис. 31). Воробы состоятъ изъ подставки *а*, называемой вьюхой, которая есть ничто, какъ молодая сосенка, вырытая съ корнемъ. Деревцо ставится, какъ показано на рисункѣ, такъ, что корни служатъ всему инструменту ножками. Въ вершину вколачивается желѣзной гвоздь *б*, а на него надѣваются самые воробы, т. е. сложенные подъ прямымъ угломъ сосновые брусочки *в*, въ концахъ которыхъ проверчены дырки. Все это вращается вокругъ гвоздя *б*. Въ дырки втыкаются веретёна, а мотъ, т. е. мотокъ нитокъ, накидывается на нихъ.

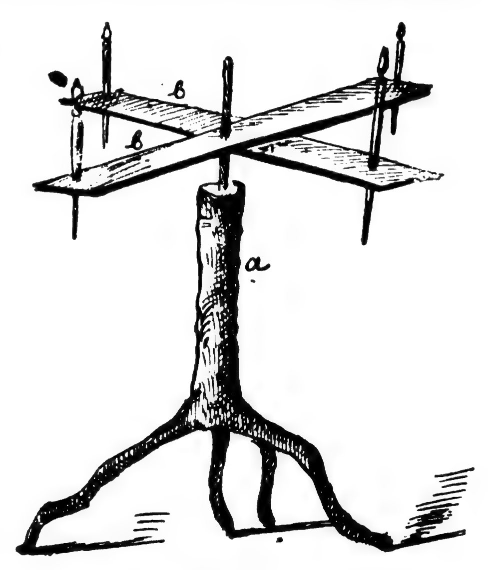

Рис. 31.

Съ воробъ нитки сматываются на тюрикѝ. Тюрикъ дѣлается изъ осиноваго чурбака, выдолбленнаго внутри насквозь и обрѣзаннаго снаружи, какъ показано на рис. 32. Весь тюрикъ длиною около 1 арш. и вершковъ 5—6 въ діаметрѣ. Въ верхнее и нижнее отверстіе вставляются кресты изъ березовыхъ брусковъ, въ центрѣ которыхъ провертываются дырки. Въ эти дырки

пропускается березовая спица, которая и служитъ осью вращенія тюрику. Ось вдалбливается въ колодку, колодка-же ставится на лавку, какъ показано на рис. 33. Баба садится подлѣ, придерживая одной рукой нитку, спускающуюся съ воробъ, другой она вращаетъ тюрикъ, и нитка перематывается на него. Тюриковъ въ хозяйствѣ, конечно, не одинъ, а сколько надо.

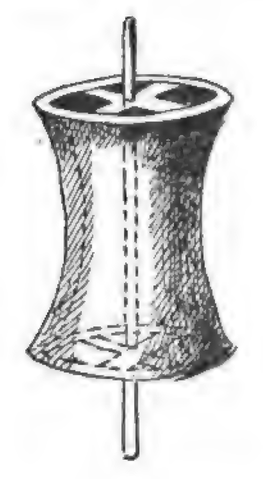

Рис. 32.

Съ тюриковъ нитки перематываются на сновàльно (см. рис. 34).

Сосновый столбикъ *а*, длиною сажени двѣ, укрѣпленъ снизу въ доску, но такъ, что можетъ свободно вращаться въ гнѣздѣ, вверху же входитъ въ скобу, прибитую къ слегѣ (въ избѣ или на повѣти). Въ столбикъ входятъ крестообразно бруски *б*, соединенные по концамъ столбиками *в*. Столбикъ *а* служитъ осью вращенья для сновально.

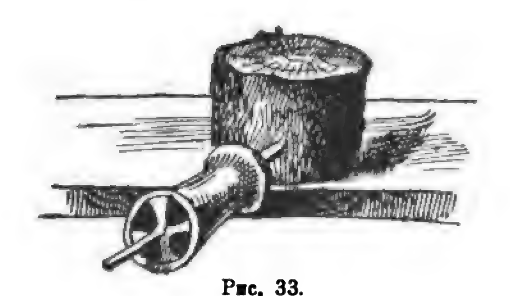

Рис. 33.

Со сновально нитки идутъ на навòину, навоина-же вставляется въ ткацкій станокъ, называемый станиной. Станокъ здѣсь не описывается за сложностью своего устройства.

Вязанье чулокъ, рукавицъ и перстàтокъ спицами распространено между женщинами, но спицы, называемыя иглами, не покупныя, а дѣлаются дома и не изъ стали, а изъ обыкновенной проволоки, верхъ у которой, т. е. поверхность, только осàдятъ напилкомъ, т. е. выгладятъ, насколько возможно.

О другихъ женскихъ работахъ будетъ упомянуто въ главѣ о мѣстныхъ промыслахъ.

Рис. 34.

Приготовленіе нѣкоторыхъ кушаній и напитковъ.

Перечисленіе деревенскихъ кушаній и способъ ихъ приготовленія читатель найдетъ въ книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“, здѣсь же я ограничусь описаніемъ приготовленія нѣкоторыхъ кушаній, печенія хлѣба и варки пива и квасу.

Колобки пекутся слѣдующимъ образомъ. Тѣсто „творится“ съ вечера не очень густо на мѣлу́ (т. е. на дрожжахъ; о приготовленіи ихъ сказано дальше). Маленькія желѣзныя сковородки намазываются масломъ, на нихъ наливается изъ квашни тѣсто, и сковородки садятся въ печь, чтобы колобки запеклись. Когда готово, высаживаютъ на столъ, мажутъ масломъ и посыпаютъ толокномъ.

„Мѣлъ“ приготовляется такъ: послѣ обѣда, часовъ въ 12, берутъ рощу (солодъ), кладутъ въ туясъ и разбалтываютъ въ трубяной (колодезной) водѣ. Вечеромъ опускаютъ сюда съ ¼ ф. хмелю. Тѣсту даютъ ходить до тѣхъ поръ, пока оно получитъ запахъ вина. Тогда его процѣживаютъ сквозь рѣшето въ другой туясъ и выносятъ въ голбецъ, чтобы не перекисло. Этотъ „мѣлъ“, т. е. дрожжи и кладутся въ квашню для колобковъ и ярушниковъ.

Овсяный кисель приготовляется двояко: во-первыхъ, вскипятятъ въ горшкѣ воду, замѣшаютъ толокномъ и, когда сгустится, ѣдятъ горячимъ. Во вторыхъ, въ квашню нальютъ воды, положатъ часть ячменной муки и часть мякины и поставятъ въ печь, чтобы уварилось. Затѣмъ процѣдятъ сквозь сито и снова поставятъ въ печь. Когда сгустится, готово. Ѣдятъ горячимъ и холоднымъ, въ скоромные дни съ молокомъ и со сметаною, въ постные съ ягодами и сусломъ.

Толокно приготовляется такъ: овесъ просѣвается сквозь рѣшето, обваривается горячей водой и высыпается въ корыто, гдѣ запрѣетъ и дастъ ростки. Когда ростки появятся, овесъ высыпаютъ на печной подъ, и здѣсь онъ просыхаетъ. Затѣмъ, его выгребаютъ въ мѣшокъ, просѣваютъ, чтобы освободить отъ песку и везутъ на мельницу молоть. Получается толокно.

Черный хлѣбъ печется слѣдующимъ способомъ.

Принеся муку изъ погреба въ насыпкѣ (лукошкѣ), баба просѣваетъ ее сквозь рѣшето въ сочельницу (осиновое корытце), а отруби вываливаетъ въ чашку (потомъ они идутъ въ заварку скотинѣ); беретъ чистую квашню, выливаетъ въ нее маленькій ковшъ квасной гущи и до половины квашни воды изъ трубы (т. е. изъ колодца), всыпаетъ муку и размѣшиваетъ ее

мутовкой. Этотъ процессъ называется раствореніемъ квашни *). Растворъ долженъ быть не очень густъ. Затѣмъ, квашня ставится на теплую печь и закрывается квашенникомъ (скатерткой) вмѣстѣ съ мутовкой.

Ночью баба встаетъ раза два, три и смотритъ, „ходитъ" ли тѣсто. Утромъ, если оно „выходило", въ него кладется щепотка соли и баба начинаетъ мѣсить растворъ рукой, подсыпая въ него муки. Когда тѣсто перестанетъ льнуть къ рукѣ, оно готово.

Затѣмъ квашня остается на лавкѣ, и здѣсь тѣсто поднимается. Когда достаточно поднялось, баба беретъ короноватую (т. е. сплетенную изъ корней) чашку, посыпаетъ ее внутри мукой и повареночкой выкладываетъ въ нее тѣсто изъ квашни. Въ чашкѣ баба катаетъ ковригу, подбрасывая ее такъ, что коврига вылетаетъ изъ чашки и снова падаетъ въ нее. Когда готово, переваливаетъ въ другую чашку, гдѣ тѣсто снова поднимается, закрытое скатертникомъ, особымъ, излаженнымъ для закрыванія ковригъ полотенцемъ.

Печь затопляется тогда, когда баба начинаетъ катать ковриги. Когда печь протопилась, и угли загребены по сторонамъ, баба заметаетъ печной подъ помеломъ. Чтобы узнать степень жара въ печкѣ, баба шаркаетъ по поду остріемъ лопаты: если изъ подъ лопаты выскакиваютъ искры, жаръ слишкомъ великъ, если нѣтъ, то садить можно. Тогда она беретъ чашку, вываливаетъ изъ нея ковригу на лопату и садитъ въ печь, за ней и прочія ковриги, сколько ихъ есть, и закрываетъ заслонку (труба въ это время уже закрыта).

Чтобы узнать, упекся ли хлѣбъ, баба вынимаетъ одну ковригу изъ печи, беретъ ее въ руки и прикладываетъ къ уху: если въ ковригѣ кипитъ, хлѣбъ еще не упекся, если ничего не слышно, то онъ готовъ. Ковриги вынимаются лопатой и кладутся въ тѣ же короноватыя чашки; баба беретъ на ладонь воды и смачиваетъ ковриги сверху, для того, чтобы корка не была суха. Послѣ того ковриги закрываются полотенцемъ съ цѣлью дать имъ „отдохнуть". Черезъ нѣкоторое время ихъ перекладываютъ въ кадцу и прячутъ въ голбецъ.

Изъ ржаной муки, кромѣ хлѣба, пекутъ корки подъ рыбу, сочни подъ пироги съ гороховой мукой и подъ картошку. На ржаные же сочни накладываютъ и ясные (ячменные) пироги, т. е. жидкое тѣсто изъ названной муки.

Квасъ. Берутъ глиняный горшокъ, кладутъ въ него ячменной мякины и солоду, льютъ воды и, закрывши закройникомъ (глиняная крышка съ расширеніемъ наверху, за которое берутъ эту крышку въ руки; въ южныхъ

---

*) Надо замѣтить, что квашней зовется какъ кадочка, въ которой разбалтывается тѣсто, такъ и самое это тѣсто. Въ южныхъ уѣздахъ губерніи такого смѣшенія названій нѣтъ. Тамъ кадочка зовется квашонкой, а тѣсто квашней.

уѣздахъ губерніи она зовется **волбхомъ**; см. рис. 35) и ставятъ въ печь, чтобы прокипѣло. Эта жидкость называется **приголовокъ**. Когда печь протопится и трубу закроютъ, горшокъ снова ставятъ въ печь и оставляютъ въ ней до утра. Утромъ берутъ кадцу, наливаютъ въ нее холодной воды и выливаютъ въ эту воду приголовокъ, опускаютъ туда-же и горшокъ,

Рис. 35.

„такъ какъ тутъ слатость“. Въ этой кадкѣ квасъ „живетъ“ до тѣхъ поръ, пока мякина не поднимется кверху и не появится пѣна. Тогда квасъ процѣживаютъ сквозь рѣшето въ **лагунъ**—деревянную кадочку съ квадратнымъ отверстіемъ въ одномъ днѣ, затыкаемымъ втулкой. Лагунъ опускается въ голбецъ, откуда квасъ берутъ, по мѣрѣ надобности, нацѣживая его въ жбанъ или братынь.

Пиво. Въ чанъ наливаютъ холодной воды; изъ этого чана половину воды разливаютъ въ котлы и кипятятъ „на волѣ“, т. е. гдѣ нибудь на улицѣ. Котелъ вѣшаютъ при этомъ на треножникъ, сдѣланный изъ трехъ слегъ. Когда вскипитъ, дѣлаютъ **заторъ**, т. е. въ чанъ, гдѣ оставалась вода, кладутъ солоду, ржаной муки и опускаютъ снопъ соломы, такъ, чтобы онъ оставался въ стоячемъ положеніи. Внутри соломеннаго снопа проходитъ **стырь**—палка, которая закупориваетъ собою дырку въ днѣ чана.

Вдали отъ дома складываютъ въ груду булыжные камни; обкладываютъ ихъ дровами пирамидально, и дрова зажигаютъ. Камни накаливаются до-красна. Тогда ихъ берутъ щипцами или клещами и опускаютъ въ заторъ.

Щипцы—еловый колъ, расщепленный съ одного конца въ видѣ рогатки и удерживаемый въ этомъ положеніи посредствомъ клина *а* (рис. 36). Щипцы

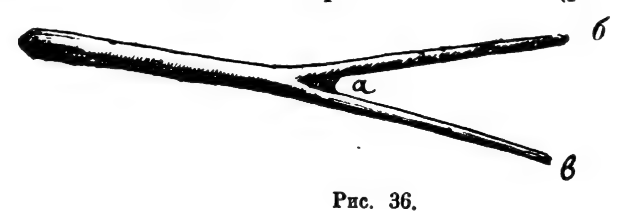
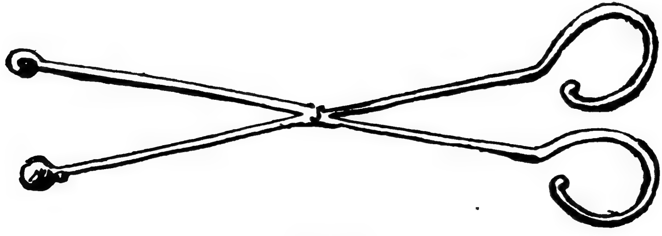

Рис. 36.

берутъ въ обѣ руки и, подцѣпивъ каленый камень на концы *б* и *в*, кладутъ его въ чанъ.

Рис. 37.

Клещи состоятъ изъ двухъ желѣзныхъ прутьевъ, аршина полтора длиною каждый, соединенныхъ въ точкѣ пересѣченія желѣзнымъ же «шконтикомъ»,

какъ ножницы (рис. 37). На двухъ концахъ прутья завернуты въ кольца, а на противоположныхъ въ узлы.

Надо замѣтить, что кольца эти, не то что ручки у ножницъ, т. е. расположены не въ одной плоскости съ ножками, а изогнуты вкось, такъ что охватываютъ камень всѣмъ своимъ краемъ. Берутъ клещи въ руки за узловые концы, захватываютъ камень кольцами и опускаютъ его въ чанъ.

Отъ каленыхъ камней заторъ начинаетъ кипѣть. Его оставляютъ на полсутокъ на мѣстѣ (а чтобы кто-нибудь не сталъ имъ лакомиться, приставляютъ караульщика). Черезъ полсутокъ въ чану образуется сусло. Чтобы узнать, готово-ли оно, берутъ ржаную сили̯мену (соломенку) и дѣлаютъ изъ нея окὸленку, т. е. сгибаютъ соломенку въ формѣ треугольника (см. рис. 38), берутъ этотъ треугольникъ въ пальцы въ точкѣ a и обмакиваютъ въ сусло. Если сусло поспѣло, то оно затягиваетъ площадь треугольника пленкою на подобіе стекла, если не затягиваетъ—значитъ не готово. Если сусло готово, вынимаютъ стырь и спускаютъ сусло въ корыто. Снопъ соломы, стоящій въ суслѣ, и служитъ для того, чтобы мука не проскакивала въ дыру вмѣстѣ съ сусломъ.

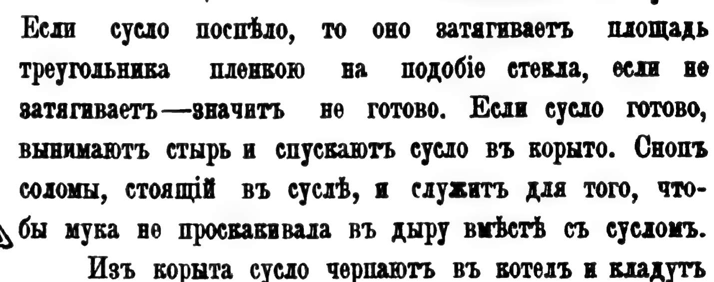

Рис. 38.

Изъ корыта сусло черпаютъ въ котелъ и кладутъ туда хмель. Съ хмелемъ сусло кипитъ на огнѣ ключомъ. Когда остынетъ, процѣживаютъ въ ушаты, ушаты несутъ на повѣть и здѣсь переливаютъ сусло въ бочку.

Дѣлается „мѣлъ“ (см. выше), какъ и для колобковъ, съ тою лишь разницею, что тутъ прибавляется водка. Этотъ мѣлъ стоитъ въ избѣ сутки и когда «выходитъ“, то выливается въ бочку. Тутъ же кладется и хмель, фунта два на бочку.

Пиво начинаетъ бродить. Бродитъ „по видимости“, т. е. за нимъ наблюдаютъ, и, если броженіе слишкомъ сильно, то отливаютъ часть въ другую бочку. Когда выбродило, его можно пить.

Къ празднику варится, примѣрно, 10 ведеръ пива. Угощеніе въ теченіе двухъ, трехъ дней праздника обходится (считая пиво, водку, чай, рыбу и т. п.) рублей въ 15.

На 10 ведеръ пива:

Солоду 1 пудъ	1 р.	50 к.
Муки ржаной 1 п. . . .	— „	70 „
Хмель 15 ф.	3 „	— „
Водки	— „	20 „

Итого 5 р. 40 к., т. е. 54 коп. ведро.

Промыслы отхожіе и домашніе.

I. Сплавъ лѣса.

Срубая дерево въ лѣсу, оставляютъ порядочной величины пень; у упавшаго дерева ровняютъ комель, т. е. обрубаютъ прочь косую его часть, затѣмъ, отрубаютъ вершину и сучья и чистятъ кору—если тепло, то скоблемъ, а если морозно—топоромъ. На дровни по срединѣ кладется поперечная колодка, на нее надвигаютъ комлевую часть бревна, привязываютъ веревкою и везутъ на кàтище, т. е. на берегъ рѣчки, гдѣ сваливаются всѣ вырубленныя деревья и остаются „до воды", т. е. до вскрытія рѣчки.

Когда ледъ пронесетъ, деревья спускаютъ въ воду и начинаютъ ихъ плотить. Сплачиванье производится такъ: изъ березовыхъ вицъ (прутьевъ) скручиваютъ кольцо такой величины, чтобы оно свободно охватило два бревна, лежащихъ въ водѣ (см. рис. 39). Затѣмъ, поперекъ бревенъ кладется березовый или сосновый шестъ, называемый рòмшиной, кольцо перегибается черезъ него и подъ ромшину просовывается клинъ, какъ показано на рис. 40. Такъ же точно скрѣпляются, послѣдовательно, и слѣдующія пары бревенъ подъ одною и тою же ромшиной. Скрѣпленіе бревенъ кольцами производится, само собою разумѣется, и на другой сторонѣ плота. Составленный такимъ образомъ плотъ небольшихъ размѣровъ спускается внизъ по теченію рѣчки. Дѣлается другой и третій плотъ, и всѣ они слѣдуютъ другъ за другомъ до впаденія рѣчки въ большую рѣку, гдѣ плоты задерживаетъ такъ-называемый зàплавь, т. е. рядъ бревенъ, связанныхъ концами другъ съ другомъ веревкою и протягивающихся отъ одного берега рѣчки до другого. Сплавъ деревъ по рѣчкѣ небольшими плотами называется „сплавомъ молёмъ".

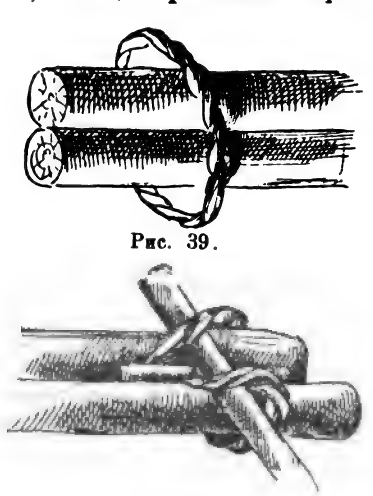

Рис. 39.

Рис. 40.

Когда всѣ плоты готовы и остановились передъ зàплавью, они связываются въ одинъ плотъ такими же березовыми кольцами, о которыхъ было сказано выше, и образуется порòмъ, т. е. огромный квадратъ изъ плотовъ. У нѣсколькихъ плотовъ, оставленныхъ нарочно свободными, разрубаются кольца, и бревна, составлявшія плоты, накатываются на паромъ такъ, что покрываютъ его вплотную и ничѣмъ не прикрѣпляются.

На обоихъ концахъ порома кладутъ затѣмъ поперекъ наката трех-аршинныя чурки *а* и привязываютъ къ накату кольцами. Поперекъ чурокъ кладется собачина *б*, т. е. бревно вершка два въ отрубѣ, и прикрѣпляется къ чуркамъ тоже кольцами. Въ собачинѣ дѣлаются рубыши (вырубки), въ которыя вкладываются гребки *в*, еловыя слеги съ расширеніемъ на концѣ въ видѣ весла (рис. 41). На внутренней сторонѣ гребковъ дѣлаются вырубки, непозволяющія гребкамъ скользить по собачинѣ. Гребки служатъ для того, чтобы править плотомъ „по материку", т. е. заставлять поромъ идти параллельно берегамъ рѣки. Такъ какъ поромъ движется силою теченія, то гребки не служатъ веслами, а рулями. Гребковъ устанавливаютъ на каждомъ концѣ порома по шести и больше.

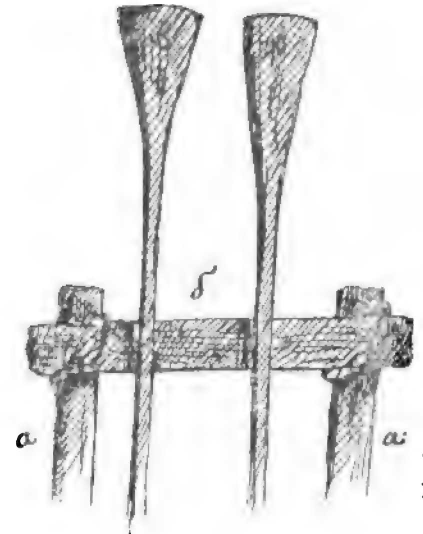
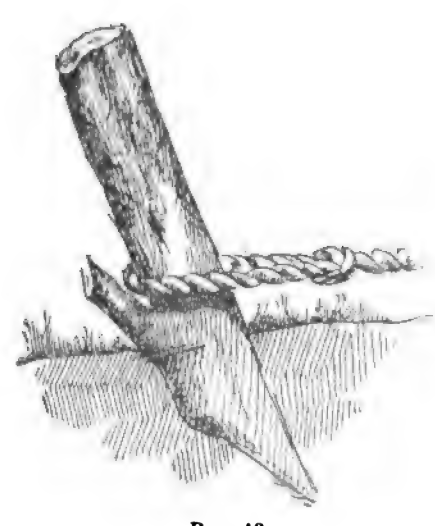

Рис. 41.

На поромѣ устанавливаются шалаши изъ еловой скалы (коры), которая сгибается полукругомъ. Шалашъ служитъ для защиты поромщиковъ отъ непогоды и для ночлега. Подлѣ шалаша на поромъ накладывается земля и на ней разводится огонь, на которомъ поромщики варятъ себѣ пищу. На каждомъ поромѣ находится четыре или пять лодокъ для вѣезда на берегъ и для другихъ надобностей.

Когда желаютъ остановить поромъ, то употребляютъ прикблъ (рис. 42). Это березовый обрубокъ, аршина два длиною, стесанный на одномъ концѣ въ остреё, сбоку же у прикола оставляется сукъ.

Рис. 42.

Вѣѣзжаютъ на берегъ хвататься, т. е. всаживаютъ въ землю острый конецъ прикола и накидываютъ на него снасъ, т. е. веревку, завязанную въ петлю и другимъ концомъ прикрѣпленную къ порому. Поромъ идетъ впередъ и приколъ, естественно, начинаетъ „бурдвить" землю, сукъ же служитъ при этомъ для того, чтобы веревка не касалась земли. Когда приколъ вырветъ, его хватаютъ, бѣгутъ впередъ и снова всаживаютъ въ землю. Такъ повторяется

до тѣхъ поръ, пока поромъ наконецъ не остановится. При этомъ бываютъ несчастные случаи съ рабочими, которые хватаются. Всадивъ приколъ въ землю, работникъ налегаетъ на него всѣмъ тѣломъ и тащится на приколѣ, который идетъ впередъ и вырываетъ въ землѣ канаву. Зачастую приколъ выскакиваетъ и отбрасываетъ работника на нѣсколько саженей впередъ и, случается, убиваетъ.

Плата за вырубку лѣса, возку его на катище, выгонку до большой рѣки и сплачиваніе полагается по 60 коп. съ дерева. Дальше нанимаются другіе люди, которымъ платятъ каждому по 15, 16 и 17 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ за сплавъ порома напр. отъ Котласа до Архангельска, т. е. на разстояніи 600 верстъ. Время, потребное для такого сплава, весьма различно: оно зависитъ отъ состоянія погоды и разныхъ случайностей. Сплавъ лѣса отъ Котласа до Архангельска длится иногда мѣсяцъ, даже два, бываетъ же, что „сплываютъ“ и въ 11 дней. По теченію, т. е. силою воды, поромъ двигается обыкновенно до устья р. Пинеги (Усь-Пиньги, какъ говоритъ народъ), собственно пониже верстъ на 5, отсюда-же поромы буксируются до Архангельска пароходами, такъ какъ въ Усть-Пинегѣ оказываетъ уже свое дѣйствіе морской приливъ, приливъ же потащитъ поромъ обратно, т. е. вверхъ по рѣкѣ.

„На сплавъ“.

Когда уговорились идти „на сплавъ“, и пришло время отхода, надѣваютъ кафтанъ на мѣху съ борами (полушубокъ), на ноги лапти или катанки, въ сунку (сумку) за плечами кладутся черные сухари, три рубахи и трое подштанниковъ, шило, иголка, нитки, сапоги, у кого они есть, связываются и перекидываются черезъ плечо. Денегъ берутъ съ собой, примѣрно, рублей 10 на троихъ.

Когда все готово, прощаются съ домашними, обнимаются, цѣлуются; домашніе провожаютъ недалеко. Въ ближней церкви служатъ напутственный молебенъ.

Въ данномъ случаѣ троимъ—отцу и двумъ его взрослымъ сыновьямъ—предстоялъ путь пѣшкомъ отъ Котласа (60 верстъ ниже Устюга по Двинѣ) до Вологды, т. е. 526 верстъ.

Вышли на 3-ей недѣлѣ Великаго поста, въ концѣ февраля; стояли еще морозы. Планъ былъ такой: дойти до Вологды и оттуда, по вскрытіи рѣкъ, спуститься на баркѣ въ качествѣ судорабочихъ, до Архангельска, затѣмъ вернуться домой на пароходѣ.

Въ первый день прошли 40 верстъ до Чуркина на Двинѣ, здѣсь пере-

ночевали у родственника и на слѣдующій день пришли въ Устюгъ. Въ Устюгѣ остановились на постояломъ дворѣ; за ночлегъ взяли 3 коп. Уху изъ трески варили въ трактирѣ: 11 коп. на троихъ, хлѣбъ свой. Затѣмъ, дальше ночлеги были по деревнямъ; заходили туда, гдѣ пускали; за ночлегъ никогда ничего не требовали, а накармливали за плату по 3 коп. съ человѣка.

Такъ дошли до Вологды въ концѣ марта. Здѣсь отыскали одного судовладѣльца и нанялись къ нему на барку. Квартира была дана отъ хозяина, но хлѣбъ свой. Работа до вскрытія рѣки состояла въ одалбливаніи льда вокругъ хозяйскихъ судовъ; плата за это и за нѣкоторыя другія работы по 40, 50 и 60 коп. въ день на человѣка, смотря по роду работы; расчетъ разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Когда ледъ пронесло, принялись поспѣшно за нагрузку судовъ: мукой, льнянымъ сѣменемъ, льномъ, колоніальнымъ товаромъ.

По окончаніи нагрузки хозяинъ отслужилъ молебенъ на каждомъ суднѣ. Пришедшіе помѣстились всѣ трое на одной баркѣ. Рабочихъ нарядили кого къ гребкамъ, кого къ поносным. На баркѣ гребки — огромныя весла, спускающіяся въ воду съ палубы барки по бокамъ ея; поносныя длинныя весла, одно на носу, другое на кормѣ. Гребками гребутъ не постоянно, а тогда лишь, когда барка сойдетъ съ фарватера, поносными же правятъ постоянно. При противномъ или боковомъ вѣтрѣ идти нельзя, тогда пристаютъ къ берегу и выжидаютъ „повѣтери“.

Особой каюты для ночлега рабочимъ на баркѣ нѣтъ; спятъ внутри барки, прямо на товарѣ. Пища дается отъ хозяина, кромѣ хлѣба и масла (для каши), которые свои; — щти или уха, каша пшенная или овсяная и мясо, все свѣжее и хорошее [1]). Передъ обѣдомъ и ужиномъ даютъ по стакану (чайному) водки, а въ праздники по три стакана въ день. Кто не пьетъ водки, получаетъ взамѣнъ ея по 10 коп. за стаканъ.

Плата рабочимъ обусловливается силами ихъ и способностями. Въ данномъ случаѣ отцу было назначено 25 р., старшему сыну 17 р., меньшему 16 р. Это плата за весь путь отъ Вологды до Архангельска. Деньги были выданы тогда лишь, когда барку поставили въ Архангельскѣ на мѣсто.

Спрашивается: что же осталось у нашихъ троихъ „сплавныхъ“, когда они вернулись домой послѣ двухмѣсячныхъ невѣроятныхъ трудовъ, усилій и

[1]) Иначе и быть не можетъ, потому что судно, нагруженное товаромъ на нѣсколько тысячъ рублей, передается вполнѣ на волю судорабочихъ. Малѣйшая обида или неудовлетвореніе законныхъ ихъ желаній (напр. хорошая пища) со стороны хозяина или его приказчика могутъ повлечь за собою гибель судна и взыскать за это съ рабочихъ нищихъ, конечно, ничего нельзя. Но всякій сплавной товаръ бываетъ обыкновенно застрахованъ.

лишеній? Десять рублей у нихъ были взяты съ собою на дорогу; они ихъ и проѣли. Въ Вологдѣ что выручили подённой работы до вскрытія рѣки— тоже проѣли. Затѣмъ, во время пути отъ Вологды до Архангельска и отъ Архангельска до дому (600 верстъ) проѣдено 10 р., всего прожито 20 р. Получено-же 58 р., стало быть, чистаго барыша осталось 38 р., т. е. 21 коп. на человѣка въ день. Эти оставшіяся въ рукахъ деньги зовутся суховыми.

Рыболовство.

Рыбу ловятъ въ р. Двинѣ, въ рѣчкахъ и озерахъ различными снастями и ловушками, а именно:

Какъ только пронесетъ ледъ, выѣзжаютъ на рѣку съ неводомъ. Неводъ бываетъ длиною до 100, даже до 150 саженей и принадлежитъ обыкновенно тремъ или четыремъ владѣльцамъ. Столбы, т. е. полосы, изъ которыхъ состоитъ неводъ, вяжутся, зимою мужчинами, изъ льняныхъ или конопляныхъ нитокъ. Столбы сшиваются вмѣстѣ и образуютъ прямоугольникъ *а*, *б*, *в*, *г*. (см. рис. 43). По краямъ *ав* и *бг* пришиваются къ неводу веревки, которыя на нѣкоторомъ разстояніи связываются вмѣстѣ, и затѣмъ идетъ одна длинная

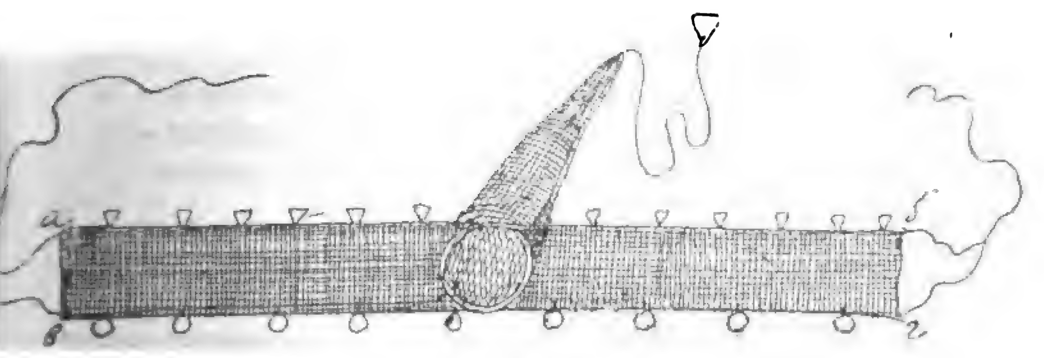

Рис. 43.

веревка, за которую рыболовы и воловутъ неводъ. По нижнему краю невода прикрѣпляются камни, завернутыя въ берестяныя ленты; камни эти зовутся кибасьё (един. кибасъ); они служать для загруженія невода въ воду, къ верхнему-же краю наплавки (см. рис. 44)—треугольныя деревянныя дощечки съ дыркой въ одномъ углу, куда и продѣвается веревка, прикрѣпляющая наплавокъ. Въ серединѣ невода вставляется, тоже вязанная изъ нитокъ, матица, имѣющая видъ мѣшка. Къ концу ея на длинной веревкѣ привязывается наплавокъ, который и всплываетъ на поверхность воды.

Рис. 44.

Съ неводомъ выѣзжаютъ на рѣку въ лодкѣ, закидываютъ его и плывутъ снова къ берегу. Тащатъ неводъ за боковыя веревки

не съ лодокъ, а по берегу, причемъ рыба, захваченная неводомъ, входитъ въ матицу и наполняетъ ее.

Владѣльцы невода дѣлятъ пойманную рыбу—крупную поштучно, а мелкую на вѣсъ или чашками.

Бреднйкъ похожъ на неводъ, но меньше его,—сажень 15, 20, тоже имѣетъ матицу. Имъ бродятъ рыбу въ озерахъ—щучекъ, „карасёвъ" и т. п.

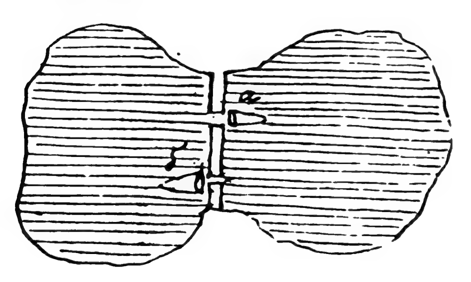
Мерёжа представляетъ двѣ сѣти—одна съ крупными, другая съ мелкими ячейками. Онѣ накладываются одна на другую и сшиваются по краямъ и по серединѣ. Мережа устанавливается въ рѣчкѣ въ вертикальномъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ, втыкаемыхъ въ дно.

Чтобы загнать въ сѣть рыбу употребляютъ ботъ (см. рис. 45). Это длинный шестъ съ расширеніемъ на концѣ. Расширенная часть выдалбливается внутри въ видѣ колокола. Рыболовъ, держа шестъ въ рукахъ за середину, хлопаетъ ботомъ по водѣ и этимъ стукомъ пугаетъ рыбу и загоняетъ ее въ мережу.

Рис. 45.

Ловля рыбы посредствомъ киньги производится такъ.

Подходящее озерко „переваливается поперекъ кочью", т. е. вколачиваются два ряда кольевъ и между ними насыпается земля, такъ что образуется плотина, называющаяся ѣзомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой плотины оставляются проходы, такъ называемыя **ворота**. Въ этихъ воротахъ закладываются киньги *а* и *б*, такъ что рыба, переходящая сквозь ворота изъ одной части озера въ другую, попадаетъ въ соотвѣтствующую киньгу.

Рис. 46.

Киньга (рис. 46) устраивается такъ: берутъ два сосновыхъ бадожка *а* и *б* и къ нимъ по концамъ привязываютъ прочныя ивовыя вицы *в* и *г*, такъ что образуется прямоугольникъ; онъ зовется **творйломъ**. Тогда къ нему начинаютъ прикрѣплять особымъ способомъ ивовыя вицы, сгибая ихъ вокругъ бадожка и боковыхъ вицъ и оставляя концы пока свободными. Вицы эти ложатся вплотную одна подлѣ другой вокругъ всего творила. Затѣмъ, ихъ начинаютъ переплетать поперекъ тоненькими вичками, съуживая постепенно и отрѣзывая по угламъ извѣстное число вицъ, для того, чтобы образовалась четырехгранная пирамида. Въ вершинѣ ея оставляется круглое отверстіе, называемое **горломъ** *д*. Вся эта корзинка зовется **языкомъ**.

Когда языкъ готовъ, къ нему начинаютъ придѣлывать **мàтицу**, т. е.

вторую наружную пирамиду или корзинку, тѣмъ же способомъ, какъ плетется и языкъ (рис. 47).

На нѣкоторомъ разстояніи отъ горла *д* въ матицу вставляется кольцо *е*, съ тою цѣлью, чтобы она не приняла сплюснутый видъ. Въ нижнемъ концѣ матицы находится отверстіе *ж*, зовущееся жопой; оно затыкается клочкомъ сѣна, называемымъ вехотью (рис. 48).

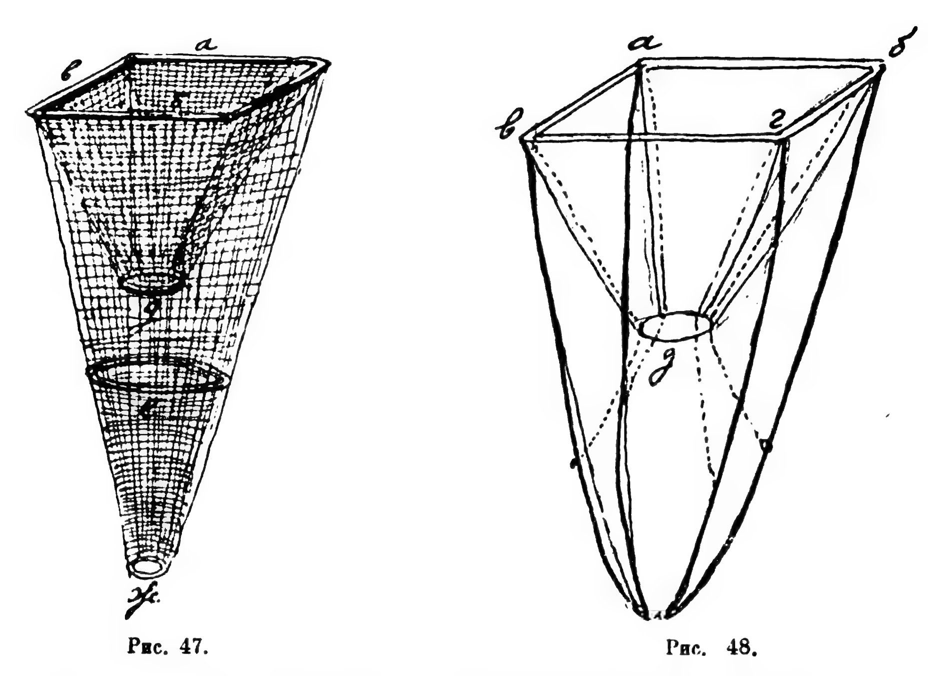

Рис. 47. Рис. 48.

Когда плотина черезъ озеро и ворота въ ней готовы, киньга погружается въ воду и укрѣпляется въ воротахъ. Рыба входитъ черезъ творило въ языкъ, проходитъ черезъ горло въ матицу и тамъ остается. Киньгу вытаскиваютъ изъ воды, вынимаютъ вехоть изъ отверстія *ж* и, посредствомъ встряхиванія выкладываютъ черезъ это отверстіе рыбу.

Вмѣсто киньги въ ворота закладываютъ и морды (рис. 48). Морда дѣлается такъ: къ творилу *а б в г* пришивается сѣть изъ нитокъ съ отверстіемъ въ вершинѣ *д*, тоже зовущаяся языкомъ, какъ и въ киньгѣ. Къ тому же творилу пришивается длинная (аршина $1^1/_2$—2) сѣть въ видѣ мѣшка, но безъ отверстія въ вершинѣ и распирается лучками, обозначенными на рис. 48 толстыми линіями. Мѣшокъ этотъ тоже зовется матицей. Для того, чтобы языкъ не спадался, отъ угловъ творила пропускаются въ отверстіе *д* четыре нитки, которыя концами своими прикрѣпляются къ лучкамъ; на рисункѣ онѣ обозначены пунктиромъ.

Весною, когда уже начнетъ спадать вода, между озерками образуются протоки, зовущіеся бороздами. Въ такой бороздѣ выбираютъ удобное мѣсто

и втыкають на томъ и другомъ берегу шесты въ видѣ козелъ, какъ показано на рис. 49, въ развилины-же шестовъ кладется жердь.

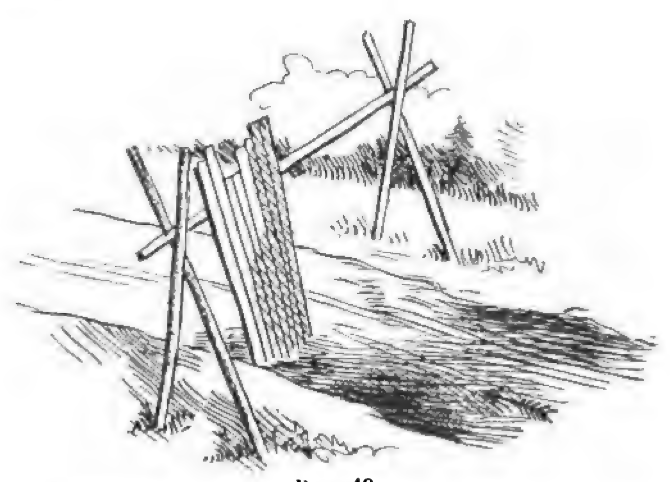

Рис 49.

Сосновыя дранки въ палецъ толщиною, называемыя стружъ, вколачиваются въ дно борозды такъ, что свободными концами своими прислоняются къ шесту. Неподалеку отъ того или другого берега борозды въ стружѣ дѣлаются ворота, въ которыя и вставляется киньга, обращенная творилом противъ теченія. Рыба, проходящая по бороздѣ, попадаетъ въ киньгу. Весь этотъ снарядъ цѣликомъ зовется запоромъ.

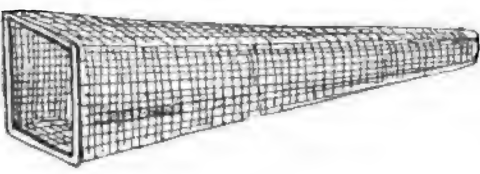

Рис. 50.

Въ быстрыхъ рѣчкахъ ловля рыбы производится посредствомъ сурпы (рис. 50). Сурпа видомъ похожа на киньгу, но представляетъ одну корзинку, сплетенную изъ ивовыхъ вицъ и не имѣетъ на заднемъ концѣ отверстія.

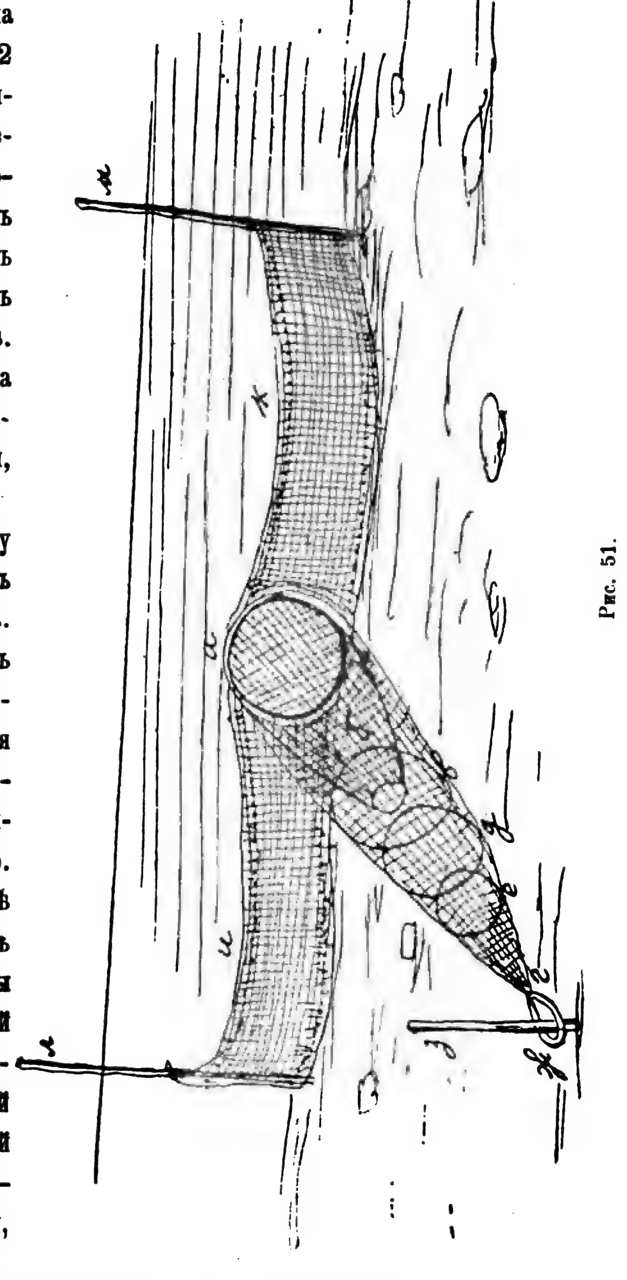
Въ дно рѣчки вколачиваются колья и переплетаются въ поперечномъ направленіи вицами. Въ одномъ мѣстѣ этой загородки, называемой ѣзомъ, оставляются ворота. Въ воротахъ на дно рѣчки кладется бёрдо, т. е. слой сѣна или еловой лапы, который прикрѣпляется къ землѣ четырьмя крюками. Бёрдо служитъ для того, чтобы вода не выбила въ воротахъ ямы и рыба не стала бы проскальзывать мимо сурпы. Сурпа просто вставляется въ ворота безо всякой закрѣпы и держится напоромъ воды. Рыба, попавшая въ сурпу, не можетъ выйти обратно, тоже потому, что вода ее не пускаетъ.

Фитиль (рис. 51)—большой снарядъ для ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ. Онъ устраивается такъ.

Къ большому кольцу изъ вересоваго (можжевеловаго) или ивоваго прута *а* прикрѣпляется связанный изъ льняныхъ нитокъ языкъ *б*, который удерживается отъ спаданія нитками, идущими отъ кольца къ другому кольцу изъ ивоваго прута *в* (на рисункѣ эти нитки не показаны). Къ тому же кольцу *а* прикрѣпляется матица *а г*, въ которую входитъ языкъ и которая распёрта ивовыми кольцами *в*, *д*, *е*. Къ вершинѣ матицы прикрѣплено ивовое же

кольцо *ж*; въ него втыкается шестикъ *з*, для того, чтобы удерживать снарядъ на мѣстѣ и не давать ему передвигаться отъ теченія воды.

Къ тому-же кольцу *а* привязываются два крыла *и* и *к*, аршина по 2 длиною каждое. Они удерживаются въ стоячемъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ *л* и *м*, вбитыхъ въ дно рѣки и торчащихъ надъ водою, тогда какъ весь фитиль скрытъ въ водѣ.

Рис. 51.

Ячеи у этого снаряда крупныя, и въ него попадаетъ крупная рыба: лещи, язи, щуки.

Осенью, по первому ледку, ловятъ посредствомъ поводка (рис. 52) налимовъ.

Нѣсколько нитокъ изъ самаго чистаго льна ссыкаются въ одну. Эта толстая и крѣпкая нить и есть поводокъ. Къ концу ея привязывается двойница, т. е. раздвоенная и на концѣ снова связанная нить. Къ оконечности этой двойницы прикрѣпляется желѣзный крюкъ, а на него насаживается нажива — маленькій живой налимчикъ. Верхній конецъ поводка привязывается къ небольшому шестику, который зовется шàтиной.

Во льду проколачивается пролу̀ка, т. е. отверстіе, въ которое опускается поводокъ съ налимчикомъ, за ними и шатина; послѣдняя втыкается въ дно рѣки. Налимчикъ начинаетъ плавать и водитъ за собою поводокъ, большой налимъ проглатываетъ маленькаго и попадается на крюкъ.

Когда ледъ сдѣлается толще, тогда ловятъ налимовъ на тыкалѝ (рис. 53). Дѣлается рѣчной крюкъ, т. е. берется шестъ сажени, 3 длиною, и въ одномъ концѣ въ другой же конецъ вколачивается железго выдалбливается небольшая впадина, лѣзный крюкъ и прикрѣпляется саргѐй, т. е. полоской листового желѣза. Затѣмъ берутъ нѣсколько сосновыхъ палочекъ съ пол-аршина длиной, заостряютъ ихъ съ одного конца, другой же конецъ вкладываютъ въ отверстіе, выдолбленное въ шестѣ (см. рис. 53), такъ, чтобы тыкалёкъ не выпадалъ. Къ тыкальку привязываются такіе же точно поводки, какъ было объяснено выше, и тыкалекъ вмѣстѣ съ поводкомъ опускаютъ въ прорубь. Когда коснутся оконечностью тыкалька дна рѣки, шестъ нажимаютъ, и тыкалекъ входитъ на половину въ землю. Шестъ вынимаютъ вонъ и такимъ же образомъ втыкаютъ второй, третій и всѣ остальные тыкальки.

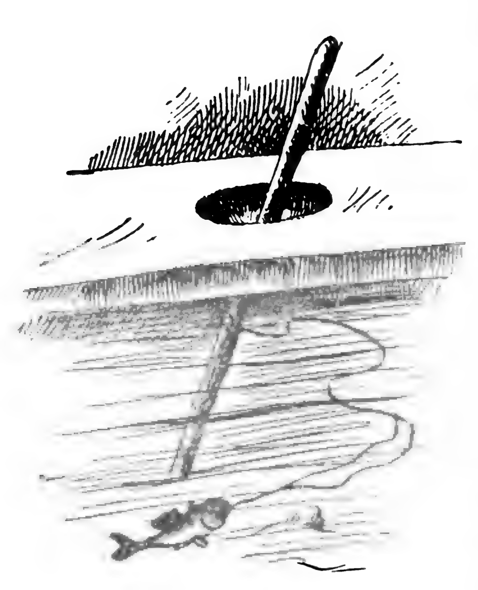

Рис. 52.

Когда предполагаютъ, что налимъ уже попался на поводокъ, опускаютъ шестъ въ прорубь тѣмъ концомъ, на которомъ насаженъ крюкъ, и стараются поймать этимъ крюкомъ поводокъ, лежащій на днѣ. Если поводокъ поднимается безъ сопротивленія, это значитъ, что налимъ не попался, тогда поводокъ выпускаютъ и пробуютъ другой поводокъ и т. д.

Маленькихъ налимчиковъ, какъ наживку, ловятъ заранѣе въ озерахъ и рѣчкахъ и держатъ въ ведрѣ; отправляясь же на ловлю, ведро ставятъ на „санѐчки", т. е. салазки, на саночкахъ же везутъ и ушатъ съ водою, въ который садятъ потомъ выловленныхъ налимовъ, если хотятъ продавать ихъ живыми, если же нѣтъ, то закалываютъ тутъ же на мѣстѣ и замораживаютъ. Налимы попадаются вѣсомъ отъ 5 ф. до полупуда.

Рис. 53.

Ловля съ лучомъ.

Осенью, по первому льду, но еще до выпаденія снѣга, берутъ „санкѝ", топоръ, зобню или пестерь, наполненные смольёмъ (изрубленныя смолистыя части сосноваго дерева), кій—деревянный молотокъ, подобный тому, какой употре-

бляется при конопаченіи дома и острогу, или же обыкновенную сковороду со сковородникомъ и вечеромъ отправляются на ловлю.

Но сперва два слова объ устройствѣ остроги. Въ деревняхъ по Сухонѣ, въ другихъ уѣздахъ Вологодской губ., а также и на Двинѣ въ Архангельской, въ осенніе вечера ловятъ рыбу съ лучомъ („лучатъ“), разъѣзжая въ лодкѣ съ желѣзной „козой“, т. е. вилкой или иного устройства снарядомъ, гдѣ горитъ смольё, освѣщающее воду, и рыболовъ, стоящій въ лодкѣ, закалываетъ рыбу острогой, т. е. желѣзнымъ четырезубцемъ, насаженнымъ на палку. Въ описываемомъ же мною мѣстѣ на Двинѣ, близъ устья Вычегды, съ лучомъ за рыбой не ѣздятъ и острогой зовутъ здѣсь снарядъ, не имѣющій никакого сходства съ четырезубцемъ. Здѣсь острога дѣлается мѣстными кузнецами и состоитъ изъ четвероугольника, составленнаго изъ положенныхъ крестообразно, т. е. рѣшеткой полосъ листового желѣза съ загибомъ по краю (рис 54). Съ одной стороны этого желѣзнаго ящика придѣлана трубка, въ которую вставляется деревянная ручка, къ загибамъ же вдоль края ящика приклепываются небольшія полоски желѣза въ стоячемъ положеніи.

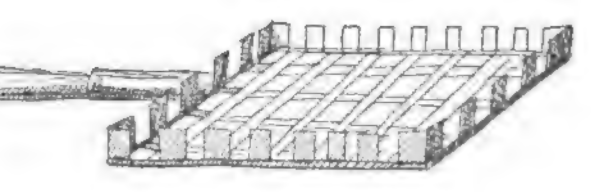

Рис. 54.

Дно остроги дѣлается въ рѣшетку съ двоякою цѣлью: чтобы перегорѣвшее смолье высыпалось вонъ и чтобы огонь освѣщалъ ледъ и подъ острогой, тогда какъ при употребленіи вмѣсто остроги сковороды, послѣдняя бросаетъ отъ себя внизъ обширную тѣнь, мѣшающую разглядѣть рыбу.

И такъ рыболовы, сойдя съ берега въ рѣку, идутъ по льду близъ берега, гдѣ неглубоко кладутъ на острогу (или сковороду) смолья и зажигаютъ его. Стоящая (и спящая) въ водѣ рыба видна отчетливо сквозь прозрачный ледъ. Замѣтивъ ее, одинъ изъ рыболововъ ударяетъ надъ нею кіемъ по льду и оглушаетъ ее. Тогда прорубаютъ топоромъ ледъ и вытаскиваютъ рыбу. Это дѣлается поспѣшно, потому что черезъ нѣкоторое время рыба оживаетъ.

Въ закрытыхъ, т. е. не имѣющихъ стоковъ озеркахъ, бываетъ, „дохнетъ“, т. е. задыхается отъ недостатка воздуха подо льдомъ. Вода въ такомъ озерѣ дѣйствительно дѣлается „кислою“, т. е. вонючею и негодною къ употребленію. Въ такихъ озерахъ рыболовы прорубаютъ во льду дыры аршина два въ квадратѣ и сакаютъ рыбу черезъ прорубь во множествѣ посредствомъ сáка, т. е. сѣти въ видѣ мѣшка, пришитой къ кольцу съ ручкой.

Бердяной ѣзъ.

Берутъ двѣ большихъ деревянныхъ планки, кладутъ ихъ параллельно

на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и поперекъ ихъ слой соломы, сѣна или еловой лапы; солома или сѣно прижимаются другой парой планокъ и затѣмъ эти планки связываются попарно въ трехъ мѣстахъ (рис. 55).

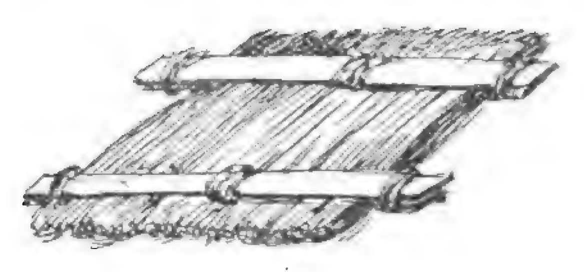

Рис. 55.

Этотъ соломенный щитъ зовется **бёрдомъ**; щитовъ такихъ изготовляется нѣсколько.

Выбирается подходящее мѣсто въ какомъ нибудь озерѣ, и во льду, покрывающемъ это озеро, прорубаютъ отъ берега до берега щель, которая зовется **майной**; шириною она съ четверть аршина. Въ эту майну начинаютъ опускать бёрда, такъ, чтобы они становились ко дну озера и ко льду подъ прямымъ угломъ. Въ извѣстномъ мѣстѣ дѣлаютъ пропускъ, т. е. ворота, и затѣмъ продолжаютъ ставить въ воду бёрда вплоть до другого берега. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ одного бёрда недостаетъ, въ воротахъ, во льду, дѣлаютъ прорубь по формѣ и величинѣ киньги. У краевъ этой проруби вбиваются въ дно озера колья, а между ними опускается въ воду киньга, въ которую и попадаетъ рыба (рис. 56).

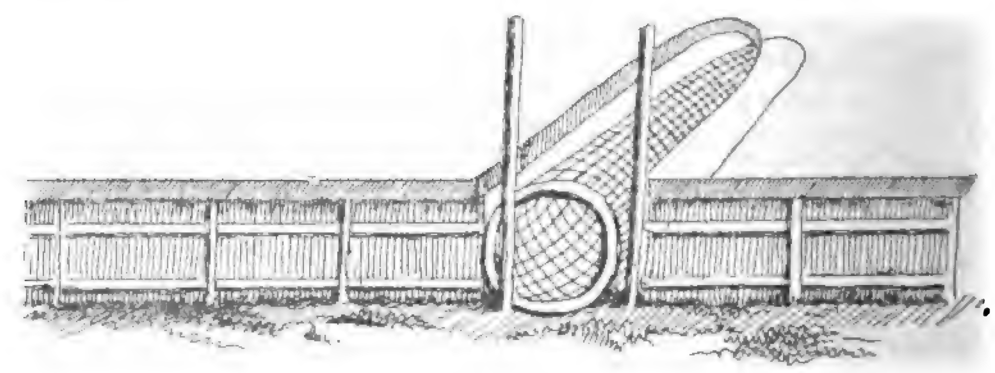

Рис. 56.

Изловленная тѣмъ или другимъ способомъ рыба сохраняется въ садкахъ, которые бываютъ двухъ видовъ: четырехугольные и треугольные.

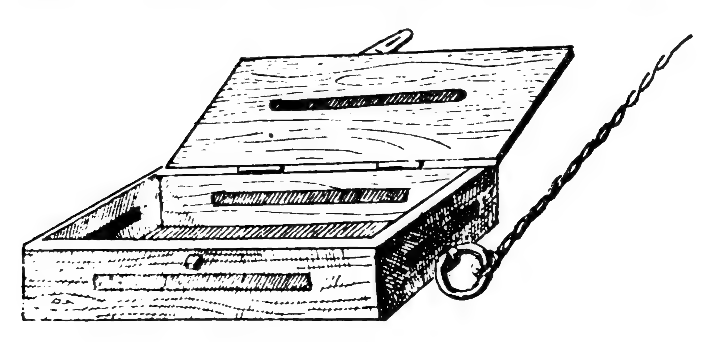

Рис. 57.

Четырехугольный садокъ представляетъ ящикъ аршина 2 длины, 1—1½

ширины и до полъаршина высоты, сколоченный изъ досокъ (рис. 57). Крышка ходитъ на петляхъ и къ ней приколоченъ пробой, который накладывается на петлю въ передней стѣнкѣ для запиранія садка висячимъ замкомъ. Въ одну изъ

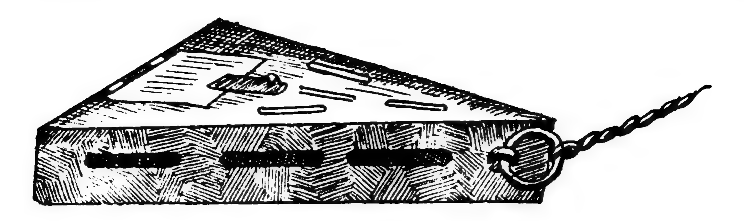

Рис. 58.

боковыхъ стѣнокъ ввинчивается кольцо; къ нему привязывается веревка однимъ концомъ, а другимъ къ колу, вбитому въ землю. Въ днѣ, крышкѣ и четырехъ стѣнкахъ ящика прорѣзываются щели для того, чтобы вода могла свободно протекать черезъ садокъ. Будучи опущенъ въ воду, садокъ держится на поверхности воды. Треугольный садокъ таковъ, какъ показано на рис. 58.

Ловля звѣрей и птицъ.

Ловля звѣрей и птицъ не особенно развиты въ описываемой мѣстности. Зайцевъ, медвѣдей и волковъ ловятъ капканами не своей работы. Этихъ же животныхъ бьютъ и изъ ружей одностволокъ, онѣ покупаются готовыми въ городахъ. Горностаевъ ловятъ осенью, когда они уже побѣлѣли, именно ставятъ около норки мережку, составленную изъ двухъ сѣтокъ—одной съ крупными ячеями и другой съ мелкими, сшитыхъ вмѣстѣ по краямъ. Выйдя изъ норки, звѣрокъ запутывается въ сѣтяхъ и остается въ нихъ.

Что касается ловли птицъ, то заслуживаютъ вниманія два способа этой ловли—пленйцей и сйльемъ.

Пленицей ловятъ преимущественно утокъ въ весеннее время. Берутъ толстую нитку аршина 3—4 длиной, складываютъ пополамъ, такъ что образуется двойная нить и концы ея привязываютъ къ двумъ вичкамъ, которыя и втыкаются въ землю гдѣ нибудь на прошлогодней жнивѣ. Изъ конскаго волоса дѣлается

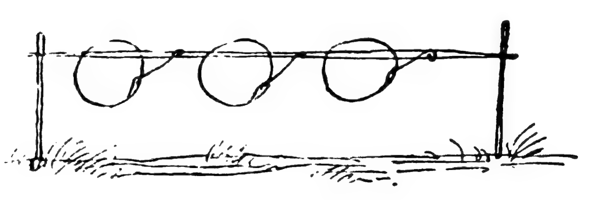
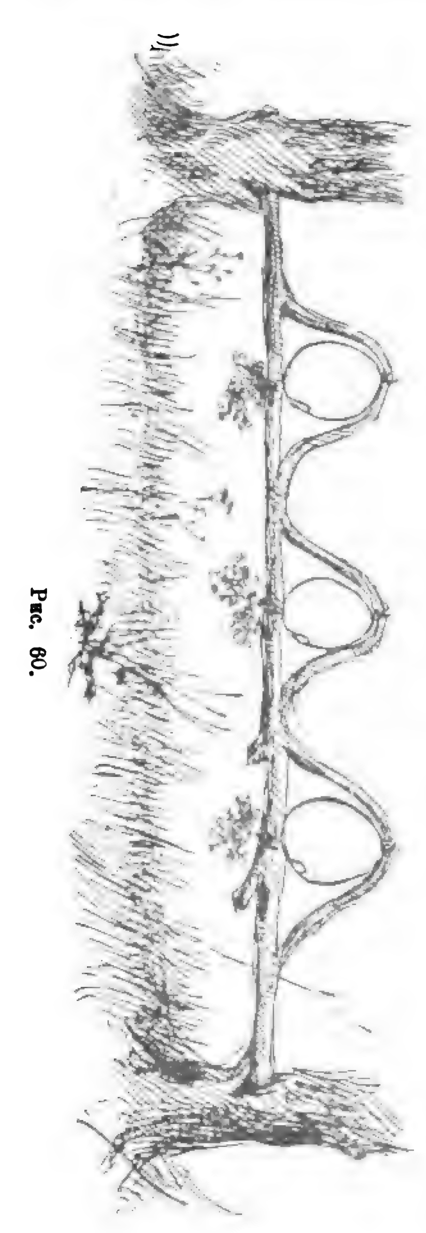

Рис. 59.

петля; конецъ волоса привязывается къ натянутымъ между вичками нитямъ, петля раздвигается и верхній край ея просовывается между нитями (рис. 59). Утки, бродя весною по жнивѣ и отыскивая себѣ тамъ пищу, попадаютъ головою въ петлю, и она ихъ давитъ.

Сйлье дѣлается такъ: выбираютъ въ лѣсу двѣ стоящія неподалеку одна отъ другой сосны, дѣлаютъ въ нихъ топоромъ зарубки и въ этихъ зарубкахъ

укрѣпляютъ еловую хворостинку съ сучьями на одной сторонѣ, обращенной кверху. Два сосѣднихъ сучка пригибаются другъ къ другу и связываются вершинками, такъ что образуютъ полукругъ (рис. 60).

Рис. 60.

Изъ тонкой мѣдной проволоки дѣлаются петли, которыя и укрѣпляются въ промежуткахъ между сучьями, подъ петлями-же привязываются къ хворостинкѣ кисти рябиновыхъ или калиновыхъ ягодъ, какъ приманка. Птица садится на хворостинку между сучьями, наклоняетъ голову, чтобы достать ягоды и петля затягиваетъ ей шею. Такъ ловятъ рябчиковъ, тетерекъ, куропатокъ.

Довольно оригиналенъ способъ ловли дикихъ гусей на картофель. Гдѣ нибудь на высокой верѐтьѣ (горушкѣ), незатопляемой весеннею водою, втыкается накрѣпко въ землю сосновый колышекъ съ полъаршина величиной. Къ нему привязывается тоненькая веревочка около трехъ четвертей длиною съ рыболовнымъ крючкомъ на концѣ. На крючекъ, какъ приманка, насаживается небольшая картофелина, которая и лежитъ въ травкѣ. Гусь, найдя эту картофелину, проглатываетъ ее и попадается на крючекъ.

Суда и лодки.

Ба̀ржи — огромныя суда (бываютъ до 40 саж. длиною), строятся въ Устюгѣ; служатъ для перевозки разной клади въ Архангельскъ и обратно. Самостоятельно не плаваютъ, а буксируются пароходами.

Барки, тоже строятся въ Устюгѣ, величиною 16—18 саж. Служатъ только для сплава разнаго товара въ Архангельскъ, а назадъ не возвращаются. По выгрузкѣ продаются на сломъ и идутъ на постройку мостковъ (тротуаровъ) и заборовъ.

Ти̂финка (тихвинка)—большая лодка, имѣетъ нижнюю палубу прямую; на эту палубу и укладывается товаръ; надъ нею зонтъ, т. е. верхняя, вы-

пуклая палуба изъ тесу съ перильцами по бортамъ. Въ бокахъ и спереди зонта дѣлаются дверцы для входа; въ кормѣ отгораживается крошечная каютка для хозяина. Тихвинка имѣетъ мачту; къ мачтѣ прикрѣпляется бечева, посредствомъ которой судно тянутъ нѣсколько лошадей, идущихъ по бечевнику. На концѣ бечевы находятся веревочныя вѣтки, называемыя подмудками; къ подмудкамъ пристегиваются лошади. Лошадьми правитъ и погоняетъ ихъ коноводъ; на суднѣ правитъ рулемъ шкипарь; палубщики слѣдятъ за снасью, т. е за бечевой; водолей отливаетъ воду, накапливающуюся въ трюмѣ.

Снегà (шняка?) лодка саженей 6 длиною, сшитая (гвоздями) изъ тесу, имѣетъ мачту. Дуги, служащія ей распорками, зовутся опругами; на опруги настилается полъ, называемый тёлгасъ. По срединѣ судна дѣлается, изъ тесу же, крыша на два ската. Подъ эту крышу ставятся кадки, наполненныя куриными яицами, которыя отвозятъ въ Архангельскъ. Въ носу снеги помѣщаются два гребца, сидящіе лицомъ другъ къ другу и гребущіе вмѣстѣ парой большихъ веселъ; въ кормѣ сидитъ рулевой съ однимъ весломъ; весло это зовется нàвись. При попутномъ вѣтрѣ на мачту вѣшается небольшой парусъ изъ холста или изъ рогожи. Снеги дѣлаются дома и цѣнятся до 70 руб. штука. Назадъ тоже не возвращаются.

Косная лодка—съ высокимъ и острымъ носомъ и такою же кормой большая лодка, сшитая изъ тесу, мачты не имѣетъ. Въ ней на тёлгасъ ставятся кадки съ яицами и покрываются соломой. Подымаетъ до 100 пудовъ грузу. Два гребца сидятъ въ этой лодкѣ въ носу въ веслахъ и одинъ на кормѣ съ рулевымъ весломъ. Цѣна этой лодки около 10 руб. По продажѣ яицъ въ Архангельскѣ, косныя лодки тоже продаются тамъ, а назадъ не „обращаются“.

Кàрбасъ—большая широкая лодка безъ палубы и мачты, дѣлается дома и служитъ для переправы черезъ рѣки. Въ нее садятся четыре гребца, каждый съ отдѣльнымъ весломъ, и одинъ, пятый, съ рулевымъ. Цѣна карбаса около 100 рублей.

Стружóкъ. Дѣлается дома изъ одного осиноваго бревна. Бревно выдалбливается корытомъ, затѣмъ распаривается кипяткомъ и разводится; поперекъ вставляются опруги, которыя и не даютъ бортамъ сблизиться. Телгасъ не кладется; люди садятся прямо на дно лодки. Гребецъ садится по срединѣ, беретъ въ руки двоерушное весло, т. е. длинный шестъ, на концахъ котораго находится по лопасти, и погружая въ воду то одну, то другую лопасть, подвигается впередъ. Или такъ: гребецъ съ однимъ коротенькимъ, въ видѣ лопаты, весломъ въ рукахъ садится на одномъ концѣ лодки; тогда другой конецъ, до самой средины, поднимается изъ воды и

лодка, имѣя на половину меньше прикосновенія къ водѣ, при быстрыхъ ударахъ весла движется весьма быстро, Вообще стружкй очень ходкія и легкія лодки, стоимостью всего рубля 1½—2; въ нихъ ѣздятъ съ мережками за рыбой и на охоту за утками весною.

Кустарные промыслы.

Объ этихъ промыслахъ я разскажу коротко, ограничиваясь лишь упоминаніемъ о большинствѣ изъ нихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я загромоздилъ бы подробностями мои и безъ того затянувшіяся записи.

Гончарный промыселъ. Вся глиняная посуда, какая только употребляется въ хозяйствѣ, выдѣлывается дома. Гончарный станокъ устраивается такъ: въ прочную скамейку вдалбливается цилиндръ *а*; нижній стержень его *б* входитъ въ скамейку, на верхній же насаживается крестъ *в*, на которомъ сидитъ деревянный кругъ *г*, могущій свободно вращаться на стержнѣ *д* (рис. 61).

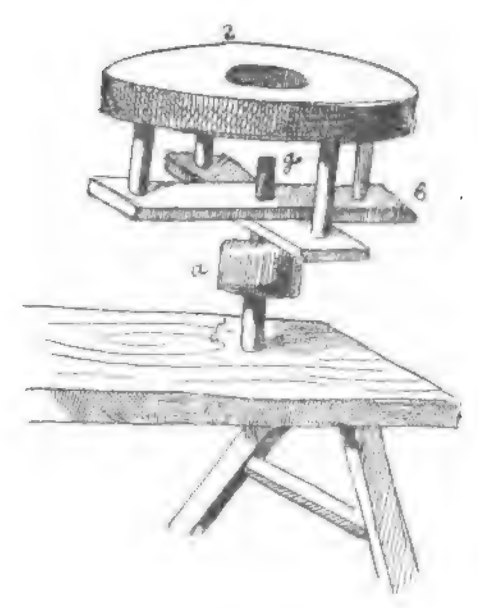

Рис. 61.

Работникъ садится верхомъ на скамейку, лицомъ къ станку, беретъ комокъ глины, смѣшанной съ пескомъ, кладетъ этотъ комокъ на впадину въ кругѣ и, вращая кругъ, вылѣпляетъ руками горшокъ, третъ его мокрой тряпкой, обравниваетъ деревяннымъ ножомъ и п.

Когда посудина готова, она ставится сперва на полицу (полавошникъ), потомъ на печь, чтобы подсохла, наконецъ, кладется въ печь, тутъ-же въ избѣ, въ огонь для обжиганія. Когда посуда накалится въ огнѣ дѣ-красна, въ корыто наливаютъ воды и разбалтываютъ въ ней жидко ржаную муку. Въ эту жидкость кладется каленая посудина и поворачивается кругомъ. Это дѣлается съ цѣлью навести на поверхность пятнышки, единственно для украшенія.

Деревянная посуда. Чашки (для ѣды), ставцы, выдалбливаются изъ осины или березы посредствомъ долота и потомъ обтачиваются на станкѣ. Узоры дѣлаются красками; краски, кисти и лакъ—покупные. Кадцы и ушаты дѣлаютъ изъ ели, сосны и можевельника, лопаты изъ осины, березы

или пихты; ложки изъ осины и березы. Лиственница ни на какія подѣлки не идетъ, такъ какъ очень тяжела.

Экипажи. Устройство деревенскихъ экипажей, не смотря на кажущуюся простоту, довольно сложно и понять это устройство скорѣе всего можно по моделямъ. Здѣсь же я ограничусь рисункомъ и описаніемъ однихъ дровней.

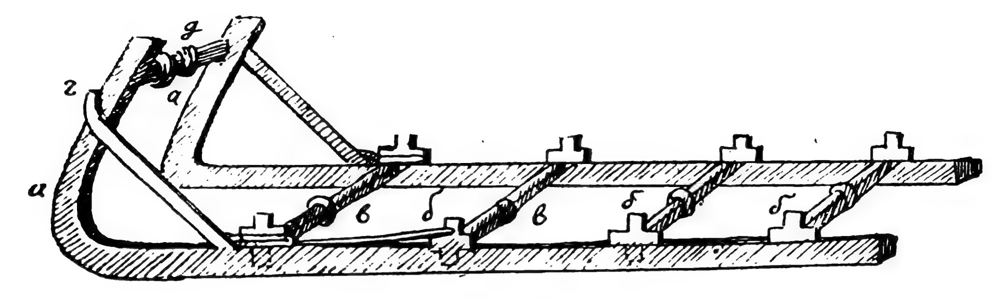

Рис. 62.

Основой дровнямъ служатъ два березовыхъ бруса, называемыхъ полозьями и загнутыхъ напереди въ головку *а*. Въ каждый полозъ вколачиваются сверху по четыре копылà *б*. Каждые два противоположныхъ копыла связываются толстыми березовыми вицами, которыя зовутся вязьё. Вязье перехватывается по срединѣ, для крѣпости, вичаными-же кольцами *в*. Для того, чтобы головка не разошлась, она стягивается чàповицей. Это березовая вица, которая въ пунктѣ *г* удерживается зарубкою, огибаетъ головку и идетъ къ первому копылу, обвиваетъ и его, завязывается узломъ, а свободный конецъ ея прилегаетъ просто ко второму копылу. То же и на второй головкѣ. Свободные-же концы чаповицъ между головками въ пунктѣ *д* сплетаются вмѣстѣ и образуютъ наговѐнникъ. Наговенникъ, для крѣпости, схватывается двумя вичаными кольцами (рис. 62).

Въ верхніе шпеньки копыловъ съ той и другой стороны дровень наколачивается нащѐпъ. Это—разрубленный продольно колъ, въ плоской сторонѣ котораго провернуты дырки; въ эти дырки и проходятъ верхніе шпеньки копыловъ, нащепъ служитъ для укрѣпленія дровней и для того, чтобы можно было класть поперекъ дровней солому или что другое подъ сидѣнье. Наконецъ, къ каждому изъ двухъ переднихъ копыловъ прикрѣпляется завёртка—кольцо изъ березовыхъ вицъ, въ которое вкладывается оглобля.

Дровни могутъ быть превращены въ пошевни. Для этого къ нащепамъ прикрѣпляются дуги отверстіями кверху и околачиваются липовыми лубками. Подъ этотъ полукруглый кузовъ прикрѣпляются брусья въ видѣ треугольника *а*,

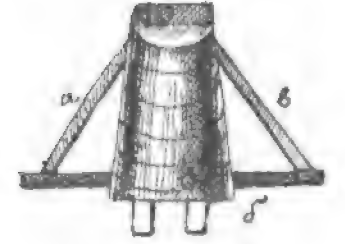

Рис. 64 (видъ сверху).

б, в, называемаго кряквой (въ Вологдѣ отводни); они служатъ для того, чтобы не давать дровнямъ опрокидываться (рис. 63).

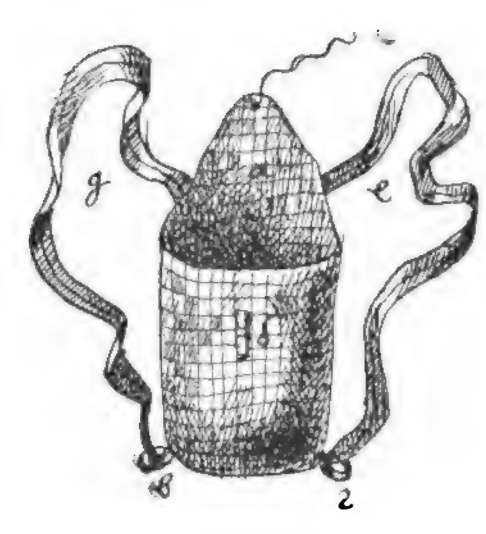

Рис. 64.

Издѣлія изъ берёсты: лапти, кузова.

Кузовъ плетется изъ берестяныхъ лентъ и бываетъ обыкновенно формы сжатаго цилиндра. Треугольная часть *а* загибается впередъ и тесемкой привязывается къ клечику *б*, закрывая кузовъ. Къ петлямъ *в* и *г* привязываются концы полотенца, которое срединой проходитъ въ третью петлю на на спинкѣ кузова. Несущій кузовъ продѣваетъ руки въ мѣстахъ *д* и *е* и надѣваетъ кузовъ на спину. Въ кузовахъ носятъ губы (грибы), ягоды и хлѣбъ на пожню (рис. 64).

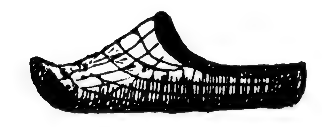

Рис. 65.

Кромѣ лаптей и кузововъ изъ бересты плетутся ступни (рис. 65) — родъ калошъ или вѣрнѣе туфель, которыя надѣваютъ, выходя изъ дому ненадолго, въ сырое время, или въ стаю къ скоту. Ступни не имѣютъ обѡровъ, т. е. бичевокъ, которыми привязываются къ ногамъ лапти, а держатся сами, благодаря возвышенному подъёму. Тѵясъ (рис. 66) сшивается изъ двухъ кусковъ бересты, имѣетъ видъ правильнаго цилиндра съ загнутыми краями, въ которые пропущены березовыя вицы. Дно и крышка деревянныя и въ крышку вставляется деревянная-же ручка. Въ туясахъ носятъ преимущественно молоко. Туясокъ— маленькій туясъ, часто покрытый рѣзьбой и раскрашенный разными красками; въ туяскахъ носятъ масло, сметану и т. п. Наконецъ, изъ бересты же плетутся солоники (рис. 67)—сосуды для храненія соли.

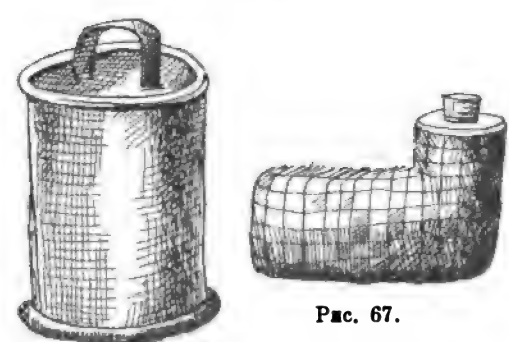

Рис. 66.

Рис. 67.

Издѣлія изъ драни. Изъ сосновой драни плетутся коробà (рис. 68), въ нихъ хранятъ бѣлье, ленъ и т. п. Корзины съ ручкой круглыя (рис. 69) и квадратныя (рис. 70), наконецъ, половики—плетенье изъ дранокъ въ

видѣ ковра, кладется подъ свѣтильно, чтобы падающіе отъ лучины угли не портили пола.

Корневыя издѣлія—плетеныя изъ тонкихъ сосновыхъ корней корзинки и чашки для ковригъ (короноватыя).

Тканье кушаковъ. Женщины ткутъ кушаки и поясьё—пояски для подвязыванія рубахъ и сарафановъ, изъ чистой шерсти и съ прибавкой шелку. Ткутъ и сѣтки, т. е. шарфы на шею.

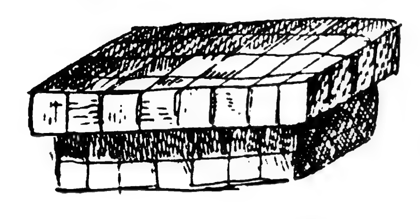

Рис. 68.

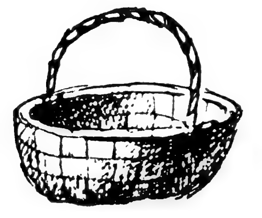

Рис. 69.

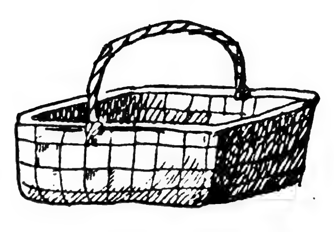

Рис. 70.

Вязанье перчатокъ, рукавицъ и чулокъ.

Тканье матерій—пестряди на сарафаны и рубахи, холста, полотна (холстъ ткется изъ льняныхъ оческовъ, а полотно изъ чистаго льна), мѣшковъ изъ конопляныхъ нитокъ, сукманины на пиджаки и на казачины.

Вышиванье. Вышивки въ узоръ на рубахахъ, фартукахъ, полотенцахъ. Шьютъ гарусомъ (покупною шерстью), шелкомъ и нитками—синими и красными—покупными и домашними (красятъ въ фуксинѣ и въ сандалѣ).

Катальный промыселъ. Катаютъ катаники (валенки), шляпы, калоши, подхомутники (войлока подъ хомуты).

Сапожный—сапоги и башмаки. Кожа покупная.

Портняжный—работаютъ у себя дома и ходятъ по вызову въ деревни.

Столярный—столяры домашніе.

Желѣзныя издѣлія—ведра, ковши, гвозди, подковы, топоры, косы, ральники, ножи, ножницы, замки.

Затѣмъ, существуютъ еще промыслы: кружевной, колесный, шорный (сбруя, возжи), кожевенный (кожи, овчины), игрушечный (деревянныя и глиняныя игрушки), роговой (гребни, гребенки), щетинный (выдѣлка щетины, изготовленіе щупàхъ, един. щупàха—инструментъ, которымъ чупашатъ шерсть и чешутъ ленъ) и щетей.

Свадьба.

Разсказчикъ началъ было вести свое повѣствованіе въ 1-мъ лицѣ, но необходимость отвѣчать на предлагаемые мною вопросы заставила его

перейти къ разсказу въ 3-мъ лицѣ. Отъ этого разсказъ утратилъ нѣсколько въ оригинальности, но за то выигралъ въ подробностяхъ.

„Отецъ не принуждалъ меня жениться и ничего даже не говорилъ. Я самъ сказалъ ему, что пойду смотрѣть дѣвокъ. Онъ сказалъ: поди. Я поѣхалъ недалеко отъ насъ въ деревню къ двоюродному брату и съ нимъ пошелъ на игрище. Самъ не игралъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. Тутъ зачали одну дѣвку хвалить, она мнѣ поглянулась.

Это было въ первый день Рождества, а на другой мы съ отцомъ и матерью поѣхали „сватомъ". Заѣхали къ брату, взяли его и потомъ въ домъ къ невѣстѣ. Она ничего не знала и ея не было дома. Они были люди не бѣдные. Мы съ отцомъ и матерью остались на улицѣ, братъ зашелъ сперва одинъ. Зашелъ и спросилъ: будете ли отдавать дѣвку? Они сказали: будемъ. Братъ вышелъ и кликнулъ, мы и вошли въ избу. Отецъ и братъ стали сватать дѣвку, цѣной сходиться. Я запросилъ 80 руб., а онъ (отецъ невѣсты) сталъ давать 45; я пятишникъ сбросилъ и онъ далъ 55; я на 70, а онъ 65. Я за вѣнчанье заложилъ еще 3 р., попу за полотно 20 аршинъ, попадьѣ платокъ шитый 50 к., и это на себя снялъ. Онъ и далъ 70 рублей.

Тутъ пришла невѣста и, ушла къ печѣ (т. е. за занавѣску, въ куть). Я сталъ требовать пить, она подала квасу братынь. Я не пилъ (ужъ не до квасу было), она поднесла моему отцу и матери и ушла къ печѣ.

Тогда стали молиться Богу, т. е. мы съ дѣвкой стали рядомъ. Никакой молитвы мы не читали (я не знаю ни одной) [1]), потомъ стали молиться отцы, потомъ матери.

Послѣ молитвы мы получили задатку пять или десять рублей, потомъ сѣли пить чай. Дѣвка разливала чай у печи и подносила; потомъ сѣла со мной рядомъ".

Въ это время женихъ снимаетъ у невѣсты съ пальца перстень. Послѣ чаю сейчасъ же ужинъ; за ужиномъ женихъ и невѣста сидятъ рядомъ; когда ужинъ конченъ, гости уѣзжаютъ домой.

Дня черезъ три женихъ со всѣмъ домомъ ѣдетъ къ невѣстѣ на смотры. Сперва сидятъ, пьютъ чай, ужинаютъ, затѣмъ начинаютъ играть. Пѣвицы опѣваютъ невѣсту. За опѣванье пріѣзжіе даютъ денегъ—невѣстѣ серебра, а пѣвицамъ мѣди. Во время ужина женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола играть „кругомъ" (хороводъ), дѣвки и ребята тоже пляшутъ. Послѣ ужина и игры ѣдутъ домой. Невѣста провожаетъ жениха на улицу, или проѣзжаетъ съ нимъ съ четверть версты.

Дня черезъ четыре женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ отдавать сдарье, т. е. подарки, какъ ей, такъ и всей ея роднѣ: отцу, братьямъ и хрёсному

---

[1]) Опять хвастаетъ и рисуется своимъ позитивизмомъ. *Ред.*

по ситцевой рубахѣ и штанамъ, матери рубаху со становиной, шаль или полушалокъ, хрёсной шаль.

Каждый разъ, какъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ, везетъ съ собою гостинцы: конфеты, пряники, крендели, которые и отдаетъ ей, идетъ къ ней къ печѣ (т. е. за занавѣску), тутъ сидятъ вдвоемъ и разговариваютъ.

Въ третій разъ, собираясь къ невѣстѣ, женихъ беретъ съ собою однихъ домашнихъ и ѣдетъ съ вѣстью о томъ, что завтра будетъ дѣвишникъ. Тутъ передаетъ ей сдарье на сарафанъ или на рубаху и уѣзжаетъ.

На слѣдующій день утромъ онъ беретъ всю свою родню, наряжается и ѣдетъ къ невѣстѣ. Предварительно онъ назначаетъ дружку, подвозскаго (товарища себѣ, обязанность котораго рѣзать пироги и т. п.). Когда женихъ выѣзжаетъ изъ дому, дружка спрашиваетъ его приказа: „сворачивать ли стрѣчнымъ?“ Онъ обыкновенно отвѣчаетъ: не сворачивать, и тогда поѣздъ никому не даетъ даже и полъ-дороги.

У воротъ дома невѣсты происходитъ остановка, потому что дружка говоритъ „наговоръ“. Жениха встрѣчаютъ съ братынью пива или квасу и съ двумя „пирогами хлѣба“.

Женихъ входитъ въ избу, раздѣвается и садится за столъ, усаживаются и гости съ его стороны, а невѣсту въ это время наряжаютъ въ голбцѣ. Прислуживаетъ ей сваха, пріѣхавшая съ женихомъ.

Когда невѣста готова, ее выводятъ изъ голбца, и она становится у печи. Женихъ кладетъ дружкѣ на тарелку зеркальце, мыло, гребень, коты и чулки. Дружка передаетъ все это невѣстѣ съ наговорами. Затѣмъ, невѣста молится Богу, здоровается съ жениховой родней и идетъ къ столу. Женихъ беретъ ее за руку и обводитъ вокругъ стола. Передъ тѣмъ какъ сѣсть, женихъ съ невѣстой долго „перепираются“: каждому хочется сѣсть первому, потому что кто сядетъ первый, тотъ будетъ потомъ „большичать“. При этомъ женихъ наблюдаетъ, чтобы невѣста, сѣвши, не присѣла его казачину, т. е. надѣтую на немъ суконную оболочку съ борами.

Передъ женихомъ и невѣстой стоитъ на столѣ коврига съ солоницей и бѣлая булка.

Отецъ невѣсты подноситъ водку. Женихъ и невѣста выпиваютъ по полъ-рюмкѣ. Это зовется обмываніемъ губъ. Тогда раскрываютъ столы, т. е. снимаютъ прочь полотенца, которыми были закрыты кушанья, и всѣ садятся за столъ.

Кушанья за столомъ: пирогъ съ рыбой, щи и студень. Передъ студнемъ всѣ встаютъ и читаютъ молитву „Отче нашъ“. Послѣ этого можно и пѣть пѣсни. Женихъ начинаетъ раздавать подарки своей роднѣ, кромѣ домашнихъ, которые получаютъ подарки дома послѣ „умыванья“. Подарки

разноситъ невѣстинъ братъ. Кого женихъ даритъ, тому отецъ невѣсты подноситъ по стакану водки. Послѣ этого сидятъ за столомъ еще часа два. Отказомъ на обѣдѣ считается сырое молоко въ чашкѣ, а въ постный день ягоды. Женихъ накрываетъ невѣсту шалью и ее уводятъ въ голбецъ наряжать къ вѣнцу. Когда она готова и вышла, снова садятся за столъ и дружка говоритъ „наговоръ". Когда онъ кончилъ, всѣ встаютъ и молятся. Женихъ и невѣста выходятъ, а мать и отецъ невѣсты садятся на ихъ мѣсто и сидятъ; посидѣвъ, встаютъ. Отецъ беретъ икону и благословляетъ жениха и невѣсту, затѣмъ, мать беретъ пшеничную булку и благословляетъ ею. Невѣста кланяется матери въ поясъ, а женихъ „въ груди". Булку невѣста увозитъ съ собой, чтобы потомъ „не тоскнуть" объ родномъ домѣ.

Поѣздъ отправляется прямо въ церковь. На первой лошади кто нибудь, по назначенію жениха, везетъ икону, за нимъ слѣдуетъ женихъ съ хрёснымъ-тысяцкимъ, потомъ невѣста со свахой, потомъ родня. Дружка провожаетъ поѣздъ съ полверсты и, послѣ „наговора", возвращается.

Въ церкви сперва производится обыскъ, т. е. дьяконъ или пономарь записываютъ невѣсту въ книгу. Затѣмъ слѣдуетъ вѣнчанье.

Во время вѣнчанья замѣчаютъ (бабы): если у молодой вѣнецъ „стемнѣетъ", это значитъ, что она „гуляла" въ дѣвкахъ, а если у молодого, то онъ гулялъ будучи парнемъ. Также, когда пріѣдутъ домой отъ вѣнца, то у котораго изъ молодыхъ раньше погаснетъ вѣнчальная свѣчка, тотъ раньше и умретъ.

Изъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха,—теперь уже «молодого». Встрѣчаютъ дружка, отецъ и мать съ хлѣбомъ и квасомъ. Молодой беретъ ковшъ, зачерпываетъ квасу, „выздымаетъ" руку съ ковшомъ—первый разъ невысоко, выливаетъ квасъ въ братынь, зачерпываетъ снова, поднимаетъ повыше, выливаетъ, опять зачерпываетъ и въ третій разъ поднимаетъ на длину руки и выпиваетъ квасъ.

Входятъ въ избу. Здѣсь отецъ и мать молодого благословляютъ мужа и жену—сперва иконой, потомъ хлѣбомъ. Молодые кланяются сперва въ поясъ, потомъ въ ноги. Садятся за столъ, но не ѣдятъ, а ждутъ невѣстиной родни. Когда она пріѣдетъ, ее встрѣчаютъ съ виномъ и пивомъ. Это зовется почетники. Когда всѣ усядутся, раскрываютъ столы. Отецъ и мать молодого подносятъ молодымъ по стакану водки, тогда молодой разрѣшаетъ подавать „по всѣмъ" водку, т. е. бабамъ и мужикамъ.

Подаютъ сперва пирогъ съ рыбой, потомъ щи, потомъ студень. Послѣ студня тысяцкій читаетъ „Отче нашъ". Тогда молодой „скрываетъ", т. е. снимаетъ платокъ съ лица жены и самъ подноситъ водку ея роднѣ. За-

тѣмъ ѣдятъ разную рыбу, картошку на латкахъ, пироги сладкіе и молоко (отказъ).

Тысяцкій беретъ икону и идетъ съ нею впередъ на подклѣтъ, гдѣ приготовлена постель для молодыхъ; молодые слѣдуютъ за нимъ. Тутъ они еще ужинаютъ; подаетъ имъ мать. Къ ужину молодой приглашаетъ тѣхъ изъ гостей, которые «любы», затѣмъ ложатся спать. Молодая разуваетъ мужа, вынимаетъ серебро, положенное имъ заранѣе въ сапогъ, и беретъ эти деньги себѣ.

На другое утро, часовъ въ 8 или 9, дружка приходитъ будить молодыхъ, и они идутъ пить чай въ избу.

Послѣ чаю происходитъ обрядъ „умыванья". Умываются всѣ, кто ѣздилъ за невѣстой съ женихомъ. Они кладутъ деньги „на умыванье" въ тарелку, которую держитъ хрёсная. Самъ молодой кладетъ цѣлковый. Деньги эти идутъ молодой.

Затѣмъ молодой начинаетъ дарить своихъ домашнихъ: мать рубахой, отцу, братьямъ и хрёсному даетъ по рубахѣ и штанамъ. Послѣ этого всѣ садятся обѣдать.

Когда обѣдъ конченъ, молодыхъ снова ведутъ на подклѣтъ, а въ это время лишніе гости разъѣзжаются и передъ отъѣздомъ приходятъ къ молодымъ прощаться. Молодой угощаетъ ихъ водкой. Когда гости разъѣдутся, молодые съ оставшимися пьютъ чай, потомъ ужинаютъ.

Женина родня живетъ обыкновенно въ домѣ у молодого дня четыре. На пятый день молодые ѣдутъ со всей мужниной родней къ женинымъ родителямъ „на блины". Тутъ молодые гостятъ дня 4—5, вымоются въ банѣ и возвращаются домой. Провожаетъ ихъ женинъ отецъ.

Дня черезъ 3—4 женина родня ѣдетъ къ молодымъ на кочень, пируютъ дня два и одариваютъ молодыхъ и ихъ домашнихъ.

Черезъ недѣлю молодые снова ѣдутъ со всѣми домашними къ жениной роднѣ на сыръ [1]); гостятъ здѣсь дня 3—4, причемъ молодой одариваетъ весь домъ.

Женино приданое состоитъ изъ денегъ; иной отецъ даетъ скотомъ; ежели есть крѣпостная земля, подписываетъ землей, а если мужчина идетъ въ домъ къ дѣвкѣ, то отецъ дѣвки подписываетъ ему половину имущества.

Если отца жениха или невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то отца замѣняетъ отецъ крестный, а мать родную—крестная, или отца замѣняютъ дядья или братья, а родную мать—тетки или сестры замужнія.

[1]) Прежде эти поѣздки на блины, на кочень, на сыръ сопровождались, вѣроятно, извѣстными обрядами, теперь же остались одни названія.

Свадьбы сиротъ или незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ свадебъ; на свадьбахъ вдовьихъ тоже не бываетъ никакихъ отличій.

Правило—никого ничѣмъ не ссужать во время приготовленій къ свадьбѣ соблюдается, пока все не кончится.

Когда молодая забеременѣетъ, то замѣчаютъ: если брюхо у нея острое, то она родитъ мальчика, если нѣтъ, то дѣвочку; если лѣвая титька больше—будетъ „робенокъ", т. е. мальчикъ, если правая, то „дѣвка".

Разрѣшается отъ бремени женщина въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ народу, напр. на повѣти, на назьму. Деревенскихъ повитухъ приглашаютъ, а городскую акушерку—„нѣтъ моды". Мужъ обыкновенно присутствуетъ при родахъ и поитъ жену, т. е. даетъ пить изъ своего рта. При трудныхъ родахъ мужа заставляютъ ослабить или развязать свой поясъ, а иной и вовсе скидываетъ его; отпираютъ замки и отворяютъ женины сундуки; берутъ ключи, опускаютъ ихъ въ воду и этой водой поятъ родильницу; зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи.

По окончаніи родовъ родильницѣ даютъ капусты, ягодъ или грибовъ соленыхъ. Встаетъ она съ постели обыкновенно на третій день. Кормитъ мать ребенка съ годъ, иная полтора, даже до двухъ лѣтъ.

Изъ семейныхъ отношеній.

Раздѣлъ бываетъ или противъ воли отца или съ его согласія. Причины раздѣла весьма различны. Пословица говоритъ: „нонѣ дѣлятся съ отцомъ роднымъ: охота говядину крошить самимъ". Чаще всего раздѣлы происходятъ изъ за бабьихъ ссоръ. Если сынъ выходитъ изъ дому противъ воли отца, то не имѣетъ права ничего требовать, и судъ ему ничего не присудитъ, если бы онъ къ нему и обратился. Отецъ можетъ до трехъ разъ „опродать" самовольно выдѣлившагося сына, т. е. продать данный ему домъ, скотъ и все что угодно; судъ это допускаетъ, но за третьей продажей власть его прекращается, и выдѣлившійся становится совершенно свободнымъ.

Если выдѣлъ происходитъ съ согласія отца, то онъ благословляетъ сына иконой, и икона эта остается у сына. Онъ говоритъ при этомъ: «во имя Отца и Сына и св Духа, поди съ Богомъ».

Когда происходитъ дѣлежъ, имущество оцѣниваютъ сами. Если напр. корова плоха, то къ ней «прикладываютъ» овецъ или чего другого. Части распредѣляются по жребію. Кидаютъ рукавицу, сколько «паѐй» (паевъ), столько и рукавицъ; въ каждую рукавицу кладется что нибудь—щепка,

уголекъ и т. п., какъ условный знакъ. Непричастный дѣлежу человѣкъ раскладываетъ эти рукавицы по грудамъ вещей, назначенныхъ къ дѣлежу.

Домà дѣлятся по волѣ отца. Онъ отдаетъ домъ тому сыну, которому пожелаетъ, а другой получаетъ деньгами стоимость половины дома. Долги семейные дѣлятся поровну между дѣлящимися, также подати и повинности. Приговоръ дѣлается въ обществѣ и посылается въ волостное правленіе для подписанія.

Дочери, оставшіяся по смерти отца, никогда не дѣлятся, это неслыханная вещь. Если по смерти отца останутся сыновья съ женами и они дѣлятся, то жены не при чемъ,—«дѣло не ихнее», а если жены остаются однѣ, то дѣлятся такъ же, какъ и мужчины, «только у нихъ шуму больше».

Если у мужика жилъ его племянникъ, то при выдѣлѣ онъ получаетъ половину дома, родные же сыновья мужика не при чемъ: «племянникъ беретъ на своего покойнаго отца».

Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ. Братья не обязаны ихъ содержать, но онѣ живутъ съ братьями, эти ихъ и замужъ выдаютъ.

Если по смерти отца останутся однѣ дочери, то онѣ наслѣдуютъ все. Мать, если она жива, наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дочерьми. Послѣ умершаго бездѣтнымъ сына наслѣдуютъ отецъ и мать.

Если жена умерла бездѣтною, то оставшееся послѣ нея имущество отдается сестрамъ покойницы.

Выручка за мелкіе заработки въ праздничное время отдается отцу или тому, кто ведетъ хозяйство. Если мужъ ушелъ на заработки, жена вправѣ требовать отъ него денегъ на уплату податей и на жалованье казаку, но болѣе ни гроша.

Казакъ никогда не бываетъ близокъ къ дому и не живетъ въ семьѣ. Это наемный работникъ съ лошадью, обязанность котораго дѣлать всю годовую работу. Ему платятъ 9 р. съ души; онъ ѣстъ, пьетъ и ночуетъ дома. Работникъ же живетъ въ семьѣ, ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ прочими. Ему платятъ 25—30 р. въ годъ, за лѣто же (съ Пасхи до Покрова) 15—16 рублей.

Увеселенія и игры.

Въ дер. Марковѣ и сосѣднихъ съ нею молодежь не собирается на „вечеринки“, „бесѣды“, „посидѣнки“, какъ въ другихъ уѣздахъ губерніи,—„къ намъ не дошла еще эта мода“, пояснилъ разсказчикъ. Исключеніе составляютъ лишь рождественскіе праздники, именно первые три дня рождества, новый годъ и крещенье. Тутъ собираются въ какой нибудь избѣ и „играютъ“, „ходятъ

кругомъ“, т. е. парни и дѣвки берутся за руки, составляютъ кругъ, ходятъ и поютъ, или же безъ пѣнія вертятся подъ звуки гармоніи. При этомъ женихи обыкновенно высматриваютъ невѣстъ, т. е. намѣчаютъ себѣ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ и женятся.

Игры устраиваются не на средства того домохозяина или хозяйки, которые дозволяютъ собираться въ своемъ домѣ играющимъ, а на сборныя, посредствомъ такъ наз. бра́тчины. Домохозяинъ самъ собираетъ эту братчину, при чемъ каждый парень и дѣвка, желающіе участвовать въ играхъ, даютъ ему по пирогу и по 1 ф. муки на квасъ. Парни, кромѣ того, ежедневно жертвуютъ по 1 коп. на свѣчи. Игры начинаются обыкновенно послѣ обѣда, т. е. съ 12 ч. дня и продолжаются до 7—8 ч. вечера. Тутъ ужинаютъ, при чемъ дѣвки садятся на лавки, а парни на скамьи напротивъ. Послѣ ужина игры возобновляются и длятся до 2—3 ч. утра. Если посторонніе парни, т. е. не участвующіе въ братчинѣ, желаютъ играть и ужинать, то платятъ хозяину каждый по 5 коп.

Маскированіе и сами замаскированные особыхъ названій не имѣютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Тотьмѣ, маскированные, ходящіе днемъ по улицамъ города, зовутся ку́десами). Наряжаются только въ первые три дня Рождества и ходятъ на игры по домамъ. Отдѣльныя лица чаще всего надѣваютъ на себя вывернутый на изнанку полушубокъ, а на лицо маску. Маски изъ папье-маше покупаются въ Устюгѣ.

Но устраивается и слѣдующая игра. Одинъ парень замаскировывается лошадью, такъ именно: на голову прежде всего кладется прялка, при чемъ лопасть ложится вдоль по спинѣ, а копылъ приходится на затылокъ и на темя и торчитъ надъ лбомъ впередъ, что̀ придаетъ головѣ нѣкоторое подобіе лошадиной. Лопасть прялки на спинѣ скрыта вывернутымъ на изнанку полушубкомъ, копылъ-же лежитъ на головѣ открыто. На шею надѣвается хомутъ (настоящій) такъ, что онъ приходится поверхъ полушубка и лопасти прялки; на лицѣ страшная маска. Поверхъ всего на голову накидывается узда, а на спину шлея. Этотъ человѣкъ составляетъ собственно переднюю половину лошади. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него за спиной становится другой человѣкъ, тоже закутанный въ вывернутый полушубокъ и въ маскѣ, но безъ всякихъ другихъ принадлежностей. На которое нибудь плечо передняго и задняго человѣка кладется палка, которая ихъ, такъ сказать, соединяетъ. На палку садится верхомъ третій парень, замаскированный старухой—въ сарафанѣ и платкѣ, со старушечьей маской на лицѣ. Наконецъ, впереди коня идетъ четвертый человѣкъ, все тѣло котораго завернуто въ два сшитыхъ вмѣстѣ полушубка мѣхомъ вверхъ, маски же на немъ двѣ—одна на лицѣ, другая на затылкѣ.

Вся эта группа, т. е. янусъ, лошадь (изъ двухъ человѣкъ) и амазонка вступаютъ въ избу, гдѣ происходитъ игра и амазонкѣ подаютъ въ руку зажженую свѣчу, съ которой она и ѣдетъ по избѣ, здоровается съ хозяевами, пугаетъ дѣвокъ и затѣмъ начинаетъ плясать. Пляшутъ, собственно, лошадь т. е. два человѣка, ее составляющіе и вожакъ, старуха-же остается на своемъ мѣстѣ, т. е. верхомъ на палкѣ, при чемъ, конечно, съ большимъ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе. Затѣмъ, всѣ идутъ опять къ хозяевамъ и спрашиваютъ:

— Пригласите ли завтра потанцовать съ вами? Хозяева отвѣчаютъ: милости просимъ, приходите.

Въ эти же три дня Рождества носятъ по игрищамъ чучелу.

Чучела дѣлается такъ. Берутъ бревно вершковъ пять въ діаметрѣ и три аршина длиной и вырубаютъ изъ него подобіе человѣка, какъ показано на рисункѣ 71, но безъ рукъ (руки дѣлаются потомъ изъ одежды), ступни же вырубаются отдѣльно и вдалбливаются въ ноги. Лицо раскрашивается красками, при чемъ ему придается по возможности страшное выраженіе. На ноги надѣваютъ катàники, на тѣло сарафанъ, а на шею кофту. Изъ рукавовъ кофты дѣлаютъ руки. На затылокъ чучелы приколачиваютъ распущенный лошадиный хвостъ (хвостъ этотъ заранѣе еще лѣтомъ отрѣзываютъ у какой нибудь чужой забѣглой лошади, выбирая такой, который подлиннѣе и покрасивѣе) на голову надѣвается бабья морхатка, состоящая изъ околыша, завязываемаго назади ленточками и пришитаго къ краямъ его колпачка, выдающагося впереди пузыремъ и спускающагося постепенно къ затылку, подъ лентами же привѣшиваютъ колокольчикъ съ веревочкой у языка; въ этотъ колокольчикъ потомъ и звонятъ.

Внеся чучелу въ избу, ее ставятъ въ передній уголъ на полъ. Дѣвки до того боятся чучелы, что зачастую всѣ убѣгаютъ изъ избы.

Чучелу сберегаютъ до слѣдующаго года, иногда и дольше. Лѣтомъ, когда на заливные луга собираются изъ окрестныхъ деревень дѣвки для сбора дикаго чесноку (онѣ зовутся чесноковками), то парни, чтобы попугать ихъ, вытаскиваютъ чучелу, кладутъ ее на телѣгу и везутъ на лугъ. Дѣвки, увидавъ ее, разбѣгаются.

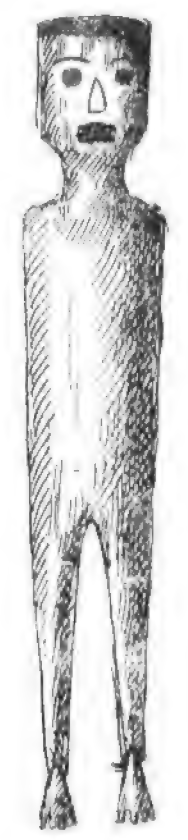

Рис. 71.

Зимою же устраиваются ледяныя горы на рѣкѣ или гдѣ нибудь на озерѣ. Гора дѣлается такъ: въ ледъ вдалбливаются и примораживаются въ

нему четыре столба, аршина по 4 высоты, такъ, что приходятся въ углахъ квадрата. Столбы эти скрѣплены по два брусьями, входящими въ выемки на вершинѣ столба; на эти столбы и брусья кладется помостъ, или просто дверь. Такимъ образомъ, получается вышка. Съ одной стороны на вышку ведетъ

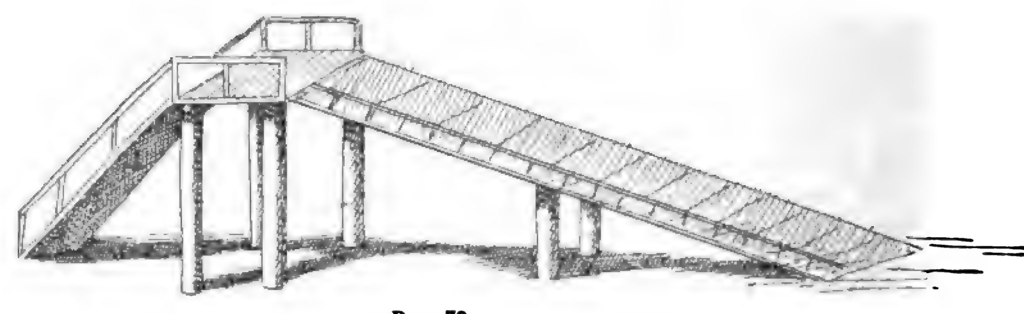

Рис. 72.

лѣстница съ перилами, которыя продолжаются до другой стороны площадки, а съ противоположной спускаются наклонно три толстыхъ жерди, подпертыя по срединѣ столбиками. На эти жерди укладываются льдины и поливаются водой, а по краямъ ихъ примораживаются сверху жерди, служащія для того, чтобы санки, скатывающіяся по горѣ, не слетали въ сторону (рис. 72).

Рис. 73.

Другого рода катушка устраивается проще, но скатываніе по ней представляетъ дикую и опасную забаву. Именно, къ краю крутого берега озера или рѣки представляются двѣ не толстыхъ жерди, которыя наклонно и параллельно другъ другу спускаются на ледъ; жерди эти поливаются водой и катушка готова. Двое парней становятся на жерди лицомъ другъ къ другу и скатываются внизъ (рис. 73).

По замѣчанію разсказчика, на такого рода катушкахъ люди нерѣдко ломаютъ себѣ ноги, и тутъ же приведенъ примѣръ, что одна дѣвка, скатываясь стоя,

сорвалась, сломала себѣ ногу и, по излѣченіи, осталась на всю жизнь хромою, изъ за чего и не вышла замужъ, такъ какъ дѣвицы съ физическими недостатками (хромыя, кривыя, косыя) никогда не находятъ себѣ жениховъ.

По этимъ же двумъ жердямъ скатываются и на боронѣ. Борона кладется на шесты вверхъ зубьями, по срединѣ усаживаются дѣвки, парни становятся по краямъ, размѣщая ноги между зубьями бороны, всего человѣкъ до 8-ми, даже до 10-ти и скатываются внизъ.

Въ шаровое заговѣнье (т. е. передъ Петровымъ постомъ) катаютъ яица. Яица предварительно окрашиваютъ въ луковыхъ перьяхъ, сандалѣ или фуксинѣ и передъ какой нибудь избой поперекъ улицы кладутъ яица на землю по прямой линіи въ разстояніи четвертей трехъ одно отъ другого. Саженяхъ въ 50 отъ яицъ кладется поперекъ дороги жердь, у которой становятся играющіе и одинъ изъ нихъ беретъ въ руки мячъ. Мячъ этотъ скатывается изъ овечьей шерсти, вѣсомъ фунта три. Если мячъ, будучи брошенъ по направленію къ линіи яицъ, попалъ въ которое нибудь изъ нихъ, это яйцо становится собственностью выбившаго его и онъ имѣетъ право катить мячъ вторично. Если мячъ проскочитъ, не задѣвъ ни одного яица, его беретъ и брогаетъ другой и т. д.

Игра въ бабочки (т. е. бабки, костыги).

Ставятъ на землю попарно столько паръ бабочекъ, сколько играющихъ, т. е. всякій ставитъ свою пару. Эта линія бабочекъ зовется кономъ. Передъ началомъ игры каждый кидаетъ передъ собою на землю одну бабочку. Если она упадетъ на плоскую сторону, это зовется клочка, если на выпуклую— жокъ, если на вогнутую—нѝка. Первые бьютъ клочки, вторые—жоки, третьи нѝки. Чья клочка упала всѣхъ дальше отъ кону, тотъ бьетъ первый. Та бабочка, которой бьютъ, зовется битокъ; она побольше другихъ и иногда наливается свинцомъ. Если бросившій битокъ выбилъ изъ линіи или просто уронилъ одну пару или сколько бы ни было бабочекъ, берутъ ихъ себѣ. Затѣмъ, бьетъ другой и т. д., пока не выбьютъ всѣхъ. Этимъ партія кончается.

Колобки. Разница этой игры отъ предыдущей въ томъ лишь, что вмѣсто битка здѣсь употребляется желѣзная плитка плоская, овальной формы. вершка 2—3 величиной, имѣющая видъ колобка.

Плитки. Та-же игра, только вмѣсто колобка бьютъ деревянной дощечкой, длиною съ четверть, имѣющей тоже овальную форму.

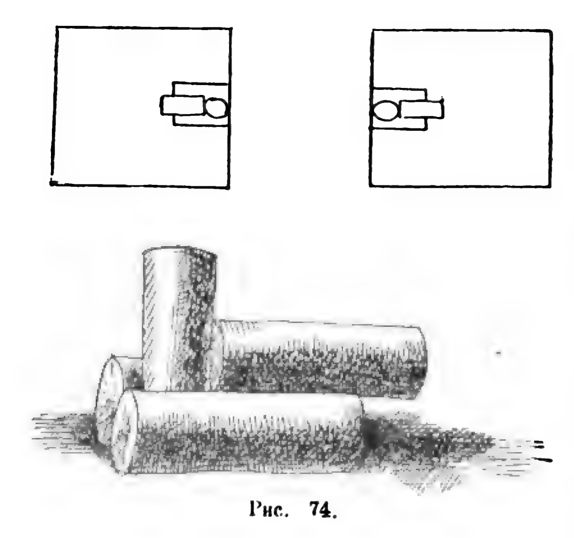

Рис. 74.

Рюхи. На ровномъ мѣстѣ на улицѣ чертятъ палкой два квадрата въ разстояніи саженей 50 одинъ отъ другого. Пространство внутри этихъ квадратовъ зовется городомъ. Рюхи—сосновые цилиндрическіе обрубки укладываются по 4 штуки въ каждомъ городѣ такъ, какъ показано на рис. 74. Затѣмъ, двое изъ играющихъ берутъ въ руки палку и начинаютъ мѣряться или гадать, т. е., держа палку вертикально, обхватываютъ ее рукою поперемѣнно. Чья рука окажется наверху послѣднею, тотъ становится маткой.

Съ цѣлью выровнять игроковъ, т. е., чтобы въ одной партіи не оказался перевѣсъ въ хорошихъ игрокахъ, распредѣляютъ ихъ по жребію. Каждый беретъ въ одну руку щепку, а въ другую травку, подходитъ къ маткѣ и спрашиваетъ: матка, матка, щепка или травка? Матка называетъ то или другое и, смотря по тому, что оказалось въ правой рукѣ—щепка или травка, игрокъ отходитъ къ той или другой партіи.

Когда, такимъ образомъ, партіи образовались, игру начинаетъ тотъ, кто желаетъ (количество бросаемыхъ однимъ игрокомъ палокъ зависитъ отъ уговора) и кидаетъ палку отъ передней черты своего города. Если онъ вышибетъ изъ границъ непріятельскаго города хоть одну рюху, слѣдующій кидаетъ свою палку уже не отъ черты города, а отъ черты, проведенной на землѣ между городами въ одинаковомъ разстояніи отъ того и другого (25 саж.). Кидаютъ до тѣхъ поръ, пока не прокидаютъ всѣхъ палокъ, каждый играющій по разу. Если рюхи не вышиблены, т. е. осталась хотя бы одна, начинаетъ кидать палки другая партія и т. д., и та партія выигрываетъ, которая первая вышибетъ изъ непріятельскаго города всѣ рюхи. Если которая нибудь партія со второго раза вышибла всѣ рюхи, напр. тремя палками, то второй партіи разрѣшается кончать игру только тремя палками. Если этими тремя палками она рюхъ не вышибетъ, то возитъ своихъ противниковъ, т. е. отдѣльные игроки носятъ ихъ на спинѣ отъ города.

Попы. Такая-же игра, разница въ томъ лишь, что рюхи ставятся стоймя—четыре по угламъ и двѣ въ срединѣ города на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Игры „въ цари“, „юла“, „корова“ и „ёрга“ описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“ и потому я ихъ здѣсь не привожу.

Нѣкоторыя повѣрья и примѣты.

Нечистая сила повсюду окружаетъ людей. Она дѣлится на разряды, имѣющіе свои названія, но изъ этихъ разрядовъ нѣтъ первенствующаго, такъ же точно, какъ и въ членахъ извѣстнаго разряда нѣтъ старшихъ, начальниковъ и т. п.; каждая особь существуетъ независимо отъ прочихъ и никому не подчиняется.

Ближайшій къ человѣку духъ есть домовой, имѣющій мѣстное названіе батáмушки. Мѣсто жительства его всегда стая, т. е. скотный дворъ. Видятъ его очень рѣдко и если онъ является кому либо, то въ образѣ, напоминающемъ кошку. Его зовутъ еще „скотнымъ кормильцемъ“, потому что онъ ходитъ за скотомъ и кормитъ его. Если скотина ему не по дому, то онъ ей вредитъ всяко и даже губитъ. Если лошадь ему не нравится, то онъ гоняетъ ее ночью до того, что утромъ ее находятъ всю взмыленною и утомленною. Въ такомъ случаѣ, лошадь надо поскорѣе продать, что и дѣлаютъ. Въ домѣ, принадлежащемъ разсказчику, нельзя завести ни бѣлой лошади, ни бѣлой коровы, бѣлыя-же овцы батамушкой терпятся.

Одинъ старикъ-крестьянинъ пошелъ однажды въ стаю, чтобы дать лошади сѣна и вдругъ увидѣлъ домового. Испугавшись, онъ схватилъ вилы, но домовой, въ свою очередь, испугался и „ускочилъ“ въ дыру на повѣть, черезъ которую спускаютъ съ повѣти лошади и коровамъ сѣно. Оправившись отъ испуга, старикъ одумался, и, чтобы задобрить батамушку, связалъ ему самъ изъ бѣлой овечьей шерсти рукавицы, обѣ на лѣвую руку (потому что на правую домовой не возьметъ), положилъ эти рукавицы въ стаѣ и онѣ оказались унесенными.

Черти живутъ въ водѣ и выходятъ на сушу, входятъ въ дома и куда угодно. Сосуды съ какою бы ни было жидкостью нельзя оставлять непокрытыми, потому что чортъ непремѣнно наладитъ въ посудину; если же покрыть нечѣмъ, то надо перекрестить.

Охранителемъ человѣка отъ козней чорта является ангелъ-хранитель, но не какъ ангелъ, а какъ самъ Іисусъ Христосъ и его мѣсто всегда по правую руку человѣка. Потому никто не позволитъ себѣ плюнуть или помочиться на правую сторону. Также и не льютъ никогда чего либо „нà-обоко“, т. е.

держа, напр. ковшъ въ лѣвой рукѣ (если правая чѣмъ нибудь занята) не выльютъ воду направо-же, надо всегда налѣво.

Чортъ изобрѣлъ табакъ и водку, но никакихъ подробностей по этому предмету разсказчикомъ не сообщено.

Человѣкъ, знающійся съ чортомъ, есть колдунъ, но это вовсе не то, что шоптунъ, потому что „шоптунъ шопчетъ все только хорошее"; онъ есть врачъ, цѣлитель, а не злой и вредный человѣкъ, какимъ всегда является колдунъ.

Въ описываемой мѣстности колдуны есть, и не одинъ. Въ дер. Веткурьѣ былъ случай, что когда колдуну пришла „неминучая", его стало до того „котосать", т. е. корчить, что его взяли (близкіе, родные, конечно, а не черти), втащили на крышу и уложили вдоль по князьку, но такъ какъ тутъ онъ кончиться не могъ, то сняли и положили у порога дома на улицѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Человѣкъ этотъ при жизни проявлялъ весьма замѣтно присущую ему злую силу. Когда онъ ловилъ рыбу, то можно было хоть подъ бокомъ у него „ладить ѣза", рыба въ нихъ не попадала, тогда какъ его снасти всегда наполнялись рыбой: „дьяволъ ему нагонялъ". И если другіе вытрясаютъ изъ снастей пойманную ими рыбу, а онъ подойдетъ и посмотритъ, то „ровно обрѣжетъ"—рыба не будетъ больше попадать.

Колдуны заносятъ въ баню кикимору, по злобѣ, конечно. Что такое кикимора—разсказчикъ не могъ объяснить даже приблизительно.—„Изъ чего она существуетъ—я не знаю, а кто приноситъ, тотъ ужъ знаетъ". Кладутъ кикимору къ стѣнѣ за каминицу (т. е. за банную печь, которая всегда сложена изъ камней) и она, кикимора, никому уже не дастъ спокойно помыться: начнетъ пугать разными голосами.

Чтобы вывести кикимору „добираются человѣка, который имà завѣдуетъ", т. е. колдуна или колдунью. Колдуньѣ надо заплатить дорого—полтину, а то и рубль, а если колдунъ, то довольно бываетъ напоить его водкой. Если же этого не сдѣлать, то придется непремѣнно переносить баню на другое мѣсто. Надо замѣтить, что бань не ставятъ на дорогѣ, на межѣ или „на крестѣ" (т. е. на перекресткѣ) потому что лѣшій станетъ изъ нея выпугивать. Относительно мытья въ банѣ соблюдаются неукоснительно два правила: послѣ трехъ паръ (пара можетъ состоять и не изъ двухъ человѣкъ, а изъ большаго числа) не ходитъ мыться четвертая, потому что послѣ третьей пары начинаютъ мыться черти, и затѣмъ не ходятъ мыться на большіе праздники, потому что „пужаетъ".

Водяной—водяный духъ, рыбный царь. „Гдѣ некрасивое, темное мѣсто, тутъ въ омутѣ и живетъ водяной. Купаться опасно: утащитъ за ногу или за

шею; если даже есть крестъ, то схватитъ за говитанъ. Парень одинъ утонулъ въ такомъ мѣстѣ купавшись, его искали по четыре дня и когда вытащили, то увидѣли, что говитаномъ ему шею перерѣзало, а у горла на говитанѣ узелъ завязанъ".

„Зимусь потерялся лекрутъ одинъ, искали его по три дня, въ это время отецъ его ѣздилъ и въ пяти церквахъ молебенъ служилъ, а послѣ трехъ дней перестали: правила такое, что по три дня ищутъ, а больше не ищутъ. Послѣ трехъ дней еще два дня рѣчку долбили (т. е. дѣлали проруби) и не нашли, а нашелъ мужикъ одинъ: около дороги лежитъ мертвый елками закиданъ. Когда поѣхали на то мѣсто съ понятыми—его нѣтъ. Нашли опять лѣтомъ въ рѣчкѣ, вокругъ камня обвернутъ, ноги къ головѣ притянуты. Онъ являлся отцу своему—блазнилось отцу-то—и говорилъ: я замерзъ".

Когда выловятъ рыбу, то водяному ничего назадъ не бросаютъ, потому что „онъ ее отпустилъ".

„Есть у насъ одно озеро, въ которое лучше съ неводами не ѣзди, потому что водяной не даетъ рыбы, а накладываетъ полну матицу коневихъ гōвенъ. У насъ въ это озеро мало-не-ѣздятъ [1]), только тотъ поѣдетъ развѣ, кто не знаетъ".

Лѣшій живетъ въ лѣсу и зачастую „водитъ" людей, т. е. сбиваетъ съ дороги или съ тропы. Въ такихъ случаяхъ есть средство найти дорогу, именно переложить стельки изъ одного сапога въ другой; но средство это не всегда помогаетъ.

Лѣшаго можно вызвать, стоитъ только закричать: приди, лѣшій, посмотрѣть тебя охота! но опытъ этотъ весьма опасенъ.

Бабы поѣхали однажды съ ребятами въ лѣсъ за грибами и ягодами на трехъ лошадяхъ. Вечеромъ всѣ собрались у огня и стали ужинать. Ребята и начали звать лѣшаго. А онъ и идетъ, только лѣсъ трещитъ; огонь сталъ по землѣ разстилаться, кони рваться начали. Бабы замолились, потомъ и ребята, онъ и ушелъ.

Нѣкоторыя примѣты.

Если ножъ лежитъ на столѣ, когда обѣдаютъ и кто нибудь „ѣдетъ" съ ложкой въ ставецъ (деревянное блюдо) черезъ этотъ ножъ, то „ножъ подъ бока станетъ тыкать".

---

[1]) Особый оборотъ рѣчи; значитъ: почти не ѣздятъ.

Если во время метенія пола обмести ноги парню, то теща не станетъ его блинами кормить.

Головня въ печи останется—первому гостю въ задницу.

Если по выходѣ изъ избы тотчасъ же на встрѣчу другой человѣкъ—не къ добру.

Если пѣтухъ поетъ не во время, или курица запоетъ пѣтухомъ—дурной знакъ.

Бересту не жгутъ въ печкѣ—клопы заводятся; во избѣжаніе того-же не топятъ березовыми дровами. Чтобы вывести клоповъ, ждутъ перваго грома и когда его услышатъ, берутъ земли изъ подъ правой пяты и раскидываютъ эту землю въ избѣ, но такъ, чтобы никто этого не видѣлъ. Съ тою-же цѣлью старуха объѣзжаетъ домъ на помелѣ, когда заблаговѣстятъ къ христовской заутренѣ, но тоже не при людяхъ.

„Попъ въ домъ—клопъ вонъ", говорятъ про себя хозяева, когда къ избу входитъ попъ, иногда же при этомъ парнишка, котораго „натакаютъ", т. е. заранѣе научатъ, поймавъ клопа и, забравшись на полати, ожидаетъ попа, и когда тотъ входитъ въ избу, спускаетъ незамѣтно клопа ему въ загривокъ. Отъ этого всѣ клопы пропадутъ.

Заговоръ отъ клоповъ: какъ у кокушки нѣтъ гнѣзда, такъ и въ нашей избѣ клопамъ не было бы гнѣзда.

Чтобы ленъ не путался, на вербное воскресенье, до солнца „вяжутъ у филина ноги", т. е. связываютъ пучкомъ ржаной соломы два стоячихъ кола въ огородѣ (изгороди).

Ложиться на лавку или на полъ въ избѣ ногами къ иконамъ—не слѣдуетъ: скоро умрешь; ногами къ иконамъ кладутъ только покойниковъ. Также нельзя ложиться вдоль по соломѣ, надо поперекъ, потому что вдоль по соломѣ моютъ покойниковъ.

Когда болятъ зубы, кусаютъ кипарисный образъ, который всегда найдется у кого нибудь (приносятъ отъ Соловецкихъ).

Если перешагнешь черезъ стельки, сдѣлается насморкъ.

Ладанки на шеѣ носятъ бабы, а мужчины—порохъ, зашитый въ мѣшечекъ, въ предохраненіе отъ болѣзней.

Если желна долго „ведетъ" (т. е. протяжно кричитъ), будетъ протяжная весна.

Если снѣгъ сравняетъ лога съ угорами, то вода будетъ большая.

Если заяцъ низко гложетъ осину, то вода будетъ низка, а если высоко, то высока.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки.

1. Своя рука не сдрожитъ.
2. Ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто.
3. У всякаго старца по ста̀вцу.
4. Бурлацкое горло все прометётъ.
5. У до̂лга до̂логъ вѣкъ.
6. Ужъ не то мое Танькино сердце, чтобы сарафана не пропить.
7. — Что ты, Танька, весела?—Въ рукавицу настяла̀.
8. Устанетъ, такъ перестанетъ.
9. Устюгъ Великой—народъ въ немъ дикой.
10. Хлѣбъ-соль—заёмное дѣло.
11. Паны пиво выпили, а хозяевъ выбили.
12. Паръ костей не ломитъ, а вошка тепло любитъ.
13. Пей-ка воду: небольшого роду.
14. Чужой дуракъ—смѣхъ, а свой—стыдъ.
15. Богатъ, да не Богу братъ.
16. Дѣвка не кошка, не выкинешь изъ окошка.
17. Какъ ни плыть, а у дна быть.
18. Кто куритъ табачокъ, у того и праздничекъ.
19. Табакъ да баба—одна забава.
20. На чужую кучу неча глаза пучить.
21. Не ходи въ лѣсъ, коли зайца боишься.
22. Ноша̀мое носится, держа̀мое дёржится.
23. Одной рукой и узла не завяжешь.
24. Работой не прокормишься, былъ бы хлѣбъ.
25. Сапогъ лаптю не дру̂жка.
26. Привыкла жопа пердѣть—трудно терпѣть.
27. Прежде за „спасибо“ мужикъ три года работалъ.
28. Поѣлъ бы рѣпки, да зубы рѣдки.
29. Пошла кишка по мѣшкамъ.
30. Воронѣ гдѣ ни летать, вездѣ го́вно клевать.
31. Потѣха дѣлу не помѣха.
32. Запу̂тался, какъ курица въ отрепяхъ.
33. Потопаешь, такъ и полопаешь.
34. Много милыхъ, да мало добрыхъ.
35. Пошелъ кормиться, такъ некуда торопиться.
36. Считай на мнѣ, а получай на пнѣ.

37. Тугонекъ я тебѣ, орѣшекъ, дался.

38. Сытъ покуда: съѣлъ полпуда, стало семь фунтовъ, послѣ съѣмъ.

39 Повѣрь бабѣ—дуракомъ и будешь.

40. Повѣрь кошкѣ мясо стерегчи!

41. Рыбы не хочу, и жопы не мочу.

42. Посердишься—недалёко свѣрнешься (т. е. тутъ-же будешь).

43. Пьемъ, попьемъ, за другимъ пошлемъ.

44. Пьемъ, попьемъ, гдѣ мы денежки беремъ?

45. Рядись—не торопись, работай—не лѣнись (рядись—поряжайся въ работу).

46. Расчитаюсь—на томъ свѣтѣ угольемъ.

47. Пьянъ такъ богатъ, проспишься, такъ нищій.

48. Пилось-бы да ѣлось, да работушка на умъ не шла.

49. Мнѣ ужъ домъ-отъ козой кажется (т. е. надоѣлъ).

50. Яръ, да локтя не окусишь.

51. Горшокъ чугуну не товарищъ.

52. Изъ говна козульки не сдѣлаешь (т. е. изъ худого матеріала не сдѣлаешь хорошей вещи).

53. Ложку не довезъ, а ротъ открываешь.

54. Плохо жить съ одного конца.

55. Хлопай рукавичамъ, недалеко до Комаричи (говорятъ „сплавные" рабочіе, возвращаясь осенью домой изъ Архангельска. Комарица—селеніе на Двинѣ).

56. Туровечкая Богомать, помоги якорь достать (просятъ двинскіе судорабочіе. Туровѣцъ—селеніе на Двинѣ).

Н. Иваницкій.

Петрозаводскъ.
Декабрь, 1897.

О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Изъ рукописей, доставленныхъ въ Отдѣленіе Этнографіи, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, у меня были на просмотрѣ: сибирскія пѣсни и свитокъ молитвъ, пріобрѣтенный, судя по ихъ тексту, отъ старообрядцевъ, обращающій на себя особое вниманіе тѣмъ, что начинается пресловутымъ апокрифомъ „Сонъ Богородицы". Изумительно необычайное распространеніе въ народѣ этого сказанія о крестныхъ страданіяхъ Христа въ двухъ видахъ: стихотворномъ и прозаическомъ. Несомнѣнно, архивъ Этнографическаго Отдѣленія издавна переполнялся разнообразными варіантами той и другой формы, по крайней мѣрѣ, извѣстное мнѣ этнографическое бюро князя Тенишева почти съ каждою почтою обременяется до докучливости присылкою изъ разнообразныхъ мѣстностей именно этого „Сна". Поразительно здѣсь то слѣпое довѣріе народныхъ массъ къ этому писанію, которое несомнѣнно основывается на заключительныхъ словахъ отъ имени самого Іисуса Христа:

„О, Мати моя возлюбленная, Марія Пресвятая Богородица! Во-истину глаголю Тебѣ, аще который человѣкъ сей сонъ спишетъ себѣ на память, или аще кто въ путь идетъ съ симъ писаніемъ, и путь ему даетъ Господь Богъ чистъ и корыстенъ и межъ людьми стоять умѣетъ и никакого слова противъ того человѣка никакой человѣкъ не промолвитъ на всякой часъ, и никакое желѣзо не можетъ взяти, ни пищаль, ни стрѣла, ни камень, ни древо, ни вражья сила", и т. д. Понятно, что при такихъ льготахъ за малый трудъ списанія, или за дешевое средство покупки пріобрѣтеннаго, соблазнительно для всякаго вѣрнаго и боязливаго пріобрѣтеніе „Сна Богородицы", чтобы, въ виду вѣроятныхъ бѣдъ и ожидаемыхъ опасностей держать его при себѣ. Полученный Отдѣленіемъ засаленный экземпляръ служитъ нагляднымъ доказательствомъ полнаго довѣрія къ цѣлебнымъ и спасительнымъ свойствамъ писанія. Здѣсь оно прозаическое, видимо пріобрѣтенное на Алтаѣ у тамошнихъ „семейныхъ" раскольниковъ, но имѣются стихотворенія, полученныя въ бюро кн. Тенишева, присланныя изъ Орлова и Смоленской губерніи, хотя текстъ обоихъ значительно уступаетъ тому, который удалось записать мнѣ на Бѣломъ морѣ. Въ сборникъ Якушкина, въ который передалъ я всѣ пѣсенныя записи, сдѣланныя въ Архангельской губерніи, „Сонъ Богородицы" тогдашняя цензура не пропустила.

Наиболѣе серьезное и существенное вниманіе останавливають на себѣ нѣсколько десятковъ пѣсенъ, записанныхъ въ Сибири:—въ Сургутѣ, въ Бійскомъ округѣ, Томской губ. и въ селеніяхъ старожилыхъ сибирскихъ казаковъ. По поводу этого сборника можно было бы представить подробный докладъ вообще о сибирской пѣснѣ, но за недосугомъ приходится ограничиться нѣсколькими краткими замѣтками.

Судя по первымъ нагляднымъ впечатлѣніямъ русская пѣсня у замкнутаго, сосредоточеннаго въ себѣ сытаго сибиряка совсѣмъ не въ почетѣ, и, какъ праздная бездѣлка въ виду серьезныхъ задачъ суровой природы, даже какъ будто бы въ загонѣ. Сибирскій ямщикъ напримѣръ не поетъ ни доброхотно, ни по заказу. Надъ старожилыми казаками новоселы подсмѣивались, увѣряя, что они, подобно инородцамъ, обходятся дешевыми импровизаціями, что видятъ передъ глазами, о томъ и поютъ, не залетая въ высь, разводятъ все объ одномъ и томъ же, размазываютъ.

Дальнѣйшія пристальныя наблюденія приводятъ къ тому выводу, что главнѣйшимъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи староселами и притомъ въ значительно измѣненномъ и даже искаженномъ видѣ. Въ этомъ убѣждаютъ не только просмотрѣнные сейчасъ сборники, но и тѣ, которые удалось мнѣ получить за Байкаломъ (въ Нерчинскѣ), изъ Томска и въ Тобольскѣ. Пѣсни переиначены и перепутаны: начало попало въ конецъ, конецъ безсвязно и произвольно ищетъ мѣста въ середкѣ, и здѣсь не попадаетъ онъ въ смыслъ, ни даже въ размѣръ. Прямое тому доказательство можно найти и въ сборникѣ, полученномъ отдѣленіемъ изъ Сургута и особенно въ записяхъ казачьихъ пѣсенъ. Послѣднія записаны въ особенности дурно и къ тому же сложенныя неладно, кажутся и некрасивыми и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно безсмысленными; сплошь и рядомъ стихотворный размѣръ переходитъ въ безграмотную прозу. Вообще, размѣръ стиховъ не признается за важное дѣло и замѣчательно часто нарушается, какъ бы въ видимое свидѣтельство того, что сибирское ухо съ этой стороны стало туго. Большинство русскихъ пѣсенъ такъ искажено, что онѣ едва узнаваемы, подобно Ванькѣ ключнику, который попалъ въ Сибирь въ совершенно истрепанномъ видѣ. Между тѣмъ, весьма замѣтно поползновеніе заручиться своими пѣснями, но въ то же время очевидно, что творчество за Ураломъ если не изсякло, то, во всякомъ случаѣ, ослабѣло. Ограничиваются въ старыхъ русскихъ пѣсняхъ передѣлками въ видѣ вставокъ мѣстнаго колорита: вмѣсто рѣки Урала поется про батюшку Иртышъ, упоминается Байкалъ и т. под.

Только свадебныя пѣсни являются цѣльнѣе выдержанными, конечно, благодаря тому обстоятельству, что содержаніе находится въ зависимости отъ

обрядового ритуала и имъ направляется. За то тюремныя пѣсни сохранились не только въ той цѣлости, въ какой онѣ представляются въ Россіи, но и обогатились варіантами и значительнымъ придаткомъ новыхъ пѣсенъ. Между таковыми въ настоящихъ сборникахъ выдается сочиненная, на книжный ладъ, „Сидѣлъ за рѣшеткой орелъ молодой", имѣющая варіантъ, стало быть, пѣсня ходовая и новая, во всякомъ случаѣ, сверхъ тѣхъ, которыя привелось мнѣ въ значительномъ числѣ помѣстить въ I-мъ сочиненіи моего „Сибирь и каторга". Въ тюрьмы, какъ извѣстно, дѣлали вклады не только самородки въ видѣ купеческаго сына Мокѣева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и волжскаго Гусева, но и настоящіе поэты вродѣ декабриста князя А. И. Одоевскаго. Когда товарищамъ его построили для каторжныхъ работъ ручную мельницу, Одоевскій приладилъ пѣсню: „Ты мелись мучица", совершенно нецензурную, которая и распѣвалась на дешевый мотивъ извѣстной: „Во саду ли въ огородѣ дѣвица гуляла". Къ Одоевскому присоединился другой товарищъ Михаилъ Алексѣевичъ Бестужевъ съ тремя своими, менѣе удачными, пѣсенками.

Двѣ пѣсни этого же случайнаго сборника останавливаютъ вниманіе стремленіемъ своимъ къ юмору и насмѣшкѣ въ доказательство того, что подобная наклонность не только не чужда сибирякамъ, но даже не въ меньшей степени, любезна имъ.

Одна, совершенно мѣстная, обличаетъ какого-то засѣдателя Петрова, который риги раскрывалъ, полтины собиралъ.

Старшина то былъ Сизинцевъ,
Дожидался онъ гостинцевъ, —
Никто не несетъ.

Если оставить въ сторонѣ эти домашніе счеты, равносильные тѣмъ, какими расчитывались на Бѣломъ морѣ со своими ближайшими властями и какіе записаны мною и напечатаны въ сборникѣ пѣсенъ Якушкина, — мы имѣемъ предъ собою еще одну подобнаго же доморощеннаго юмористическаго склада. Въ ней замѣчается явное стремленіе къ насмѣшливымъ прозвищамъ ближайшихъ сосѣдей, въ такомъ родѣ:

Басъ перебасъ у семи дѣвокъ дубасъ,
Необрубленный подолъ, необшитый воротокъ.
До Нарыму мы шли — свой запасъ несли,
Мы до рубежу сходили, полкопна сѣна скормили,
Что таловые колья — то Молчановски,
Сыромятныя ушки, — то Никольски мужички
Одноухи треухи, то Жарковски мужички
Одноклинны зипуны, то Трубочевски

Толстопятые ребяты, то Кожевниковски
Воры на голо, то Уртамски удальцы,
Часто говорятъ, то Десятовски и т. д.

Эта пѣсня однородна съ той, которая подслушана въ Шадринскѣ и напечатана была въ Пермскомъ сборникѣ. Обѣ онѣ указываютъ на прямой источникъ происхожденія народныхъ насмѣшливыхъ присловій. Вся пѣсня въ цѣльномъ видѣ забывалась; оставались въ памяти наиболѣе удачные и характерные эпитеты, которые, какъ брань и укоръ и повисали, какъ говорится, на вороту, и ушли въ потомство. Такъ, между прочимъ, несомнѣнно случилось въ Великороссіи, гдѣ бурлацкая пѣсня въ Поволжьѣ оставила свои слѣды лишь именно въ этихъ присловьяхъ про спопутные города, въ родѣ: Ярославль — городокъ, Москва уголокъ, городъ Кострома гулливая сторона, Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Солдога Арменки убытки платитъ; городъ Нижній — сосѣдъ Москвы ближній, семь денъ идемъ — Симбирскъ видимъ (на очень высокой горѣ), и т. д. Подобные же пѣсенные осколки сохранились на старой Двинѣ, на томъ пути, который велъ изъ Москвы черезъ Вологду до Архангельска.

Событіе середины текущаго столѣтія высокой государственной важности, каково пріобрѣтеніе Амура, вызвало также юмористическое настроеніе въ сибирякахъ, недовольныхъ новыми пришельцами и готовно высказавшихся въ цѣломъ рядѣ пѣсенныхъ протестовъ. Неудачи сплавовъ по рѣкамъ, торопливыя распоряженія съ насиліемъ, и вообще неумѣлые пріемы при переселеніяхъ и принудительное водвореніе казаковъ и крестьянъ на новыхъ земляхъ породили даже цѣлую литературу.

От припѣвокъ вродѣ —

Какъ по Шилкѣ, по паршивой
Плыветъ Поритовъ плѣшивый, —

приспособленныхъ по великорусскому обычаю при вбиваніи свай копрами, добрались до личныхъ характеристикъ амурскихъ дѣятелей по образцу, указанному гр. Толстымъ въ извѣстной севастопольской пѣснѣ. Тѣмъ не менѣе въ ряду этихъ умѣло сложенныхъ сатирическихъ стихотвореній попадаются и чисто народныя пѣсни, создавшіяся въ казачьей средѣ и описывающія печальное положеніе этихъ невольныхъ выселенцевъ изъ Забайкалья на берега тогда неизвѣстнаго и негостепріимнаго Амура. Такова, напримѣръ, слѣдуетъ пѣсня:

Какъ отъ Шилки по Амуру
Великія версты
Ужъ какъ были эти версты,
Сперли у рукъ персты.

До Кизева доплывали,
Ко бережку приставали,
На прикрутомъ бережкѣ
Выростало древо,
Выростало это древо—берозонька бѣла.
Какъ на той ли на березѣ
Сидитъ птица пана,
Кричитъ „запропала!“
Забайкальскіе казаки а гдѣ ваши кони?
Наши кони въ Сибирѣ ходятъ да гуляютъ.
Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя!
Съ коней сбруя поломалась—въ Амурѣ оказалась.
Кто на Амурѣ не былъ и т. д.

С. В. Максимовъ.

ОТДѢЛЪ II.

Марипчельская крестьянская свадьба.

(Бытовой очеркъ).

Бо́славъ, Бо́жа!
 Бо́жинка!
Сва́дьбу і́гра́ти,
 Бо́жинька!
Зачина́ти, Бо́жинька!
 Свадебная пѣсня.

Мѣстная жизнь въ отношеніи къ свадебному вопросу.

От поро́ды не въ во́ду,
От обы́чая не прочь.
 Поговорка.

У насъ, въ Марипчелькахъ [1]), живутъ по старинѣ, какъ дѣды́ «навчи́ли» [2]). А дѣды́ учили перво-на́-перво почитать родителей; кто родителей не почитаетъ, тотъ и Бога не боится,—не добрый, худой тотъ человѣкъ.—Родительская воля надо всѣмъ въ дому: до си́ня пороха, до ма́коваго зернушка. «Пойти́ть-ли», поѣхать-ли куда, «наряди́ть-ли» [3]) кого на работу—на все Божье благословенье да родительское позволенье.—Выдать дочку замужъ, женить-ли сына—все это воля родителей. Ихъ дѣло позаботиться о томъ, какъ-бы сверши́ть законъ надъ дѣтьми. На рѣдкость, кто въ этомъ положится на дѣтей, на ребячій разумъ. За это и «сусѣди» дуракомъ назовутъ, потому «молодой умокъ, что весенній ледокъ»—сейчасъ обманетъ, да и сами дѣти не дадутъ спасиба, «калі́» [4]) по родительскому мягкосердію попадутъ въ ошибку.

Поэтому-то, какъ только дѣвка начнетъ подыматься, подбираться подъ невѣсту, родители уже подумываютъ, куда-бъ ее пристроить въ хорошее мѣстечко. А хорошее мѣстечко будетъ тамъ, гдѣ не велика́ семейка, куда сватаютъ дѣвку; вѣдь ей, молодухѣ, нужно будетъ на каждаго въ чужой семьѣ уладить, угодить. Бываетъ, отдаютъ замужъ и въ большую семью; но тогда выбираютъ семью, извѣстную своей смирнотой, чтобъ не гораздъ затира́ли дѣвку.—Однако, родители невѣсты смотрятъ не на семью только, а и на жениха. Надо, что-бъ парень онъ былъ здоровый, рабо́чій да забо́чій, не мотъ, не воръ и не пьяница.

Ну, а «калі́» найдется мѣсто подходящее да женихъ сто́ющій, такъ чего-жъ и не отдать дѣвки замужъ.—Впрочемъ, въ деревнѣ рано не выдадутъ дѣвки замужъ;

[1]) Марипчелки—приходъ и погостъ Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи. [2]) научили. [3]) назначить. [4]) «калі́» (коли)=если, когда.

дадутъ ей погулять, чтобъ было ей чѣмъ послѣ вспомнить свою дѣвичью молодость; дадутъ вобраться въ силу, чтобъ въ сносъ была ей нелегкая доля замужняя. Развѣ ужъ семеро кругомъ обсѣло, «одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой», тогда только родительская жалость уступаетъ мѣсто угрюмой нуждѣ,—приходится безъ поры, безъ времечка отпускать въ чужіе добрые людюшки свое ненаглядное дѣтище, свою старшую дочку любимую.

Но если дѣвка на порѣ, взошла на тую степень, что называется «въ сокỳ», то ее не будутъ лишній годъ держать дома. Еще хлопотъ наберешься! Дѣло молодое: кровь-то кипучая; долго-ль до грѣха?—А весной гулянки по полямъ, по свѣжей ѳзими; лѣтомъ въ лѣсъ за орѣшками ходятъ парни вмѣстѣ съ дѣвками. И какъ хорошо бываетъ тамъ, въ лѣсочкѣ, подъ орѣховымъ кусточкомъ, подъ малиновымъ листочкомъ, гдѣ солнце не печетъ, много поту не течетъ!—А тутъ еще «съ нынѣ-дò-вѣку», ведется обычай «объ праздникахъ на гулàнкахъ» спать мальцамъ съ дѣвками и просто обычай ходить мальцу весной и лѣтомъ, когда зòрька съ зорькой стискàются, спать, ночку коротать съ своей любушкой, красной дѣвушкой. Дѣлается это больше «тихомàтно», а иной разъ и съ вѣдома родителей, тогда малецъ ходитъ къ дѣвкѣ спать и зимой. Хоть и говоритъ молодежь, что спитъ она «по совѣсти», а бываютъ таки грѣшки. Да и какъ не быть? Придвинь огонь къ соломѣ, по-неволѣ солома загорится.

Ну, а извѣстное дѣло, «какъ тюкъ, такъ и дѣтюкъ». Послѣ-жъ этого куда дѣвка годится? Ни куръ, ни баранъ; ни въ дѣвкахъ, ни замужемъ.—Пусть-бы еще родился ребенокъ да и все тебѣ тутъ; кажется, ужъ полно и этого несчастья. Такъ нѣтъ! Одна бѣда не ходитъ, а всегда съ ней двѣ да три бѣды въ товарышкахъ. Самое-жъ лихо въ томъ, что за дѣвку съ ребенкомъ хорошій женихъ не посватается: не захочетъ взять женку съ худой славой; а за непутёваго отдавать ее жалковато: вѣкъ свой будетъ кулакомъ слезы утирать. А то бываетъ рѣдко, чтобъ злодѣй самъ покрылъ свой грѣхъ, а дѣвичій стыдъ вѣнцомъ; все больше достается ей бѣдной одной горе мыкать и плакаться вѣкъ вѣчный на своего лиходѣя. Ахъ, не дай Богъ этого горя-злосчастья дѣвицѣ, красавицѣ! Пусть лучше скорѣе она выходитъ замужъ! Пусть скорѣе за нее посватается ея милый, за котораго, можетъ быть, ей суждено выйти.

А хорошо съ милымъ жить! Послушайте, какъ поетъ про это дѣвушка, бѣлая лебёдушка, чёсана головушка:

Дарѐвня атъ дярѐвни
Не падàличку [1]) стайть
Прòмижъ [2]) рѣчка бяжѝть.
На тòй ли на рѣчки
Нѣту лàвинки [3]),
Пирякладѝнки.
Тòлька есть на той рѣчки
Аднà [4]) жордычка.
Янà [5]) тòнинька,
Сухà, ялòвинька [6]);
Янà гнѐца [7]), гибàица
И ня лòмица.
Харашо съ мѝлымъ жить
Жисьть [8]) не стòсьница [9]);
Хышь [10]) и стòсьнимся,
Разгарюимся,
Придѐтъ врѐмичка—парà,
Пацалỳимся.

Да, хорошо живется съ милымъ! Недаромъ сложилась на Руси пословица, что «милые бранятся, только тѣшатся».

А милый у сударушки-дѣвушки рослый да здоровый: кровь съ молокомъ, веселый, какъ ясный «межòновый» [11]) денёкъ, смѣлый и умѣлый. Ну, а иной прилюбится

---

[1]) не подалеку, близко. [2]) «прòмижъ»=между. [3]) «лàвинка»=кладочка черезъ рѣку. [4]) «аднà» и «аннà»=одна отъ сл. одинъ. [5]) «янà»=она. [6]) «ялòвинька» (еловенька)=еловой отъ сл. ель. [7]) Во 2 и 3 л. ед. числа и во 2 л. мн. числа буква е всегда произно сится какъ è и иногда какъ ё. [8]) «жисьть»=жизнь [9]) «тоснить»=тошнить [10]) «хышь»=хотя. [11]) «межòновый»=самый хорошій; «мѐжень»= страда, время полевыхъ работъ; тогда стоятъ лучшіе лѣтніе дни.

и Богъ его вѣдаетъ за что: ни съ того, ни съ сего, такъ, зря, а разъ не разлюбить, будто и вѣкъ его любила, еще раньше, чѣмъ родилась. И ни за что-бъ она не пошла съ доброй воли за немилаго, за постылаго, хоть-бы волкомъ пришлось ей выть съ голоду. Лучше, думается ей, голову въ петлю, а нѣтъ въ воду, чѣмъ жить за какимънибудь ўвальнемъ или рохлей, котораго всѣ дѣвки просмѣяли, съ которымъ стыдно на улицу показаться. А тутъ того и гляди, подсватается «мозгля̀къ» — богачъ и отдастъ тятька за него безъ разговоровъ; подумаетъ, что «по̀мочь» будетъ ему отъ богача, хоть родители сплошь да рядомъ и ошибаются въ этомъ.

Какъ вспанетъ на умъ красавицѣ про эту грозную бѣду, про это свое горькое несчастійце, заноетъ и защемитъ ея ретивое сердечко и просится съ языка ея тоскливая пѣсенка про горемычное житье-бытье за богатымъ, за нелюбымъ мужемъ:

Не па мо̀рюшку-ль сѣра ўтица плывѣть?
Не па бѐрижку-ль мать радѝмая идѣть?
Ты падѝ, падѝ, мать радѝмая май,
И расправѣдай-ка разняща̀сную мяня:
Какъ я, го̀рькая, у чужѝхъ людёхъ [1]) живу̑;
Не па плису̑, не па ба̀рхату хажу̑,
Чѐрезъ зо̀лата гарячѝмъ слязамъ илью̀ [2]).

Иной разъ изъ-за этихъ копѣечныхъ разсчетовъ, когда прижметъ нужда, родитель отдаетъ свою дочку милую, свое дорогое зѣрнышко, нена̀спаный глазокъ за старо̀ва, за сѣдо̀ва старика.

Ахъ, если бъ она могла разжалобить родителей, если-бъ они послушали ее, она спѣла-бъ имъ про это замужійце пѣсенку:

Чѐрный во̀рынъ во̀ду пѝлъ;
Хышь пѝлъ, не пѝлъ, вазмутѝлъ;
Вазмутѝвши, палятѣлъ;
Ёнъ [3]), лятѣвши, гаварѝлъ:
«Захатѣла минѣ [4]) мать
За ста̀рыва за̀мужъ аддàть;
А я ста̀рыва не любл̀ю,
Са ста̀рымъ гуля̀ть ня йду̑,
Ня йду̑, не слу̑шію!»

Но что пѣть? Хоть и не весело родителямъ смотрѣть на дочкины слезы: горячимъ оловомъ падаютъ онѣ на душу, а все-таки поставятъ на своемъ: хошь, не хошь, а замужъ пойдешь; отдадутъ и за немилаго, а то вѣдь всей семьѣ прямо надо въ гробъ ложиться да помирать съ голоду.

Ахъ, если-бъ знали они да вѣдали, что въ это время дѣется въ дѣвичьемъ сердечушкѣ. Не свадьба тутъ, а похороны! И грѣха-то, грѣха при этомъ сколько бываетъ!... Помнится, разъ вотъ этакъ-то «силко̀мъ» [5]) выдавали замужъ. Такъ батька невѣсты и ея старшій братъ нарочно пріѣхали въ церковь, чтобы она не отказалась подъ вѣнцомъ отъ жениха. .... Пропащая, худая это жизнь, «калѝ» живо только тѣло, а душа убита! Говорятъ на это: «стерпится, слюбится». Да полно: слюбится-ль? А если и «слюбится», то дожидай, когда; а каково терпѣть то? «Крѣпкоду̀шная», пожалуй, еще отстоитъ себя отъ этой горькой доли, а «тихонро̀вную» не рѣдкость, что выдаютъ замужъ боемъ, пиленьемъ, да журеньемъ.

Родительская воля руководится прежде всего своеобразной жалостью. Родители выбираютъ на свой глазъ мѣстечко получше (потому что «молодо зелено, а стараго воробья на мякинѣ не проведешь») и отдаютъ дѣвушку замужъ, не справляясь съ ея сердцемъ. — А иной разъ, какъ въ окошко стучитъ нужда, руководятся они просто денежнымъ расчетомъ для себя, наибольшей пользой отъ того или другого выхода ихъ дочки замужъ.

Не воленъ въ женитьбѣ и парень. Когда жениться—то не его дѣло. «На̀да» [6]) баба по хозяйству и женятъ матка съ батькой сына. Надо, что-бъ малецъ больше дома сидѣлъ, не загуливался-бы въ праздничныхъ, и привязываютъ ему доро̀ги—женку; все,

---

[1]) «у людёхъ» вм. у людей. [2]) «илью̀» вм. лью. [3]) ёнъ=онъ. [4]) меня.
[5]) «силко̀мъ»=насильно. [6]) «на̀да»=нужна.

женившись, будетъ больше въ домъ смотрѣть, а не изъ дому. Да и мало-ль еще какія притчи и причины «сыграть свадьбу»? [1]).

А кого брать парню замужъ—это опять-таки знать мамкѣ съ тятькой; они сами выберутъ ему невѣсту. Да развѣ и можно въ этомъ дѣлѣ положиться на мальца? Извѣстно, дѣло молодое—неразсудливое; слюбится, свыкнется съ какой-нибудь съ «пригожей» [2]) да съ «негожей» [3]). А что съ безпрокой, будь она и красива, какъ писаная? Не воду съ ея лица пить, не лизать его; хоть-бы и «бабушки сдалбали [4]) его всего, какъ будто горохъ на немъ молотили, хоть и корявая, ничего—сойдетъ. Главное надо смотрѣть, что-бъ была она баба ловкая: «умѣла-бъ около печки ходить» [5]) и мужа обшить и обмыть; что-бъ и женка она ему была настоящая, надолго бъ ее хватило; что-бъ были «въ сутёрьпъ» [6]) ей и ребяты и крестьянская работа.

Замужемъ-то здоровѣть гораздъ некогда; знай, поворачивайся; не даромъ и поговорка молвится при работѣ: «пошевеливайся! замужемъ не въ дѣвкахъ»! А въ крестьянствѣ работа больше все черная да тяжелая. Тутъ надо въ женки выбирать безпремѣнно дѣвку здоровую, какая изъ себя «побаляхнѣй [7]), посправнѣй [8]). Ну, иная хоть бываетъ и «невеличка» [9]) да въ кучкѣ, плотненька этакъ собой; это то-же ничего, не худо. Первое дѣло—надо глядѣть, чтобъ дѣвка была костью роскошна, обширна, собой просторна. У иной-то рука какъ у «мужчини»; этакая больше вытерпитъ. Да и подъ старость хоть и станетъ она съ лица «несуразна [10]), а все-таки будетъ «постановна» [11]), видна изъ себя.

Разумѣется, надо смотрѣть еще, что-бъ дѣвка была смирная, не рогатка какая нибудь. Тутъ лучше всего брать не съ вѣтру или по наслышкѣ (потому «мірская молва, что морская волна», кто что ни кинетъ, все несетъ), а по знакомству да по породѣ глядя. А и то «зарынь» [12]) ничего не угадаешь; хоть въ оба смотри, ничего не увидишь. Вѣдь и все стараешься, какъ лучше; а иной разъ попадетъ такая добрая щетинка, такая выдра, что всѣмъ въ семьѣ, и старикамъ, глаза повыцарапаетъ. Пойдутъ тутъ изъ-за бабъ ссоры да перекоры (вездѣ вѣчно изъ-за бабъ бѣды-то загораются), а тамъ дѣльба. А дѣльба до добра не доводитъ. Если семейство не гораздъ богатое, такъ раздѣлятся и ни у кого ни кола, ни двора; у каждаго такой домокъ, что не надо и замокъ. Нѣтъ, не дай Богъ непокладливой, неладистой невѣстки въ домъ! Вотъ и поэтому часто родители захватываютъ въ свои руки выборъ невѣсты сыну.

Но не всегда сынъ сдается на полную родительскую волю. Ино [13]) бываетъ, вопрется парень за свою зореньку ясную, дѣвицу красную, такъ ничего съ нимъ не подѣлаешь, упрямѣй вола; ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. И думалъ батька взять другую, да не приходится; видно, не судьба. Помнется, пожмется, поморщится батька да и «засылаетъ сватовъ» къ дѣвкѣ, какую «облюбилъ» самъ малецъ; видитъ, что сколько съ нимъ ни бейся, а толку не бывать. Ну, а иной парень выдастся смирной да тихой такой: какъ хошь, такъ его и гнешь, ни въ чемъ не выходитъ изъ родительской воли. Тогда родители столковавшись напередъ съ собой, когда «играть свадьбу», «засылаютъ сватовъ», если есть на примѣтѣ дѣвка, подходящая по всѣмъ статьямъ. А такихъ, на случай отказа, намѣчается нѣсколько.

Сватовство.

«Въ сваты» [14]) ѣдетъ кто-нибудь изъ семьи либо «породы» [15]), а то и просто сосѣдъ. Дѣлается это безъ всякаго шума. Да и съ чего тутъ въ колокола звонить? От-

---

[1]) «сыграть свадьбу»=отправить, отпировать свадьбу. [2]) «пригожій»=красивый. [3]) «негожій»=негодный. [4]) «бабушки сдалбали или склевали»=побитъ оспой; «бабушки»=оспа. [5]) «умѣть около печки ходить»=умѣть стряпать. [6]) «въ сутёрьпъ»=въ сносъ, подъ силу. [7]) «побаляхнѣй»=подороднѣй. [8]) «посправнѣй»=поисправнѣй, поздоровѣй. [9]) «невеличкій» = небольшой, маленькій. [10]) «несуразный» = некрасивый. [11]) «постановный»=статный, стройный. [12]) «зарынь»= заранѣе. [13]) «ино» = иногда. [14]) «въ сваты» (ѣхать)=сватать (ѣхать). [15]) «порода» и «рода»=родня.

кажутъ еще такъ стыднѣй будетъ.—Зачастую сватъ даже и не на лошади, а прямо пѣшкомъ, на своихъ на двоихъ, отправляется «въ свàты» и въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ около домашней работы ходитъ; уже много-много, если онъ одѣнетъ кафтанъ почище да запрягётъ» лошаденку въ сани.

Понятно, «по Сенькѣ подбирается шапка, по барину говядина»; за богатаго жениха сватъ ѣдетъ къ богатой невѣстѣ, а за бѣднаго къ такой и ѣдетъ. «Начётнѣй» [1]) будетъ дѣло, а то еще стыда нахлебаешься, какъ «богачòвка»-то откажетъ.—Инò и бѣднякъ сватаетъ богачку да не «съ бỳхта—барàхта» [2]), а по «накàзу» да по «прикàзу», это особая статья. Бываетъ-же это особаго рода дѣло тогда, когда родителямъ невѣсты гораздъ уже понравится парень—голышъ за смирнотỳ аль за порядливость по хозяйству да и дѣвка отъ него не прочь. Вотъ и «накàжутъ» они жениху потихоньку (а то еще скажутъ, что набивались невѣстой), что-бъ пріѣзжалъ въ сваты: «прикàзано, молъ; отдадутъ».—А то просто дѣвка слюбится съ бѣднякомъ, водой не разольешь. Ну, и пожалѣютъ ее родители, вздумаютъ отдать за него (потому иной «хоть не богатъ, да тароватъ»), а дѣвка и шепнетъ кому-нибудь, что-бъ желанный не зѣвалъ, пріѣзжалъ-бы скорѣй въ свàты.—А коли родители гораздъ «заартàчатся», такъ молодые, бываетъ и «тихòнько» повѣнчаются. Да, бываетъ и это». Извѣстное дѣло, «что кому рỳпитъ [3]), тотъ то и купитъ». Впрочемъ, свадьбы «тихòнько» у насъ не въ обычаѣ, рѣдкость. Всѣ почти женятся, какъ дѣдами заведено; бываетъ и сватовствò, и рукобитье, и вечерѝнка, соблюдаются и другіе свадебные чины. Все законнымъ порядкомъ, по Божьему, какъ тому и слѣдуетъ быть. Такъ вотъ о сватовствѣ рѣчь.

Пріѣдетъ это сватъ къ невѣстинымъ родителямъ и дѣлаетъ все по обычаю. Войдетъ въ ѝзбу, спервоначàлу помолится «образàмъ», потомъ поклонится всѣмъ и «поздрàвствуется», скажетъ: «здорòво вамъ» или «здрàстуйти вамъ». Пройдетъ немного впередъ и «поздравствуется» рука въ руку съ хозяиномъ («здорòво сватъ, Михѐй»! а либо тамъ: «кумъ, Гришка»!) и съ другими мужчинами въ семействѣ, что постарше. А тутъ его просятъ проходить и садиться.

— «Ну што, сватòкъ, хòдишь?» спроситъ его хозяинъ; видитъ, что не такъ, не спрòсту человѣкъ пришелъ.

— «Да за мàлинькимъ дѣльцымъ» отвѣчаетъ гость. «Вишь ты, янò [4]) дѣло-то какое выхòдить. *У* тибѐ [5]), сватòкъ, примѣрно есть бярёза, а у насъ дубъ; не стàли, сватòкъ, ихъ умѣста [6]) случàть [7])?! Небòсь [8]) вѣдаешь, пра што талкỳю?»

— «Какъ-же, сватòкъ, какъ-же!. Дѣло бывалое, стрѣляная ворона!» говоритъ хозяинъ. «Чяво-жъ, яно мòжна. Дѣвка, пожалуй што, на той стàти. А кулѝ-жъ ѐта [9]) бỳдить, сватòкъ, да за кавò? Самъ знàишь, па мѣсту да па чилавѣку глядя; никто сваёму дѣтищу не вракъ» [10]).

Ну тутъ пойдутъ спросы да разспросы, тàры да бàры, сỳды да пересỳды. И коли дѣло не подходящее, батька невѣсты говоритъ:

— «Нѣ, сватòкъ, нòничи [11]) не думаю аддавàть дачкѣ [12]) зàмужъ. Пажжю [13]) ящò гадòкъ; не малина, не апàнить; да ящѐ и рябёныкъ янà савсѣмъ, ма.iасѝльна. А въ чужихъ людёхъ не дома, всѣка бывàить: «часомъ съ квасомъ, парòй съ вадой». Признàца табѣ [14]), и самамỳ-та мнѣ дѣвка пакỳдыва [15]) што гарàздъ [16]) нàдыби [17]) по хазяйству. Меньшуха [18]) пакỳль [19])—плохая работница: не подтянулась щи [20]), не пораспрàвилась, тòльки [21]) што тольки стàла съ сярьпòмъ на ниву валачѝца; вся тутъ и помòга, а рабòти хышь пàрься. Што-жъ, сватòкъ, не прагнѣвайся, не абессỳдь [22]) насъ, пажàлыста! Жанихà

---

[1]) «начётный»=надежный. [2]) «съ бỳхта—барàхта»=наобумъ, сдуру. [3]) «рỳпить» —не давать покоя, безпрестанно озабочивать. [4]) «яно» = оно. [5]) «у тибѐ»=у тебя. [6]) «умѣста»=вмѣсто. [7]) «случàть»=соединять. [8]) «небòсь»=пожалуй, вѣдь. [9]) «ѐта»= это. [10]) «не вракъ»=не врагъ. [11]) «нòничи»=въ этотъ годъ. [12]) «аддавàть дачкѣ» вм. отдавать дочки, т. е. дательный падежъ вм. родит. [13]) «пажжю»=подожду; «жжать» =ждать. [14]) «табѣ»=тебѣ. [15]) «покỳдыва»=пока. [16]) «горàздъ»=очень. [17]) «нàдыби» =надо, нужно. [18]) «меньшỳха»=младшая дочка. [19]) «пакỳль»=пока. [20]) «щи»=еще. [21]) «тòльки»=только. [22]) «не абессỳдь»=не осуди, извини.

и мѣсто мы не грѐбыимъ [1]), а аддать никакъ нельзя. Пайщи [2]) сабѣ [3]) въ другимъ мѣсти; въ міри, сватòчикъ, што въ мòри, всявò найдѐшь, а ѐтыва дабрà ракомъ до Масквы не пирястàвишь». Или другую какую отговорку скажетъ невѣстинъ батька и пошелъ сватъ—«долгой задъ»—не солено хлебавши.

А когда толкують, всѣ—и сватъ и родители невѣсты—сидятъ вмѣстѣ и, обыкновенно, на лѣвой лавкѣ. Невѣста-жъ, какъ только смекнетъ, въ чемъ дѣло, драло изъ избы вонъ (такъ ужъ водится) да и «сòвѣсно» [4]) и жутко ей станетъ сидѣть да слушать, какъ про нее будутъ судить и рядить, ея судьбу рѣшать.

Если-жъ дѣло сладится, сватъ и родители невѣсты встають съ лавки, «затопляютъ» свѣчку «передъ богами» и молятся, чтобы далъ Богъ дѣлу «добрый часъ».

Значитъ засвадьбилось. Въ этотъ разъ, однако, не бываетъ никакого угощенія: ни отъ свата, ни отъ родителей невѣсты. Теперь-же уговариваются и о томъ, когда «дѣлать рукобитье». Назначается особый день, что-бъ хозяйка могла «нарòшно прибраться» [5]) къ этому случаю, хорошенько угостить своихъ сватòвъ, а невѣста успѣла-бъ приготовить «дары» [6]) жениху. Ну, словомъ, свадьба заводится не на шутку.

Рукобитье.

На «рукобитье» ѣдетъ къ невѣстѣ не одинъ прежній сватъ, а съ нимъ еще жениховъ батька (свёкоръ), а нѣтъ батьки, такъ старшій братъ жениха. Ѣдутъ «сваты» за этакимъ дѣломъ со звонкомъ и съ полведромъ водки въ саняхъ. Пріѣдутъ это они и, какъ совсѣмъ уговорятся, начинаютъ «дѣлать рукобитье».

Свѣчка передъ «образами» уже горитъ. «Сваты» и невѣстины родители опять садятся всѣ на одну лѣвую лавку. Тутъ жениховъ батька одѣваетъ на правую руку «рукавичину» [7]), невѣстинъ тятька дѣлаетъ то-же самое. Потомъ встаютъ они и берутъ каждый въ руку «съ рукавичиной» полу своей одежи: шубы или кафтана—и хлопаютъ одинъ другого по рукѣ, приговаривая:

— «Такъ аддаѐшь, сватòкъ, дòчку-то?»

— «Аддаю, брàтицъ, за тваёва сынкà са всѝмъ маимъ радѣньимъ».

— «Ну, давай Богъ всевò дòбрыва!»

И тутъ то одинъ сверху «клёсьнитъ» [8]), то «другѐй» [9]). А послѣ этого всѣ молятся Богу, чтобъ далъ Богъ «все во святѐй [10]) часъ,» и «сваты» перецѣлуются съ родителями невѣсты. Самой же невѣсты, какъ и при сватовствѣ, обычно въ избѣ нѣтъ. Теперь ужъ дѣло рѣшеное, не рушится; все кончено: и руки побиты и Богу помолились. Правда, бываетъ то оно, что и послѣ этого разсыхается свадьба, да рѣдко: за безчестье считается.

Теперь ужъ «сваты» какъ свои люди, какъ у себя дома; раздѣваются и прямо къ столу. Хозяйка тутъ изъ печи тащитъ «пригòхи» [11]), что «понала̀жены» [12]) для дорогихъ гостей; а сваты достаютъ водку и подносятъ всѣмъ присутствующимъ «по стакàньчику». Посылаютъ здѣсь за сосѣдями въ деревню «въ стòлу» [13]), а нѣкоторые и сами приходятъ, безъ зòву, какъ узнаютъ, что у сосѣда «рукобитье». И мужики тутъ, и бабы, и даже ребятишки; званыхъ и не званыхъ полная изба. Всѣхъ подчуютъ водкой, а кто пьетъ, напередъ приговариваетъ:

— «Пощàстьи [14]) имъ Богъ! Давай Богъ пажѝть да дабрà нажѝть! На любòвь, на савѣтъ, на дòлгій вѣкъ! Бýдьти здарòвы»! и выпиваетъ.

---

[1]) «грѐбывать»=пренебрегать, за худое считать. [2]) «пайщи»=поищи. [3]) «сабѣ»=себѣ. [4]) «сòвѣсно» = стыдно. [5]) «нарòшно прибраться» = нарочно подготовиться. [6]) «дары»=подарки. [7]) «рукавичина»=рукавица. [8]) «клёснуть»=пріударить, прихлопнуть. [9]) «другѐй»=другой. [10]) «святѐй» = святой. [11]) «пригòха» = кушанье. [12]) «понала̀дить»=понаготовить. [13]) «къ стòлу»=къ обѣду. [14]) «пащàстьить»=посчастливить.

А ему говорятъ «сваты̀»: «пей на здоровье!» Обѣдъ кончается.

Послѣ «остатняго»[1]) блюда «сва̀тья» (мать невѣсты) собираетъ въ «ча̀шу»[2]) «дары̀» жениху отъ невѣсты. Кладетъ въ чашку десятокъ яицъ (это ужъ непремѣнно), полотенце, поясъ, «исподки»[3]) и кое-что другое; подноситъ «дары̀» свекру и говоритъ: «вотъ табѣ, сватѐчикъ![4]) Я кладу̀ дары̀ пластко̀мъ[5]), а ты мнѣ кладѝ крястко̀мъ!» Тогда сватъ (батька жениха) вынимаетъ «гребёнку»[6]) и кладетъ денегъ, сколько можетъ, бумажка на бумажку «про̀ти[7]) даро̀въ нявѣсты».

Отдариваетъ сватъ (свекоръ) и говоритъ невѣстиному батькѣ: «а ты, сватѐчикъ, пока̀жъ-ка[8]) нявѣсту! Не криву̀ю-ль, не сляпу̀ю-ль мнѣ даѐти? Сейчасъ посылаютъ за невѣстой и входитъ она въ и̇збу, разряженная по праздничному (товаръ то лицомъ показать!). Встанетъ свекоръ и низко поклонится ей и она отдастъ поклонъ свекру, потомъ они поцѣлуются. За этимъ свекоръ наливаетъ стаканъ водки, кидаетъ туда серебра «за погля̀дное» и подаетъ невѣстѣ. Та «поздра̀вствуется» съ нимъ, молвитъ: «будь здоро̀въ!» и выпиваетъ вино, а деньги беретъ себѣ.

Ну, тутъ скорѣй «сваты̀» шапку въ охапку да за порогъ. А невѣста, какъ только выпьетъ, и заголоситъ (такъ ужъ принято). Ма̀тка и вся бабья «поро̀да» невѣсты идутъ къ сторонкѣ, къ кровати, и то-же плачутъ: кто сидя, кто стоя; плачутъ и постороннія бабы и подруги невѣсты. Сейчасъ тутъ закричатъ: «вярьни̇сь![9]) вярьни̇сь, сватокъ! вайми̇[10]) нявѣсту!» Сватъ ворочается и даетъ невѣстѣ денегъ въ «пя̀стку»[11]); та замолкаетъ на немного и сватъ уходитъ уже на этотъ разъ совсѣмъ.

Но только сватъ за порогъ, невѣста опять принимается голосить. Тутъ дѣвки водятъ ее къ батькѣ, маткѣ, къ брату, сестрѣ и къ другой «поро̀дѣ», кто на лицо. А невѣста все плачетъ и причитаетъ, къ кому ее ни подведутъ. Подведутъ ее къ батькѣ и заплачетъ, заголоситъ она:

«Карьми̇лицъ мой, ба̀тюшка!
Бы̀тта[12]) я табѣ надаску̀чила!
Абвяза̀лъ ты маю̀ гало̀вушку
Бизъ поры̀, бязъ врѐмички;
Мину̀ица вся мая̀ гульба̀ и во̀люшка!
Не забу̀дь мяня̀, го̀рьку гарю̀шиньку,
Какъ я уйду̀ въ чужі̀и до̀брыи лю̀дюшки!»

Матери причитаетъ:

«Радѝтильница, ма̀мушка!
Абвя̀жутъ маю̀ бу̀йную гало̀вушку
Въ чужі̀и до̀брыи лю̀дюшки
Не ва врѐмя, не ва по̀рушку.
Какъ мнѣ бу̀дить пайти̇ть, паступи̇ть
Па ча̀стымъ ступѐнюшкамъ[13])?
Какъ мнѣ бу̀дить ула̀дить, угади̇ть
Нера̀ннымъ[14]) радитилямъ»?

Брату:

«Бра̀тицъ мой, салавѐюшка!
Не забу̀дь мяня̀ го̀рьку гарю̀шиньку
На чужой да̀льнуй старо̀нушки,
Какъ я уйду̀ въ чужі̀и до̀брыи лю̀дюшки»!

---

1) «оста̀тній»=послѣдній. 2) «ча̀ша»=чашка. 3) «испо̀дки»=маленькія рукавички, вязанныя изъ шерстяныхъ нитокъ. 4) «Свата̀ми» у насъ называютъ другъ друга родители жениха и невѣсты. 5) «пласто̀къ» = слоёкъ; «пластко̀мъ» слойко̀мъ, слойка̀ми. 6) «гребёнка» = бумажникъ. 7) «про̀ти» = противъ. 8) «пока̀жъ» = покажи. 9) «вярну̀ться» (вернуться)=воротиться, возвратиться. 10) «вайми̇»=уйми, «внять»= унять. 11) «пя̀стка»=пясть. 12) «бы̀тта»=будто. 13) «па ча̀стымъ ступѐнюшкамъ», т. е. въ отношеніи деверей, золовокъ и т. д. 14) «ро̀нный»=родный.

Сестрѣ:

«Сястрица мая ластушка—падружинька!
Аттуляла я тапѣрь съ табой,
Въ красныхъ дѣвушкахъ атврасавала;
Вси зарастуть май трапинушки
И торныи дарожиньки,
Гдѣ я гуляла въ красиыхъ дѣвушкахъ.
Бывало я у красныхъ дѣвушкахъ,
Куды [1]) вздумаю, туды [2]) и пайду гулять;
У чужихъ—не у свайхъ радитилий:
Какъ будить пайтить, паступить?
Какъ будить чужой радитильницы матушки
Уладить, угадить»?

И плачетъ, рѣкой разливается невѣста по своей дѣвичьей волѣ да о замужней долѣ. Замужемъ прибавится ей и работы, хлопотъ и заботъ. Не даромъ она говорила: «минуица вся мая гульба и волюшка!»; припоминается ей теперь, что не разъ и сама она пѣвала въ пѣснѣ:

«Воля, волюшка мая [3])!
Минавалася волина гульба,
Са чёрнай грязью смѣшалася,
Са чёрнай, съ паддорожною»!

Подумки и трудовъ замужемъ будетъ больше, а жизнь-то не получшаетъ. Что-то невесело поется въ пѣснѣ про замужье:

«Съ-за лѣсу, съ-за лѣсочку
Текла рѣчка широкая,
За Дунай ишла другая.
Ишла дѣвка маладая,
Вела коня варанова,
Ящѐ другова галубова;
Привадила каня къ рѣчки,
Гаварила съ канёмъ рѣчки:
«Не табѣ, конь, воду пить,
Ня мнѣ, дѣвки, лицо мыть:
Пара замужъ итить.
Привяжу каня ка кусту,
Все ка кусту, ка калинки,
И сламлю сучёкъ калинки:
«Ты пакушій, конь, калинки!
Какава сладка калинка,
Какаво дѣвки замужье?
Въ сямеюшки нихто ня любить:
Ни свёкыръ, ни свякровка,
Ни дѣвирь, ни залобка».

А иной разъ попадется еще и

«Мужъ—удалая галовка:
Паутру рана уходить,
Вичяру позна приходить;

---

[1]) «куды»=куда. [2]) «туды»=туда. [3]) Можетъ быть, здѣсь собств. имя «Оля», которое у насъ произносится «Воля».

На краёчку спать лажица,
Тижалёшинька вздыхаить,
Трёхъ-четырёхъ вспаминаить;
Три-чятыри—всё чужіи»!

А то:

«Ня ровна [1]) дуракъ навяжица,
Либа воръ, либа пьяница.
У кабакъ идёть шатанца,
Съ кабаку идёть валянца;
Заставляить разувать, раздявать,
Шелкавы пётли раздёргывать,
Чёрны пугавки растёгывать»!

А попробуй не послушаться его, сказать, что:

«Не такова бору ягода расла,
Што я буду тибе разувать, раздявать»!

Сейчасъ и плетью попотчуетъ:

«Пашолъ мой мужъ у новую клеть,
Узялъ [2]) мой мужъ ряменную плеть,
Зачалъ жану жалавати,
Все па полу повалякывати.
«Вотъ такова ацца [3]) съ матирью дитя,
Што я буду разувать, раздявать,
Шелкавы пётли раздёргывать,
Чёрны пугавки растёгывать»!

И будешь просить его:

«Ты не бей мине безъ вины,
Безъ вяликои безъ бяды!
Што мой батюшка далече,
Родная матушка дальши таво [4])!
Чериз бярёзья белае
Галасочка маёва ня вслышить,
Чериз сасонья частае
Майхъ слезъ ня ввидить»!

Вотъ оно каково житье-то бываетъ замужемъ! И замираетъ сердце у невѣсты отъ неизвѣстнаго будущаго и гадаетъ—думаетъ она думу крѣпкую. Ахъ!

«Кабы знала, малода, и вѣдала
Пра сваю долю горькую
Пра замужійце нещасное,—
Я-бъ сидѣла вѣкъ у дѣвушкахъ,
Чясала-бъ галовушку гладёшинька
И пляла-бъ русу касу часьтёшинька;
И плёвши касу, пригаваривала:
«Што дастанься мая руса каса
Ни князю, ни баярину,
Вдавиному сыну смирному!»

Послѣ «просватанья» дѣвушки, дѣвушки, ея подруги, по старинному обычаю, каждый день собираются къ ней на «посидѣлки»—съ прялками (отчего «посидѣлки» называются еще у насъ «супрядками»). Добрый это обычай! И невѣстѣ не такъ скучно и высказывается въ немъ исконная нѣжность русскихъ дѣвушекъ къ своей сосватанной

[1]) «ня ровна» (не ровно)=можетъ быть. [2]) «узять»=взять. [3]) «ацца»=отца. [4]) «таво»=того.

подругѣ. Сидя за пряжой, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсенки, какія принято пѣть въ этомъ случаѣ.—Вотъ одна изъ нихъ о золотой дѣвичьей долѣ съ нѣжной, предупредительной любовью родной семьи и досадливомъ замужійцѣ съ пересудами и злословьемъ бабьяго рода—племени въ чужой семьѣ: свекрови и золовокъ.

«Мàрья [1]) въ мàтушки
Дарагàя гòсьтійка,
Залатàя мятёлычка!
Трòя сянѐй вы̀мела,
Тòлька аннòй [2]) не вы̀мела
Становòй нòвуй гòринки,
Гдѣ сидѝть лютà свякрòвъ
Са сваймъ съ трёмъ дòчирямъ,
Са майимъ залòвушкамъ;
Судѝли, рядѝли
Пра чужу̀ю дѝтитку,
Пра сваю̀ нявѣ̀стушку:
«То-ль янà санлѝвая,
То-ль янà дрямлѝвая?!
Недàвна къ намъ пришлà,
Мнòга бѣдъ надѣ̀лала,
Мнокъ пасу̀ди паразьбѝла:
Все пивны̀и кòвшички
И винны̀и чàрычки;
Па навы̀мъ сянёмъ хòдила,
Залаты̀ ключѝ утѐряла».
«Охъ ты, лютàя свякрòвъ!
Ты ня сòхни, не балѝ
Па майимъ златы̀мъ ключàмъ:
Мнѣ ня твой сынъ ключѝ купѝлъ.
Мнѣ ня твой мужъ залатѝлъ!
Мнѣ купѝлъ ключѝ бàтюшка,
Залатѝла мàтушка,
Полужàли сестрѝцы,
Выкупàли брàтицы,
Абнавля̀ли нявѣ̀стушки
Зли [3]) сваёй чѐсьти, хвалы,
Зли маёй красаты̀».

А тѣмъ временемъ, т. е. между «рукобитьемъ» и свадьбой, родители жениха и невѣсты приготовляются свадьбу пировать.—Шьется невѣстѣ новый «снѝзокъ» [4]) теплой одежи: шуба и кафтанъ, а иногда еще «снѝзокъ» нижняго платья, или подвѣнечный «обрàдъ» [5]). Отдаются невѣстѣ также и всѣ другіе ея «обрàды», что были «поналажены» ей въ дѣвкахъ, и «новѝны» [6]), сколько успѣла она себѣ «пригашѝть» [7]) ихъ до «заму̀жья». Вотъ и все, съ чѣмъ родители отправляютъ свою дѣвку въ чужіе люди. Хранитъ свое «добрò» дѣвка (какъ, обыкновенно, всѣ деревенскія бабы у насъ въ «ку̀блѣ» [8]).

«Добрò» это такъ и называетсы «добрòмъ», а не приданымъ; приданаго въ деревнѣ у насъ нѣтъ. Впрочемъ, есть и у насъ приданое, но не деньги. Нѣтъ, не онѣ! У насъ невѣста несетъ съ собой жениху самое дорогое въ мірѣ приданое: свое цвѣту-

---

[1]) примѣрное имя невѣсты! [2]) «аннòй» = одной. [3]) «зли»=для. [4]) «снѝзокъ» одежи=полный составъ одежи. [5]) «обрàдъ» = нарядъ. [6]) «новинà»=трубка (свертокъ) домотканнаго холста. [7]) «пригашѝть»=приготовить. [8]) «ку̀белъ»=кадка съ крышкой и замкомъ; въ послѣднее время стали «похватывать» сундуки.

щее здоровье да золотыя, умѣлыя руки. Иного приданаго, у насъ и не ищутъ. Что мужику и съ приданаго, коли женка дрянь? Съ такой и «жи́сьть не въ ра́дысьть, адна́ мае́та»; и тутъ то ей не въ силу и тамъ не подъ силу. На работницъ приданое проживешь и своихъ еще приложишь, а все весь вѣкъ будешь не человѣкъ; вездѣ будутъ «неупра́вки:» и въ домѣ и въ полѣ. Нѣтъ ужъ Богъ съ ними, съ деньгами! Лучше взять въ приданое румяныя полныя щеки и пышную грудь (прису́ху и утѣху молодца), да рабочія и сильныя руки. Съ ними горе съ полгоря и бѣда не по чемъ!

Въ одинъ изъ «досва́дьбенныхъ» дней женихъ ѣдетъ къ своей су́женой «съ ла́птемъ», т. е. везетъ ей полсапожки подъ вѣнецъ; а невѣста посылаетъ «дары́» родителямъ жениха: свекру и свекрови.

Какъ невѣстины старики, такъ и жениховы—каждый у себя «подбира́ются» къ свадебнымъ пирамъ: варятъ пиво, пекутъ пироги и хлѣбы, заготовляютъ мясо, вино [1]). Точно также заняты хлопотами и молодые (женихъ и невѣста); они каждый къ себѣ зазываютъ въ поѣзду́», просятъ пожаловать въ свадебный пѐѣздъ; у жениха своя «поѣзда́», а у невѣсты своя. За разными хлопотами да суетой и не видишь, какъ подскочитъ канунъ свадьбы.

Вечери́нка.

Наканунѣ свадьбы у невѣсты бываетъ «вечери́нка» или дѣвичникъ. Про невѣсту топятъ баню ея подруги; а когда топятъ, головешекъ не колотятъ, чтобы мужъ жены не билъ. Идетъ она въ баню поздно; если зимой свадьба, такъ ужъ съ огонечкомъ; все по-старинному, какъ заведено; и подруги съ ней, только тѣ уходятъ раньше изъ бани, какъ справятся, а невѣста остается съ лучшей подругой и приходитъ послѣ.—Грустно ей!.... Чувствуетъ она, что надъ ней творится что то небывалое, что къ чему-то великому и святому ее готовятъ. И жутко ей станетъ!...

Придетъ невѣста изъ бани въ и́збу, а ужъ подружки всѣ собрались и давно ждутъ ее. Поблагодаритъ она ихъ: «спасибо вамъ, подруженьки, за паръ, за банюшку» и заплачетъ. Да и какъ ей плакатъ? Подруги дѣтства, многія сверстницы пришли проститься съ ней, провести съ ней послѣдній вечерокъ! Скоро придется ей совсѣмъ порвать связь съ дорогимъ прошлымъ и привыкать къ новому будущему, Богъ вѣдаетъ еще къ какому! И заливается, горько и громко плачетъ невѣста. Подруги тутъ унимаютъ, уговариваютъ ее: «брось, не плачь! Не адна́ ты така́я го́рькая! И всѣ мы такія го́рькіи. Еты сѐмины не такіи, што держа́ть, а на́да перяса́живать!» Утѣшаютъ, а и у самихъ слезы ручьемъ льются. Переплачутся немного, потомъ подруги начинаютъ пѣсни.

Въ пѣсняхъ вечеринки чувствуется уже близость свадьбы. Первая пѣсня поется «бо́славъ, Бо́жа! Бо́жинька!»; вторая, если у невѣсты живы родители, «какъ Ма́рьюшкина [2]) мать всю́ю но́чку нѐ спала»; если же невѣста сирота, то поется «ёлка, ёлушка! залата́я мако́вушка» [4])!

За ними поются другія, и первая изъ нихъ «на дѣвѝчьи вѐчири». Въ этой пѣснѣ отмѣчается обычай невѣсты плакать на дѣвичникѣ. Въ ней слышатся намъ тихія слезы невѣсты, ея сдержанный ропотъ на виновника плача,—ропотъ на предстоящее, какъ-бы подневольное, замужество.

«На дѣвѝчьи вѐчири,
Тамъ дѣвица пла́кала.
«Увядѝти [5]) ба́тюшку,
Вайми́ти [5]) Марьюшку»!
Мы ба́тюшку увялѝ [6]),
Ма́рьюшку не внялѝ [7]).

[1]) т. е., водку; «водка» у насъ всегда называется «виномъ». [2]) Всѣ собственныя имена поставлены мною въ пѣсняхъ для примѣра. [3]) Этихъ пѣсенъ мы теперь не будемъ приводить, потому что съ ними намъ придется еще встрѣчаться послѣ [4]) «увядѝти»=уведите. [5]) «ваймѝти»=уймите. [6]) «увялѝ»=увели. [7]) «внялѝ»=уняли.

На дѣвичьи вѐчири,
Тамъ дѣвица плàкала,
Марья Пятровна [1]).
«Увядѝти мàтушку,
Вайѝти Мàрьюшку»!
Мы мàтушку увялѝ
Мàрьюшку не вялѝ.

На дѣвичьи вѐчири,
Тамъ дѣвица плàкала.
«Увядѝти брàтицевъ.
Вайѝти Мàрьюшку»!
Мы брàта увялѝ,
Мàрьюшку не вялѝ.

На дѣвичьи вѐчири,
Тамъ дѣвица плàкала.
«Увядѝти сястрỳ,
Вайѝти Мàрьюшку»!
Мы сястрỳ увялѝ,
Мàрьюшку не вялѝ.

На дѣвичьи вѐчири,
Тамъ дѣвица плàкала.
«Увядѝти Ивàна—кнàзя [2]),
Вайѝти Мàрьюшку»!
Мы Ивàна—кнàзя увялѝ,
Мы Мàрьюшку унялѝ.

Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается взглядъ крестьянской дѣвушки на супружество, какъ на дѣло въ высшей степени святое, какъ «на Бòжную путь», какъ на путь рѣшительный и безповоротный, а потому великій и страшный, на который никакъ нельзя «пайтѝть, паступѝть» безъ благословенья «сỳдаря-бàтюшки».

Растапѝся бàнюшка [3]),
Разгарѝся кàминка [4])!
Ты размѝлься мыленка [5]),
Ты распàрься Мàрьюшка!
Ты расплàчься слѐзьнинька [6]),
Передъ бàтюшкой стòючи,
Влагаславлѐнья прòсючи:
«Влагаславѝ, сỳдырь-бàтюшка,
На Бòжную путь пайтѝть, паступить»:
Ва святỳю ỳтринку,
Въ святỳю обѣдинку!
Въ святòй обѣдинки,
Въ святòмъ у вѣньчѝи,
Въ залатымъ абрỳчiи
Скòра нòжки гибнуца,
Галавà съ плечъ свàлица,
Бѣлы рỳки распàхнуца,
Ретивò сѐрце жихнѐть,
Ясны òчи расплàчуца».

Двѣ слѣдующія свадебныя пѣсни не пріурочены къ опредѣленному времени; поются онѣ и на «дѣвѝчьи вѐчири» или дѣвичникѣ.—Отъ одной изъ нихъ, отъ пѣсни «какъ на гòры высакòй», вѣетъ на насъ сердечной тоской-кручинушкой свѣта—батюшки по своей любимой замужней дочери; въ этой же пѣснѣ доносятся до насъ и горячія слезы родительницы все по ней-же, по милой доченькѣ, по своему дорогому ненаглядищу.

---

[1]) имя и отчество невѣсты. [2]) Примѣрное имя жениха. [3]) Въ первыхъ четырехъ строкахъ указывается на обычай невѣсты ходить въ баню передъ свадьбой. [4]) «Кàминка» (каменка)=печка въ банѣ черная, т. е., безъ трубы; она обыкновенно кладется въ деревняхъ не изъ кирпичей, а изъ камней. [5]) «мыленка (мыленко)=мыльно. [6]) «слѐзьнинька»=слёзненько.

Какъ на гȍры высакȍй,
На плащȁди ширакȍй,
Тамъ хадѝла, гуляла̀
Марья Пятровна (невѣста),
Зѐлинъ садъ сажа̀ла.
Насадѝвши зѐлинъ садъ,
Сама̀ зȁмужъ пашла̀;
Приказа̀ла свой зѐлинъ садъ
Госуда̀рю-ба̀тюшку:
«Госуда̀рь мой, ба̀тюшка!
Пакрыва̀й мой зѐлинъ садъ
Всё тахтой [1]), всё ба̀рхатой» [2])!
«Ахъ дитё-ль маё, дѝтитка.
Марья Пятровна!
Я пакрȍю твой зѐлинъ садъ
Всё таскȍй, всё кручѝнушкуй».

Какъ на гȍры высакȍй,
На плащȁди ширакȍй,
Тамъ хадѝла, гуляла̀
Марья Пятровна,
Зѐлинъ садъ сажа̀ла̀.
Насадѝвши зѐлинъ садъ,
Сама̀ зȁмужъ пашла;
Приказа̀ла свой зѐлинъ садъ
Суда̀рыни-ма̀тушки:
«Суда̀рыня-ма̀тушка!
Палива̀й мой зѐлинъ садъ
То сытȍй, то па̀тыкуй»!
«Ахъ дитё-ль маё, дититка,
Марья Пятровна!
Я палью̀ твой зѐлинъ садъ
Гарячѝмъ сваѝмъ слязамъ».

Въ слѣдующей пѣснѣ предвѣщается дѣвушкѣ болѣе строгое отношеніе къ ней новыхъ ея родителей: свекра и свекрови—сравнительно съ жалостью родного отца—батюшки и кормилицы, родной матушки.

На мȍри ў̀тычка акунўлася,
Вы̀шиччи на биряжȍкъ, встрипянўлася.
На тымъ [3]) биряжкў̀ Ма̀рьюшка мы̀ла дары̀;
Мы̀вши дары̀ слёзно пла̀кала;
Потȍмъ паднасѝла дары̀ ба̀тюшки.
«Сўдырь ты, ба̀тюшка, не бѣ̀лы дары»!
Атвѣ̀ча̀лъ: «дѝтитка, што не ба̀тьку дарѝшь;
Ѐтымъ дара̀мъ свёкра-ба̀тьку дарѝть» [4]).

* *
*

На мȍри ў̀тычка акунўлася,
Вы̀шиччи на биряжȍкъ встрипянўлася.
На тымъ биряжкў̀ Ма̀рьюшка мы̀ла дары̀;
Мы̀вши дары̀ слёзно пла̀кала;
Патȍмъ паднасѝла дары̀ ма̀тушки.
«Суда̀рыня ты, ма̀тушка, не бѣ̀лы дары̀»!
Атвяча̀ла: «дѝтитка, што не ма̀тку дарѝть;
Ѐтымъ дарамъ свякрȍвъ дарѝть».

Попоютъ дѣвушки пѣсенокъ, погорюютъ, попечалятся вмѣстѣ съ невѣстой и начинаютъ расходиться по домамъ. А тутъ ихъ просятъ пожаловать завтра «на честнȍй пиръ, на свадебку».—Остается одна невѣста съ своимъ роднымъ семействомъ и начинается съ ней послѣдняя тихая бесѣдушка. За ужиномъ ей уже не до ѣды, не успѣть слезъ глотать. А какъ она проводитъ послѣднюю ночку подъ родительскимъ кровомъ, про то знаетъ только одно ея дѣвичье сердѐчушко!

---

[1]) «тахта̀»=тафта. [2]) «ба̀рхата»=бархатъ. [3]) «на тымъ» = на томъ. [4]) намекается на обычай невѣсты посылать «дары̀» свекру и свекрови.

Составъ «поѣзды».

Завтра свадьба и съ ранняго утра начнетъ собираться къ жениху и невѣстѣ «поѣзда̀» или «поѣзжа̀не». Но кто-же эти «поѣзжа̀не» жениха и невѣсты?—Женихъ зоветъ къ себѣ «въ поѣзду» своихъ друзей-пріятелей, деревенскихъ парней. У него есть въ «поѣздѣ»—«подкня̀жій» [1]). Въ «подкня̀жіи» женихъ выбираетъ самаго задушевнаго своего друга. Есть въ «поѣздѣ» еще «дружко̀». Въ «дружкѝ» попадаетъ обыкновенно пожилой, такъ какъ выбирается, который «знаетъ» (маракуетъ коѐ-что по колдовству), а такіе водятся больше между стариками.—Дружко нуженъ «знающій», чтобы «не подшутилъ» кто надъ лошадьми. Положитъ, напр., «злой человѣкъ» [2]), алѝ [3]) иной ради потѣхи наговореную соломинку черезъ дорогу и ни за что черезъ нее не переѣдешь, сколько ни бейся; «упудятся» [4]) кони и ни съ мѣста, какъ вкопаные! — А не то броситъ «зна̀харь» нашоптанную горошину въ сани и будетъ лошадь везти—упираться, будто сто пудовъ на саняхъ лежитъ; того и гляди, что вотъ-вотъ станетъ.— А то иной остановитъ цѣлую «поѣзду» гдѣ-нибудь въ воротахъ: либо въ деревню не въѣхать, либо изъ деревни не выѣхать. Видишь, мчится, несется «поѣзда̀» во весь опоръ, а подъѣхала къ воротамъ и стало дѣло. Крутятъ—мучатъ «поѣзжа̀не» лошадей, «стебаютъ» ихъ безъ милости, а кони только «шора̀хаются» въ сторону и все тебѣ тутъ; фыркаютъ да бѣсятся, а въ ворота не впереть ихъ ни за что; подѝ—вѣдай отчего: будто самъ чортъ въ воротахъ сидитъ. Въ такихъ-то случаяхъ и дорогъ «дружко̀-ворожбитъ». Сейчасъ онъ тутъ какъ тутъ; живой рукой все сниметъ, «отдѣлаетъ» [5]) и опять поѣхала «поѣзда̀» съ Богомъ. А какъ «дружко̀» то не горазд̀ъ «знаетъ», такъ и сиди, пожалуй, на одномъ мѣстѣ да «куликуй» курамъ на смѣхъ. Третье чиновое лицо въ жениховой «поѣздѣ»—«тысяцкій». Что дѣлаютъ «тысяцкій» съ «подкня̀жимъ», это въ свое время покажетъ свадебная церемонія.

Невѣста приглашаетъ къ себѣ «въ поѣзду» дѣвушекъ-подружекъ; называются онѣ «боя̀рками». Самую лучшую свою подругу невѣста назначаетъ «первой» или «бо̀льшей боя̀ркой». «Бо̀льшей боя̀ркѣ» нужно знать всѣ порядки, обычаи и пѣсни; она все начинаетъ, всѣмъ верховодитъ. Она находится при невѣстѣ безотлучно, всюду ее сопровождаетъ, беретъ за нее деньги, гдѣ нужно и т. д.—Со стороны невѣсты выбираются еще четыре «сва̀шки»: двое мужчинъ и двѣ женщины. «Мужчины—сва̀шки» обязаны везти «боярокъ» на погостъ, а «женщины—сва̀шки» смотрятъ за невѣстой въ церкви, чтобы было все, какъ слѣдуетъ, по обычаю. Онѣ стелятъ молодымъ «подно̀жки», оправляютъ, охорашиваютъ невѣсту, отвѣшиваютъ и завѣшиваютъ ей лицо, когда нужно, и пр.—Число «поѣзжа̀нъ» у жениха и невѣсты бываетъ неодинаково, смотря по карману; вѣдь всѣхъ-же ихъ надо напоить и накормить.—Когда набрана «поѣзда̀» у жениха и невѣсты и все готово къ свадьбѣ, начинаютъ «играть» самую свадьбу.

Свадьба и «отво̀дины».

Святэй Кузьма̀,
Бо̀жинька!
Скуй намъ сва̀дьбу,
Бо̀жинька!
Крѣпкую, тьвёрдую,
Бо̀жинька!

Въ день свадьбы у жениха и невѣсты встаютъ рано.—Какъ только невѣста подымется съ постели, помоется, почешется и пріодѣнется, ее «заво̀дятъ за столъ».

---

[1]) Сами женихъ и невѣста считаются за князя и княгиню, какъ они и величаются въ свадебныхъ пѣсняхъ. [2]) «злой человѣкъ»=колдунъ. [3]) «алѝ»=или. [4]) «упу̀диться»=упереться. [5]) «отдѣлать»=отколдовать; «сдѣлать»=сколдовать.

Сначала всѣ молятся Богу (русскій человѣкъ любитъ все начинать съ крестомъ и молитвой) и «бо̀льшая боя̀рка», обращаясь къ присутствующимъ въ избѣ, говоритъ; «благасловѝти, вси кращо̀ныи, пѣсни ѝграть!»—«Богъ благасловитъ!» отвѣчаютъ ей и начинаютъ тогда «заводить невѣсту за столъ».—«Крёсный»[1]) невѣсты беретъ изъ «божнѝцы»[2]) икону и идетъ за столъ (столъ, обыкновенно, придвинутъ въ передній уголъ къ правой лавкѣ), за «крёснымъ» идетъ невѣста, а за ней «первая боя̀рка» и другія боярки. «У первой боярки» въ рукахъ два «пирожка»[3]) пшеничныхъ или ржаныхъ, кто чѣмъ богатъ. Когда начинаютъ заходить за столъ, «первая боярка» хлопаетъ пирожкомъ объ пирожокъ и запѣваетъ начальную пѣсню: «бо̀славъ, Бо̀жа! Бо̀жинька»! Скажетъ она первое слово: «бо̀славъ»—и хлопнетъ разъ пирожкомъ объ пирожокъ; скажетъ другое: «Бо̀жа»—и еще разъ хлопнетъ;—«Бо̀жинька» и хлопнетъ послѣдній (третій) разъ. Всѣ боярки подтягиваютъ первой:

«Бо̀славъ, Бо̀жа!
Бо̀жинька!
Свадьбу ѝграти,
Бо̀жинька!
Зачинàти,
Бо̀жинька!
Свято̀й Кузьмà,
Бо̀жинька!
Скуй намъ свàдьбу,
Бо̀жинька!
Крѣпкую, тьвёрдую,
Бо̀жинька!
Свято̀й Лукà,
Бо̀жинька!
Случѝ вмѣста,
Бо̀жинька!
Двухъ младёновъ,
Бо̀жинька!
Пѐрьвый младёнъ,
Бо̀жинька!
Ивàнъ Максѝмовъ,
Бо̀жинька!
Друго̀й младёнъ,
Бо̀жинька!
Мàрья Пятро̀вна,
Бо̀жинька!
Случѝ вмѣста ихъ,
Бо̀жинька!
Съ млàдысти да стàрысти,
Бо̀жинька!
И да мѝлыхъ дѣтушикъ,
Бо̀жинька!
И да сѝвава во̀лыса,
Бо̀жинька!
И да шалко̀выва по̀иса[4]),
Бо̀жинька!
Лю̀ди бàють[5]),
Бо̀жинька!
И не разбàють,
Бо̀жинька!
Су̀дьи су̀дють,
Бо̀жинька!
И не разсу̀дють,
Бо̀жинька!
Дажжёмъ мо̀чить,
Бо̀жинька!
И не размо̀чить,
Бо̀жинька!
Со̀нцимъ су̀шить,
Бо̀жинька!
И не разсу̀шить,
Бо̀жинька!
Вѣтрымъ вѣить,
Божинька!
И не разьвѣить,
Божинька!
Лѣсымъ кло̀нить,
Божинька!
И не раскло̀нить,
Божинька!

Пока поютъ эту пѣсню, всѣ, зайдя за столъ, стоятъ: и «крёсный», и невѣста, и «бо̀льшая боярка» и остальныя боярки.—Какъ кончатъ пѣсню, «крёсный» ставитъ образъ на полочку надъ окномъ, къ которому придвинутъ столъ, зажигаетъ передъ нимъ свѣчку (понятно, восковую), которая и горитъ до отъѣзда невѣсты на погостъ, и ухо-

[1]) «крёсный» = крестный отецъ, воспріемникъ при купели. [2]) «божнѝца» = трехугольный шкафчикъ или трехугольная полочка, гдѣ хранятся образà. [3]) «Пирогами» называются у насъ продолговатые хлѣбы («пирожками»—маленькіе продолговатые хлѣбы): пшеничные—безъ всякой начинки, а ржаные, обыкновенно, съ картофелемъ. [4]) «по̀исъ»=поясъ, по другому изводу: да шалковой бардо̀ушки. [5]) «бàить»=говорить.

дитъ самъ; невѣста и боярки садятся.—«Первая боярка» одинъ «пирожо̀къ» изъ своихъ рукъ даетъ невѣстѣ и та кладетъ его себѣ «въ зара̀нье, т. е., за пазуху, съ нимъ и подъ вѣнцомъ стоитъ (у насъ безъ хлѣбнаго никто не вѣнчается); а другой «пирожо̀къ» разламываетъ, раздаетъ по кусочку бояркамъ и сама ѣстъ. Невѣста не выходитъ изъ-за стола во все время до отъѣзда на погостъ, развѣ по надобности, а боярки поютъ ей пѣсни.

На вторую пѣсню поется, если родители у невѣсты живы, «какъ Марьина мать». Въ этой пѣснѣ высказывается взглядъ матери-крестьянки на рожденіе у нея дочери. Родится дочь только на горе и слезы бѣдной матери. Еще сряду по рожденіи дочери мать плачетъ, предвидя впереди большія и долгія слезы. Плачетъ она и взростивши дочку, такъ какъ знаетъ, что выкормила и выпоила ее для чужихъ людей; что рано-ль-поздно, а придется ей разстаться съ своимъ милымъ дитяткомъ, отпустить его на жизнь, Богъ вѣдаетъ еще какую. И вотъ наступила она, эта горькая пора! И теперь, отдавая дочку замужъ, плачетъ родительница пуще прежняго; отъ нее ведутъ любимаго родного дѣтёнка, отъ нее катятъ и «ку̀блы̀ съ добро̀мъ», отъ нее несутъ бѣлые дары̀»! Правда, дочь приноситъ родительскому сердцу и утѣху; но утѣхи на полтину, а скорби да печали на весь цѣлковый (не говоримъ уже объ ущербѣ по хозяйству). Выпои, выкорми ее (сколько тутъ надо хлопотъ да хлѣба!), наряди, по̀гляди-полюбуйся на нее и отдай въ люди, а послѣ боли да сохни по ней горемычные родители. И чѣмъ милѣй была дочка, тѣмъ ее жалчѣй! И не работница-то она имъ, и не поилица, не кормилица на старости лѣтъ; и не на кого родителямъ передъ смертью порадоваться.—Вотъ почему рожденіе дочери въ крестьянскомъ семействѣ не приноситъ особенной радости. Не даромъ въ иныхъ нашихъ погостахъ и попъ креститъ дочку цѣлымъ пятачкомъ дешевле, чѣмъ сына. Онъ хорошо знаетъ, что дочка мужику одна только сердечная зазноба—сухота̀ да «про̀торы» [1]).

«Какъ Ма̀рьина мать
Всю̀ю но̀чку нѐ-спала,
Въ сто̀лички сто̀ила [2]),
Карава̀и ва̀лила [3]),
Все тѣста пашанӥшнае;
Яна̀ умѣста [4]) ва̀лила,
Яно̀ ро̀зна валица.
Ва̀лила, ва̀лила,
Три раза̀ запла̀кыла.
Пѐрьвый разъ запла̀кыла,
Кагда̀ Ма̀рью ро̀дила;
Другѐй разъ запла̀кыла,
Кагда̀ Ма̀рью вспая̀ вскорья̀;
Трѐттій разъ запла̀кыла,
Кагда̀ Ма̀рью за̀мужъ дая̀.
«Атъ минѐ чаду̀ вядуть,
Атъ минѐ ку̀блы̀ катя̀ть,
Атъ минѐ дары вязу̀ть!
Чадо̀—милёшинька,
Ку̀блы̀—палнёшиньки,
Дары̀—бялёшиньки».

Если же невѣста—сирота, то поется ей на вторую пѣсню: «ёлка, ёлушка»! Въ пѣснѣ говорится, какъ къ невѣстѣ на бесѣдушку собралась вся родня и всѣ пріятели, не оказалось только родителя-батюшки и родительницы-матушки. И молитъ, проситъ невѣста своихъ милыхъ братцевъ сходить въ церковь къ обѣденкѣ, прозвонить тамъ въ колоколъ «у бальшѐй и въ ма̀линькій», чтобъ услышали ея дорогіе родители и пришли-бы сударь-батюшка и сударыня-матушка на ея бесѣдушку надѣлить ее, горькую-бѣдную сиро̀тушку, «ка свято̀му вѣньчію, къ залато̀му обручію».

Ёлка, ёлушка,
Залата̀я мако̀вушка!
Всё-ль у тебя, ёлушки,
Залато̀я су̀чійка?
Паглядѝ, Ма̀рьюшка,
Па сваёй бясѣдушки:
Вся-ль тва̀я раннӣ [5]) сабралася,
Всѣ-ль тва̀и пріятили

[1]) «про̀торы»=убытки. [2]) «Въ сто̀лички сто̀ила»=у стола стоя̀ла. [3]) «Карова̀и ва̀лила»=караваи вала̀ла. [4]) «Умѣста» (умѣсто)=въ одно мѣсто. [5]) «Раннӣ»=родня. [6]) Если невѣста не круглая сирота, то въ пѣснѣ вспоминается тотъ, кто умеръ: отецъ или мать.

На тваю бясѣдушку?
«Тольна нѣту маёй ранни,
Гасударя-батюшки,
Гасударыни-матушки!
Вы брацны, сокалы!
Схадити къ абѣдинки,
Празванйти въ колакылъ
У бальшѣй и въ малинькій!
Падайти вѣстушку
У сырую зямѣлюшку
Гасударю-батюшку,
Гасударыни-матушки!
Пусть мой гасударь-батюшка,
Пусть мая гасударыня-матушка
Прилятать на маю бясѣдушку
Надялить сиротушку
Ка святому вѣньчію,
Къ залатому абручію»!

Эта пѣсня поется такъ жалобно, что и невѣста плачетъ навзрыдъ и боярки сами поютъ, а слезы изъ глазъ градомъ катятся, горохомъ сыплются, не успѣть обирать.

Слѣдующая пѣсня поется о нечаянномъ похищеніи вѣнца у невѣсты нѣкимъ княземъ (напр., Иваномъ женихомъ). И умоляетъ невѣста своего старшаго брата вспасть [1]) на добра коня, догнать ясноиа сокола и отнять у него золотъ ея вѣнокъ. Но не въ силахъ большій братъ вспасть на добра коня, не можетъ онъ догнать яснова сокала, не отнять ему золотъ вѣнокъ и дѣвичей красоты. Не его теперь воля надъ ея золотымъ вѣнкомъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ самой пѣснѣ.

«Играла наша Марьюшка
Залатымъ вянкомъ въ тѣрими;
Паигравши залатымъ вянкомъ
Палажила на акошичка.
«Паляжи мой залотъ вянокъ
На красными акошички!
Я схажу праведаю
Пра свёкрыва житьё,
Пра свякровина бытьё.
Не аткуль [2]) узялся [3]) ясный сакол, Иванъ—князь;
Сахватилъ мой залотъ вянокъ.
Дай-ну, гдѣ-жъ мой большій братъ,
(наприм.) Микита Хёдаравичъ?
Ахъ ты, братицъ мой, ясный саколъ!
Ты вспань на дабра каня,
Дагонь [4]) яснова маёва сакала,
Атыми мой залотъ вянокъ!
Сястрица мая, ластушка!
Мнѣ не вспасть на дабра каня,
Не дагнать мнѣ яснова сакала.
Мнѣ не атнять залотъ вянокъ
И дѣвичуи красаты;
Не мая тапѣрь волюшка
Надъ тваимъ залатымъ вянкомъ».

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать на погостъ вѣнчаться, невѣстина «поѣзда перехватываетъ», т. е., закусываетъ. Сама-же невѣста «до вѣнца» не ѣстъ ничего. Равно какъ и женихъ. Послѣ «перехватки боярки» одѣваютъ невѣсту подъ вѣнецъ; чешутъ ея буйную головушку гладёшенько, заплетаютъ русую косыньку частёшенько, «ввязываютъ» ленточку алёшенькую, что-бъ покрасовалась дѣвица послѣдній разъ своей русой косой; наряжаютъ невѣсту въ самый лучшій ея «обрядъ». И когда справятъ дѣвушки совсѣмъ свою подружку, ее надѣляютъ «ка святому вѣньчію». Невѣста и «боярки» заходятъ за столъ и станутъ, и «боярки» начинаютъ запѣвать жалобную надѣльную пѣсенку для родителей:

[1]) «вспасть»=вскочить. [2]) «не аткуль»=неизвѣстно откуда. [3]) «узялся»=взялся. [4]) «дагонь»=догони.

«Сказывай, Марьюшка!
Есть-ли батюшка,
Есть-ли матушка?
Призывай къ дубовому сталу,
Што-бъ яны [1]) надялили тибѣ
Съ усёй радыстюй [2]),
Съ усёй жалыстюй [3]).

Тутъ подходятъ родители, берутъ съ полочки надъ окномъ образъ, съ которымъ заводили невѣсту за столъ, и благословляютъ ее; подносятъ хлѣбъ, на хлѣбѣ деньги, и надѣляютъ ее. Невѣста беретъ икону, цѣлуетъ ее и ставитъ на мѣсто, опять на ту же полочку, потомъ цѣлуетъ родителей и принимаетъ хлѣбъ на-руки, а деньги кладетъ въ карманъ. Въ это время «боярки» запѣваютъ другую надѣльную пѣсню: «сокалы, салятайся!» для всѣхъ присутствующихъ:

«Сокалы, салятайся!
Братъ съ сястрой называйся!
Князи, баяры съяжжайся!
Хто заснулъ, прабудися!
Хто пришолъ, не тулися [4])!
Хто пашолъ, варатися!
Хто принёсъ, не скупися!
Сыпте золато на блюдо,
А сернбро на другое—
Нашиму князю на шапку,
Нашуй княгини на шубу!»

И какъ кто надѣлитъ, невѣста кланяется и «боярки» съ ней, а надѣлившему подносятъ ковшъ пива.

Послѣ надѣла невѣста отправляется съ своей «поѣздой» на погостъ. Кони подаются разубранные; всѣ они нарочно для свадьбы пораскормлены, чтобы посвѣжѣе высматривали, да пофорсистѣй везли «поѣзжанъ». Подъ каждой дугой подвязанъ большой колокольчикъ, дуга перевита полотенцемъ, концы котораго попущены низко; на подсѣдёлкѣ тоже полотенце. Иногда сверхъ полотенцевъ дуга перевязана платками и ленточками.

Невѣста ѣдетъ отъ дома до погоста подъ большимъ платкомъ, покрытымъ «въ роспускъ», т. е, на подобіе покрывала, а на платкѣ нашитъ крестъ. Ѣдетъ она въ серединѣ свадебнаго поѣзда вмѣстѣ «съ большей бояркой». Лицо ея слегка закрыто: платокъ спущенъ нѣсколько на лобъ. По пріѣздѣ на погостъ невѣста катается на лошадяхъ со своими «боярками». Въ церковь идетъ она тоже съ призакрытымъ лицомъ. Какъ надѣвать вѣнцы, лицо открывается. По окончаніи вѣнчанья платокъ снова надвигается, но не очень; выйдя изъ церкви лицо закрывается больше. За всѣмъ этимъ смотрятъ «свашки».—По выходѣ изъ церкви невѣста ѣстъ «пирожокъ», съ которымъ вѣнчалась, и даетъ по кусочку своимъ «бояркамъ»; иногда она ѣстъ его уже на дорогѣ, ѣдучи «отъ вѣнца».

Невѣста со своими «поѣзжанами» ѣдетъ «отъ вѣнца» прямо къ себѣ домой и садится съ ними «перекусывать» [5]).—А женихъ со своей «поѣздой» пріѣзжаетъ нѣсколько позднѣе; однако «послѣ вѣнца» ѣдетъ то-же къ невѣстѣ, а не къ своимъ родителямъ.

Но мы еще не сказали о томъ, какъ деревенскій женихъ готовится «къ вѣнцу».—Съ нимъ продѣлываютъ все то-же, что и съ невѣстой. Ему поютъ тѣ-же пѣсни; изъ нихъ одну только съ измѣненіями и одну совершенно новую, послѣднюю передъ отъѣздомъ жениха въ церковь. Разница еще та, что жениху поютъ не дѣвушки, а молодухи»,—и не за столомъ а стоя «на йзьбѣ» [6]); за столомъ же сидитъ женихъ со своей «поѣздой». Его «заводятъ за столъ» такъ же, какъ и невѣсту, и ему даютъ при этомъ «пирожокъ», съ которымъ онъ и вѣнчается; ѣстъ его женихъ «съ поѣздой» по выходѣ

[1]) «яны»=они. [2]) со всей радостью. [3]) со всей жалостью. [4]) «не тулися»=не прячься. [5]) «перекусывать»=закусывать. [6]) «на йзьбѣ»=въ избѣ.

изъ церкви «послѣ вѣнца». Жениху поютъ также на начальную пѣсню: «бо̀славъ, Бо̀жа! Бо̀жинька!»; за тѣмъ — «ёлку, ёлушку», если онъ сирота; а не сирота, такъ поется то-же, что и невѣстѣ, только вотъ съ какими измѣненіями:

«Какъ Ива̀на ма̀тушка
Всю̀ю но̀чку нѐ-спала,
Въ сто̀лички сто̀ила,
Карава̀и ва̀лила,
Всё тѣ̀ста жѝтнае [1]);
Яна̀ ро̀зна ва̀лила,
Яно̀ всё вмѣ̀ста ва̀лица.
Яна̀ ва̀лила, ва̀лила
Да три раза̀ вазра̀дылась.
Пѐрьвый разъ вазра̀дылась,
Кагда̀ Ива̀на ро̀дила;
Другѐй разъ вазра̀дылась,
Ивана вспая̀—вскарьмя̀;
Трѐттій разъ вазра̀дылась,
Ивана жѐнивши.
«Ка мнѣ чаду̀ вяду̀ть,
Ка мнѣ кублы̀ катя̀ть,
Ка мнѣ дары̀ вязу̀ть!
Чадо̀ милёшинька,
Кублы̀ палнёшиньки,
Дары̀ бялёшиньки».

Въ этой пѣснѣ высказывается, такимъ образомъ, взглядъ въ крестьянствѣ на мальчика совершенно противоположный взгляду на дѣвочку. Мальчикъ родится на счастье и радость своимъ родителямъ. Онъ будетъ имъ вѣчнымъ кормильцемъ и утѣхой да еще приведетъ имъ до̀чку мѝлую, свою любушку-голубушку. А съ ней прикатятъ къ нимъ «кублы̀», и въ «кубла̀хъ добра̀» не мало; привезутъ имъ и «бѣлые дары̀» отъ почтительной новой дочки. И будутъ дѣтки «надъ ними честь держать» [2]), а они будутъ на старости лѣтъ любоваться ими. Вотъ почему мать «вобра̀дылась, родивши сына; возра̀дылась», вспоя-вскормя его, и радуется особенно теперь, женя его и приготовляя «пирогѝ» къ его свадьбѣ.

Передъ тѣмъ какъ родителямъ надѣлять жениха, поютъ: «ска̀зывай, Иванушка!», а во время надѣла всѣми другими: «со̀калы, салятайся!».

Передъ самымъ-же отъѣздомъ жениха въ церковь поется новая пѣсня, приноровленная именно къ этому положенію жениха, къ его отъѣзду, съ цѣлію добыть себѣ невѣсту. Въ этой пѣснѣ говорится, какъ мать снаряжаетъ своего сынка, уда̀лаго мо̀лодца, ѣхать во сыръ боръ по ягодку, выбрать себѣ изъ малинъ малининку, изъ княгинь княгинюшку:

«Ива̀на ма̀тушка
По-ранѐнька бу̀дила,
Харашѐвька у̀чила,
На ко̀маня [3]) пасо̀дила,
Въ ру̀чку плётку по̀дала,
Варата̀ аттво̀рила,
Путь-доро̀жку вка̀зала.
«Паяжжа̀й, маё дѝтитка,
Ва сыръ боръ па я̀гадамъ!
Выбира̀й, маё дѝтитка,
Съ я̀гыдъ я̀гыдку,
Съ малѝнъ малѝнинку,
Съ княгѝнь княгѝнюшку!»
«Гасударыня, матушка!
Мнѣ ня вы̀брать самаму̀,
Если Богъ не вы̀бирить,
Гасуда̀рь не пажа̀лупть».

На погостъ ѣдетъ женихъ среди своей «поѣзды̀», въ однихъ саняхъ съ «подкня̀жимъ», а «дружко̀» на всякій случай, для отвода бѣды, ѣдетъ впереди. Пріѣхавъ на погостъ, женихъ, по заведенно̀му обычаю, катается со своей «поѣздо̀й», а «послѣ вѣнца̀», какъ уже сказано, отъѣзжаетъ къ невѣстѣ.

По пріѣздѣ въ деревню невѣсты женихъ опять катается съ «поѣздо̀й» по деревнѣ, пока невѣста закусываетъ со своими «поѣзжа̀нами». Затѣмъ, невѣсту надѣляютъ еще

[1]) «Жѝтнае» (житное)=ячменное; «жѝто=ячмень. Здѣсь указано «житное» тѣсто, можетъ быть, вслѣдствіе созвучія съ словомъ «жить», такъ какъ все идетъ «къ житью», къ прибыли. [2]) «честь держать надъ к.-л»=почитать к.-л. [3]) «на ко̀маня»=на коня; въ разговорѣ не употребляется.

разъ. Надѣляютъ ее «сызнова» всѣ: и родители, и «пордда», и знакомые, и женихова «поѣздà». Приходитъ надѣлить невѣсту и самъ женихъ съ «подкняжимъ»; надѣлятъ и уходятъ.

Накатавшись дд-сыта, женихъ съ «поѣздой» сгоняютъ своихъ лошадей на дворъ къ невѣстѣ. Тутъ приходитъ въ йзбу, гдѣ сидитъ невѣста за столомъ съ «боярками», «тысяцкій съ пирогомъ»; положитъ «пирдгъ» на столъ, на «пирдгъ» денегъ и сядетъ за столъ. Приходитъ еще «дружкд». Какъ только «дружкд» въ йзбу, «бдльшая боярка спрашиваетъ его:

— «Абъ чёмъ [1]) ты хдднишь: абъ мѣсти, аль абъ невѣсти, иль объ насъ, гдрдыхъ баярыникъ?»

— «Я хажỳ,—скажетъ «дружкд»,—и абъ мѣсти, и абъ невѣсти, и абъ васъ, гдрдыхъ баярыникъ. Я прихажỳ въ васъ [2]) мѣсто пакупàть».

«Боярка» отвѣчаетъ: «видь [3]) въ насъ [4]) княгйня ддрыга: аднà бровъ [5]) сто рублёвъ, а самдй и цанй [6]) нѣту!»

«Дружкд» вынимаетъ сейчасъ изъ кармана пясть «мѣдякдвъ [7]) и «хлопъ» на столъ.

— «Нѣ, говорятъ «боярки», вы люди багàтыи, въ васъ шàпки рагатыи; а мы люди бѣдныи, въ насъ вардты мѣдныи, мы ѐтакимъ жалѣзьимъ и лашадѐй не куёмъ. Пахадй-тка па йзьбйщу, сядь-ка на сталбйще, да подкряпй [8])-тка свай лаптйщи, тагдй апять прихади!»

Нечего дѣлать, беретъ «дружкд» деньги взадъ и выходитъ за порогъ; мало годя, опять приходитъ. Ему говорятъ:

— «У насъ вотъ выстроинъ тѐримъ съ четырёмъ углàмъ, а крышки нѣту; такъ пакрой-ка!»

Тутъ «дружкд» кладетъ на столъ бумажку (конечно, денежную).

— «Ну да видь [9]), замѣчаютъ «дружкỳ», крышку нàдо гвоздьимъ прикалатйть, а то вѣтрымъ яѐ сарьвѐть».

Здѣсь «дружкд» кидаетъ на бумажку нѣсколько «мѣдякдвъ» или серебра. Тогда «бдльшая боярка» обираетъ деньги (впослѣдствіи онѣ отдаются невѣстѣ) и выходитъ со всѣми «боярками» изъ-за стола; остается за столомъ только одна невѣста [10]).

Теперь «заступàетъ» [11]) за столъ женихова «поѣздà», а самъ женихъ подходитъ къ невѣстѣ, становится съ ней рядомъ и беретъ ее за руку. Всѣ стоятъ: молодые съ «поѣздой» за столомъ, а боярки» и остальные «на йзьбѣ» [12]). Тутъ «подкняжій» да еще какой-нибудь другой «поѣзжàнинъ» подходятъ къ невѣстѣ, берутъ большой платокъ за два угла и держатъ его, распустя, сзади невѣсты съ двумя зажженными вѣнчальными свѣчами, а «свàшка» (женщина) расплетаетъ невѣстѣ косỳ, дѣвичью красỳ.— Въ это время братъ невѣсты беретъ «ндживъ», становится къ стѣнѣ и, «пилюкая» [13]), кричитъ: «касỳ рѣжу, касỳ!» А «боярки» жалостно затягиваютъ:

Братъ сястры,
Не терàй [14]) касы:
Ѐта касà
Сто рублѐй дана!

Тутъ «подкняжій» подходитъ къ брату и даетъ ему денегъ, и братъ перестаетъ «рѣзать касỳ».—А «свàшка», знай, дѣлаетъ свое дѣло; расплела и ужъ заплетаетъ теперь невѣстину головушку на двѣ косы, «по-молодỳшьему», и одѣваетъ ей на голову «бàбій» [15]) (замужній) нарядъ,—«повдйникъ» [16]), подъ который и прячетъ косы; сверхъ

---

[1]) «абъ чёмъ»=объ чемъ. [2]) «въ васъ»=у васъ. [3]) «видь»=вѣдь. [4]) «въ насъ»=у насъ. [5]) «бровъ» = бровь. [6]) «цаны» = цѣны. [7]) «мѣдякй» = мѣдныя деньги. [8]) «подкрѣпйть», напр., лапти=починить лапти. [9]) «видь»—вѣдь. [10]) Весь этотъ обрядъ называется: «мѣсто покупать». [11]) «заступàть»=заходить. [12]) «на йзьбѣ»=въ избѣ. [13]) «пилюкàть»=водить по одному мѣсту ножомъ. [14]) «терàть»=портить. [15]) Отъ обычая крестьянъ называть своихъ женъ «бàбами». [16]) «Повдйникъ»—шапочка, сшитая для будняго употребленія изъ ситцу или кумачу, а для праздниковъ изъ штофной шолковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта.

«повойника» повязываетъ «косынку» [1]). Называется все это: «повязывать невѣсту» [2]). А какъ «повяжутъ», такъ «невѣста» становится уже «молодухой».

Когда «повяжутъ невѣсту», т. е., уберутъ ея голову «по-молодушьему», начинаютъ невѣсту хвалить въ пѣсняхъ, а жениха хулить, «дражнить» [3]). Таковъ обычай.—Вотъ пѣсня въ похвалу невѣстѣ:

«Адна ягадка въ бару расла,
Другая ягадка въ другимъ бару.
Ягадка съ ягадкой сакатилася,
Ягадка ягадки пакланилася,
Ягадка ягадки слово молвила:
«Ягадка, Марьюшка,
Гдѣ-жъ ты была?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Ва тваёмъ саду».
«Ягадка, ягадка!
Што-жъ ты дѣлала?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Ягадки брала».
«Ягадка, Марьюшка,
Ва што-жъ ты брала?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Въ тваю шапачку».
«Ягадка, Марьюшка,
Каму поднесла?»
Ягадка, Иванъ-жа князь,
Тваёму батюшки».
То умна, то умна,
То дагадлива,
Нѣчива умную пиряучивать».

По окончаніи этой пѣсни, какъ говорится, «абманивають сыромъ»; обманываютъ всѣхъ: и «молодыхъ» (т. е., жениха и невѣсту) и «поѣзжанъ». Дѣлается это такъ. Передъ «молодыми» ставятъ чашку съ творогомъ и въ ней двѣ ложки. Какъ только женихъ или невѣста «намѣрится» взять ложку съ творогомъ въ ротъ, а «подкняжій» и «вихъ» ложку на-бокъ и останется человѣкъ съ открытымъ ртомъ. Ну тутъ, конечно, смѣхъ. Да, говорятъ, это и дѣлается для смѣху. Однако, «молодые» какъ-нибудь таки ухитрятся полакомиться сыркомъ. Та-же самая первоначальная неудача попробовать сыру повторяется и съ каждымъ изъ «поѣзжанъ»: все «подкняжій обманываетъ. Но въ концѣ концовъ всякій самъ изловчится обмануть «подкняжаго».

Послѣ этой шутки «дражнятъ» жениха въ пѣсняхъ. Достается тутъ и «боярамъ-поѣзжанамъ» за нескладнаго жениха. Поютъ:

«Вы бояры, лохавьё!
Вы пашнямъ ѣхали,
Вы бароны [4]) видили.
Чяво-жъ вы ихъ не возьмали
Да жаниха не вычесали?
Вы борымъ ѣхали,
Вы хвощъ видили.
Чяво-жъ вы нѣ-взяли
Да жаниха не вымыли?»

Или еще:

«Марьюшка—ягадка наливная,
А подабувка скарузлая—Иванъ Максимовичъ.
Марьюшка, атадьвинься!
Ёнъ ня твой жанишокъ;
Ёнъ каровій пастушокъ.
Ёнъ и въ поля ганялъ,
Суму валачилъ
И кусочки зьбиралъ».

---

[1]) «Косынка»—трехугольный платокъ. [2]) Такъ принято ходить у насъ молодымъ замужнимъ женщинамъ. Совсѣмъ недавно вышелъ изъ употребленія высокій «кокошникъ», исключительно праздничное украшеніе молодыхъ женъ. [3]) «дражнить» = дразнить. [4]) «бароны»=бороны отъ борона: извѣстное замледѣльческое орудіе съ зубцами.

Послѣ какъ «подра̀жнятъ» жениха, ведутъ «молодыхъ» съ «подкняжимъ» кормить обѣдомъ въ отдѣльную, такъ называемую «отхо̀жую» избу [1]), а «поѣзжа̀нъ» и всѣхъ остальныхъ гостей кормятъ въ другой избѣ.

Теперь «боярки» начинаютъ «обыгрывать» обѣдающихъ, т. е., онѣ поютъ пѣсни жениху или «поѣзжа̀нину» аль просто званому гостю, а тотъ за такой почетъ даетъ имъ денегъ. Принимаетъ деньги «первая боярка» и кланяется давшему, а съ ней кланяются и всѣ «боярки».—Для «обыгрыванья» есть разныя пѣсни: особыя жениху и женатымъ «поѣзжа̀намъ», особыя холостой «поѣздѣ» и особыя простому гостю. Поются боярками» эти пѣсни, стоя кучей въ избѣ, съ приплясываньемъ.

Жениху и женатымъ «поѣзжа̀намъ» поютъ «вѐрьбинка кудря̀ва» и «дали̇̀на-ль мая̀ дали̇̀нушка». Въ первой пѣснѣ воспѣвается задушевная ласка жены, ея нѣжная привязанность къ своему милому мужу. Все это относится къ обыгрываемому и его женѣ.

«Вѐрьбинка кудря̀ва—
Микала̀й Сямёновичъ [2]).
Выраста̀ла вѐрьбинка
Ва зялёнымъ ло̀зьнички;
Расцвята̀ла вѐрьбинка
Въ зялёнымъ са̀дики.
Ка ѐтай ка вѐрьбинки
Пригули̇̀ла ба̀рыня,
Яво̀ малада̀ жана̀,
Анна Ляксѣ̀ивна [3]);
Вѐрьбинку накло̀нила,
Мако̀вушку сло̀мила,
На ру̀чку пало̀жила:
«Какъ ѐта вѐрьбинка
На руки̇̀ лягòшинька,
Живату̀ милёшинька!»

Во второй пѣснѣ восхваляется житейская мудрость жены: ея удивительное умѣнье жить въ ладу со своимъ мужемъ, и въ концѣ рисуется картина родительскаго счастья.—Въ пѣснѣ разсказывается, какъ одинъ уда̀лый мо̀лодецъ вздумалъ почваниться надъ своей женой и похвастаться передъ другими ея послушностью, просилъ ее поднять будто-бы нечаянно уроненныя имъ съ лошади шляпу пуховую и плетку шелковую; и какъ жена съ неподражаемымъ, чисто женскимъ, искусствомъ съумѣла отклонить отъ себя, съ соблюденіемъ своего достоинства и съ сохраненіемъ достоинства своего мужа, эту нелестную для нея мужнюю потѣху. Поводомъ уклониться отъ мужней шутки послужило кормленіе дитяти, ихъ теперешней и будущей отрады. Значитъ, источникъ согласія между супругами въ ихъ общей любви къ дѣтямъ.

«Дали̇̀на-ль мая̀, дали̇̀нушка!
Раздо̀ліице широ̀кае!
Па ѐтуй па дали̇̀ны
Сивагри̇̀вый конь бяжи̇̀ть.
До̀брая ло̀шадь
Зану̀здына, засѣ̀длына;
На канѣ̀ сидить
Добъ [4]) мо̀ладицъ
Микала̀й Сямёновичъ [5]);
Ѐнъ чва̀ница, лама̀ица,
Сваёй жандо̀й выдваря̀ица [6])
«Жана̀-ль мая̀, ба̀рыня,
Врани̇̀лъ [7]) плётку шилкаву̀ю,
Ящо̀ шляпу пухаву̀ю;
Пада̀й шляпу пухаву̀ю,
Пада̀й плётку шилкавую!»
«Ня-йду̀, ня-йду̀, ня слу̀шію!
За сто̀ликомъ сижу̀, за дубо̀вымъ
И за ска̀тирьтямъ за бра̀нымъ
И за ѣ̀ствамъ сaха̀рнымъ;
Дитю̀ карьмлю̀ каха̀ную
Табѣ̀, князю, для вы̇изду,
А мнѣ̀ младо̀й для вы̇ходу.
Люди бу̀дуть намъ сва̀тыца,
А мы бу̀димъ чва̀ница».

---

[1]) Крестьянскія избы строятся у насъ «связью»: одна изба противъ другой; соединяются онѣ сѣнями. Живутъ, обыкновенно, въ одной избѣ и называется она «жило̀й», другая служитъ кладовой и называется «отхо̀жей» избой. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ—свадьба, похороны, поминки, и «отхо̀жая» изба обращается въ «жилу̀ю».
[2]) для примѣра. [3]) для примѣра. [4]) «добъ»=добрый, хорошій. [5]) для примѣра.
[6]) «выдваря̀ться»=хвастаться. [7]) «врани̇̀ть»=уронить.

Холостому «поѣзжанину» поется: «хто-жъ у насъ хардшинькій?» Начинается пѣсня хвалой щеголеватому красавцу-молодцу и заканчивается нѣжной лаской голубушки-дѣвушки при встрѣчѣ съ своимъ милымъ послѣ томительной разлуки:

«Хто жъ у насъ хардшинькій,
Хто-жъ у насъ пригожинькій?
Михайла Иванычъ [1]).
Ёнъ хдрашо ходить,
Манѐрно ступаить,
Сапогъ не ламаить,
Каблукъ не сбиваить.
Пд-лугу, лужѐчку,
Лугу зилянбму
Мдладицъ гулянить;
Енъ коня имаить [2]),
А конь съ имъ играить;
На каня садйца,
А конь висялйца;
Ёнъ плётычкуй машить,
А конь подъ имъ пляшить;
Къ саду падъяжжаить,
Садикъ расцвятаить,
Падружка встрячаить:
«Падй, мой хардшій!
Падй, мой пригожій!
Всю я ночь не спала,
Перйнушку слала,
Згалдвійце клала!
Згалдвье вкладала,
Слязамъ обливала,
Тябя не даждала!»

Свадебная пѣсня простому гостю: «А хто-жъ у насъ званый госьть?» Въ ней говорится о томъ почетѣ, который всюду сопровождаетъ этого гостя:

«А хто-жъ у насъ
Званый госьть?
Яхймъ Митривичъ [3]).
Въ любвй пдзвана,
Въ чесьтй посажина
За дубдвымъ стдликомъ,
За ѣствамъ сахарными,
За медамъ абарными [4]).
Шалкдвая бардушка,
Сярѐбриный усдкъ!
Вадйли бараду,
Па пирамъ, бясѣдушкамъ,
Всё па званымъ свадибкамъ;
Честавали бараду,
Всё сытой да патыкуй».

Особая пѣсня поется тысяцкому:

«У насъ тысяцкій хардшинькій,
У насъ тысяцкій пригджинькій:
Барада шалкдвая,
Усдкъ сярѐбриный;
Въ чесьтй пасажина
За дубдвымъ столикомъ,
За ѣствамъ сахарными,
За медамъ абарными.
«Ты паслушій, тысяцкій,
Што табѣ играють игрйцы,
Мыладыи дявицы!
Захатѣли игрйцы
Съ тибѐ падарачковъ:
Канхѐтъ да пряньничковъ,
Да пивца па кдвшичку,
Да винца па чарычки
Да па златой грйвинки.

Въ это время тысяцкій раскошеливается, а пѣвицы продолжаютъ:

«Не усьпѣли игрйцы
Пѣсьни сьпѣть,
Атъ ядд дары пашлй,
Всё падарки частыи,
Паклдны нйзкіи».

[1]) для примѣра. [2]) «имать»=ловить. [3]) для примѣра. [4]) «абарный»=обарный отъ обаривать (ошпаривать горячей водой).

Кончится обѣдъ, кончится и «обыгрыванье».—Послѣ обѣда живо собираются и ѣдутъ къ жениху. Снаряжаютъ родители свою милую доченьку не въ дальнюю путь-дороженьку, въ рѣдкое свиданiйце, въ частое цѣлованiйце.—Теперь-же везутъ и невѣстино «добрó». Къ жениху ѣдетъ двѣ «поѣзды»: его «поѣздá» и невѣстина. «Молодые» садятся въ однѣ сани и ѣдутъ въ серединѣ всей поѣзды.—Надѣльный образъ беретъ къ себѣ «подкняжiй», если не гораздъ хмѣленъ, а то «дружкó», или кто изъ поѣзжáнъ потверезѣй»[1]); а не окажется такого, такъ беретъ къ себѣ и самъ женихъ.

На дорогѣ въ попутныхъ деревняхъ «жúхари»[2]) выходятъ смотрѣть свадьбу. Ребятишки первые поджидаютъ ее, высматриваютъ ѝздали; и чуть завидятъ, кричатъ во все горло: «свáдьба ѣдить! свáдьба ѣдить!» Тутъ выбираются на улицу мужики и бабы и станутъ всѣ около дороги. Какъ только свадьба поравняется съ толпой, бабы начинаютъ «играть пѣсни». Свадьба останавливается. Мужики, какъ не занятые ни чѣмъ, придвигаются поближе; кто здоровается съ знакомыми, а кто просто смотритъ «молодыхъ». «Дружкó» въ это время соскакиваетъ съ саней, подходитъ къ жениху и подставляетъ ему свою шапку, тотъ кидаетъ туда денегъ и изъ мѣшка сыплетъ, «солодовы́хъ орѣховъ»[3]). Кончатъ бабы пѣсню, «дружкó» подходитъ къ нимъ, поклонится низенько, чинъ-чúномъ, и скажетъ: «мáлое примúти, а на бóльшее не судити!» Здѣсь какая-нибудь баба подставляетъ ему передникъ, а не то и прямо подолъ, и онъ «грохъ» ей туда изъ шапки деньги и орѣхи, и свадьба ѣдетъ дальше. Бабы деньги берутъ себѣ, а орѣхи раздаютъ ребятишкамъ.

Дома у жениха встрѣчаютъ «молоды́хъ» батька и матка съ «óбразомъ», съ хлѣбомъ и солью. «Молодые» поцѣлуютъ икону, перецѣлуются съ родителями и примутъ хлѣбъ-соль нá-руки. «Молоды́хъ», обыкновенно, ждутъ въ избу черезъ дворъ[4]). Въ сѣняхъ ихъ осыпаютъ «хмѣлемъ и житомъ»; «жúтомъ», чтобы жúлось долго, а «хмѣлемъ», чтобы жúлось весело.—Здѣсь-же, въ сѣняхъ, начинаютъ «дражнúть» невѣсту подобно тому, какъ у невѣсты «дражнúли» жениха. Ей поютъ:

«Ты падѝ, спесúвая!
Ты падѝ, ламлúвая!
Не мы тибѐ свáтали,
Ты самá набивáлася,
Въ варатáхъ настаялася,
Въ калѐчко набрячáлася!»

Намекается въ иныхъ припѣвахъ насчетъ близкихъ уже брачныхъ отношенiй невѣсты къ своему суженому.

Справятъ дѣдóвскiй обычай, «подрáжнять» невѣсту, и ведутъ ее, жениха, «подкняжаго» «свáшекъ»—мужчинъ и «свáшекъ»—женщинъ въ «отхóжую» избу «давать обѣдать», а всѣ другiе обѣдаютъ въ «жилóй» избѣ.—Тутъ гостямъ подносятъ по два ковша вина и ставятъ кушанья, а «боярки» начинаютъ снова «обыгрывать» всѣхъ, какъ было у невѣсты. Послѣ обѣда раздается всѣмъ по кусочку «кýрника». Это жареная курятина, которую привозитъ съ собой невѣста. Раздаетъ «кýрникъ» женихова матка.—Пока отправятъ этотъ обѣдъ (отъ невѣсты-то прiѣзжаютъ поздновато), смотришь, и спать пора. А кто стелетъ «молоды́мъ» постель, тому невѣста даритъ поясъ.

На другой день послѣ свадьбы «молодые» идутъ вмѣстѣ пиво цѣдить и этимъ пивомъ подчуютъ сначала свекра и свекровь; а потомъ и остальныхъ гостей. Послѣ-же

---

[1]) «твере́зый»=трезвый. [2]) «жúхарь»=жилецъ, житель. [3]) «Солодовые орѣхи»—это катышкú изъ солодоваго тѣста. У жениха всегда всегда находится въ саняхъ мѣшочекъ съ этими орѣхами «на потѣху» ребятишкамъ. Они замѣняютъ лавочные гостинцы, такъ какъ солодовое тѣсто тоже сладко. Выходитъ и дешево, и сердито [4]) «Скотскiй дворъ» у насъ пристраивается рядомъ съ избами. Изъ сѣней есть ходъ во дворъ.

этого «молодые» съ крестнымъ батькой жениха и съ его крестной маткой ѣдутъ на «атводины» къ родителямъ невѣсты. «Обѣдаютъ» тамъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ родителями невѣсты ѣдутъ «обѣдать» къ жениховымъ родителямъ въ тотъ-же день, а загостятся, такъ и на другой [1]).—Этими «атводинами» и кончается празднество Маричельской крестьянской свадьбы.

М. Успенскій.

---

[1]) Если невѣста окажется потерявшею свое дѣвство раньше замужества и женихъ этого не скроетъ, то «сватамъ» (родителямъ невѣсты) надѣваютъ хомуты или за обѣдомъ подаютъ дырявыя ложки. Если-же все по хорошему, то радости нѣтъ конца и тогда пируютъ на славу.

Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими.

Финскому Литературному Обществу въ Гельсингфорсѣ, которое съ самаго своего основанія въ 1831 г. и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особеннымъ стараніемъ заботилось о разысканіи произведеній финской народной поэзіи и изданіи ихъ въ печати, удалось пріобрѣсти себѣ запасъ образцовъ произведеній финскаго народнаго творчества числомъ до 200,000 и среди ихъ 20,000 народныхъ сказокъ. Изъ послѣднихъ изданы до сихъ поръ подъ редакціею К. Крона сказки о животныхъ и часть миѳическихъ сказокъ (въ 1893 г.) подъ заглавіемъ „Suomalaisia kansansatuja II, Kuninkaallisia satuja I" (Финскія народныя сказки II ч., Сказки о короляхъ I ч.) въ многочисленныхъ варіантахъ, записанныхъ по всей области финскаго населенія.

Мы намѣрены представить нѣсколько образцовъ финскихъ сказокъ, съ указаніемъ главныхъ особенностей ихъ въ Финляндіи. Въ обзорѣ характеристическихъ чертъ каждой сказки, который мы составимъ изъ варіантовъ какъ помѣщенныхъ въ упомянутомъ выше сборникѣ, такъ и присланныхъ Обществу послѣ выхода этой книги, мы, главнымъ образомъ, будемъ обращать вниманіе на тѣ черты, которыя имѣютъ значеніе для сравнительнаго изслѣдованія народныхъ сказокъ. Съ тою же цѣлью мы будемъ приводить къ каждой сказкѣ списокъ извѣстныхъ намъ какъ русскихъ, такъ и другихъ славянскихъ варіантовъ.

Три диковинки и волшебныя яблоки.

Санктъ-Михельская губ., Іоройненъ; Suomal. kansansatuja II, 1, № 8a, стр. 39.

Три брата, всѣ трое солдаты, охотясь развели огонь и расположились вокругъ него. Въ продолженіе трехъ ночей къ нимъ приходитъ старикъ и въ награду за указаніе пути даетъ каждому изъ нихъ по волшебному предмету: младшему неистощимый кошелекъ, среднему скатерть-самобранку и старшему плащъ-невидимку. Возращаясь съ охоты младшій покупаетъ въ подарокъ своимъ братьямъ по постоялому двору, самъ же идетъ свататься за королевскую дочь, которая похищаетъ у него какъ кошелекъ, такъ и полученные отъ братьевъ скатерть и плащъ. Солдатъ, переодѣвшись продавцомъ, продаетъ королевнѣ-воровкѣ крупныя, найденныя имъ на одномъ островѣ яблоки, имѣющія волшебное свойство превращать въ бѣлую лошадь, если ѣшь одно яблоко, и выращать на головѣ большіе рога, если ѣшь два. Съ помощью другихъ, болѣе мелкихъ яблоковъ, возвращающихъ человѣческій видъ, онъ, переодѣтый уже иностраннымъ врачомъ, излѣчиваетъ королевну и получаетъ за это обратно диковинки, королевну же беретъ себѣ въ жены.

Сказка о трехъ диковинкахъ и волшебныхъ яблокахъ встрѣчается одинаково часто во всѣхъ частяхъ Финляндіи. Западно-финляндскіе и восточно-финляндскіе варіанты этой сказки во многомъ отличаются другъ-отъ-друга. Во всѣхъ варіантахъ диковинки получаютъ три брата, почти всегда солдаты, лишь въ восточныхъ частяхъ страны говорятъ иногда объ одномъ человѣкѣ, получающемъ вещи. О томъ, какъ достаются вещи почти во всѣхъ западныхъ частяхъ Финляндіи, говорится какъ въ приведенномъ выше варіантѣ, на востокѣ же большею частью не говорится о томъ, какъ братья сторожили у огня, а старикъ даетъ вещи въ благодарность за табакъ или, что рѣже, солдатъ похи-

щаетъ диковинки отъ чертей, дерущихся изъ-за нихъ. Какъ братьевъ, такъ и чудесныхъ вещей три, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ одна или двѣ. Между ними всюду встрѣчается неистощимый кошелекъ, довольно обыкновенно также шляпа (шапка) невидимка, рѣже камень; плащъ невидимка встрѣчается только въ изложенномъ варіантѣ.

Въ 16-ти варіантахъ (изъ 50) является еще скатерть—самобранка (салфетка, простыня) и въ 20-ти мечъ (палка), изъ котораго выходятъ войска или который избиваетъ, сколько пожелаешь, враговъ. Плащъ (коверъ)—самолетъ, который въ варіантахъ другихъ странъ часто бываетъ въ числѣ чудесныхъ вещей, въ Финляндіи рѣдокъ. 4 раза замѣняетъ его мѣсто корабль, плавающій по сушѣ и по морю. Теряетъ всѣ диковинки въ большинствѣ случаевъ младшій братъ, только въ двухъ варіантахъ теряетъ свою вещь каждый изъ братьевъ, нѣсколько чаще младшій съ самаго начала получаетъ отъ старика всѣ три вещи. Въ роли воровки въ западныхъ частяхъ Финляндіи выступаетъ всегда королевна, и обыкновенная, въ варіантахъ Финляндіи восточной, лишь на дальнемъ востокѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ говорятъ иногда о дочери императора или царя *). Потерянныя вещи возвращаются всегда съ помощью плодовъ, приносящихъ необыкновенныя послѣдствія. Что касается рода плодовъ, то въ этомъ западно-финляндскіе варіанты ясно отличаются отъ восточно-финляндскихъ. На самомъ западѣ говорятъ всегда о яблокахъ, въ восточной Финляндіи и въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой—за исключеніемъ немногихъ варіантовъ о ягодахъ (русская форма), въ среднихъ же частяхъ страны яблоки и ягоды встрѣчаются одинаково часто. Плоды всюду производятъ рога, иногда же вдобавокъ дѣлаютъ волосатымъ. Цѣлебные плоды, уничтожая рога, въ восточныхъ варіантахъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ красоту (русская форма) Силу плодовъ солдатъ узнаётъ собственнымъ опытомъ и находитъ ихъ большею частью на далекомъ островѣ, куда онъ попадаетъ въ лодкѣ, отдавшись на волю вѣтра, рѣже въ лѣсу или въ саду. Они не всегда продаются королевнѣ, а такъ-же часто дарятся ей. Эта часть сказки въ восточной Финляндіи имѣетъ нерѣдко слѣдующій видъ: ягоды или яблоки, сообщающія красоту, солдатъ даетъ сначала прислугѣ королевны и, возбудивъ къ нимъ этимъ путемъ вниманіе королевны, продаетъ или даритъ ей другія съ противоположной силой. Переодѣвается врачомъ солдатъ во всѣхъ варіантахъ, но не всѣ они оканчиваются его свадьбою съ королевной.

Разсказъ о чудесныхъ плодахъ не разъ сплетался въ Финляндіи со сказкою „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, но рѣдко при этомъ сохранились вмѣстѣ яблоки и рога, чаще встрѣчаются трава, превращающая въ лошадь, и ягоды, то дѣлающія рогатыми, то превращающія въ животное (въ медвѣдя, тигра).

Мы встрѣчали эту сказку въ слѣдующихъ сборникахъ русскихъ сказокъ: Аѳанасьевъ, Нар. русск. ск. (2 изд., 1873), Т. II, № 113a, b, c, стр. 138—150 съ варіантами; Эрленвейнъ, Нар. русск. ск., стр. 26 и 40; Изв. Имп. Общ. люб. ест., антр. и этн. Т. XXX, Вып. 2, № 5, стр. 230; Худяковъ, Великор. ск. I, стр. 40; Шейнъ, Мат. для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣверо-запад. края. Т. II, № 78, стр. 163; Романовъ, Бѣлор. сб. Вып. III, № 23, стр. 181; № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Гринченко, Этногр. мат. Вып. II, № 184, стр. 258.

Разсказъ о чудесныхъ яблокахъ, вошедшій въ составъ сказки „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, находится:

У русскихъ: Аѳанасьевъ, Т. II, № 115, стр. 162; Худяковъ, Вып. I, стр. 105; Садовниковъ, Ск. и пред. Сам. кр. № 22, стр. 108; Добровольскій, Смол. этн. сб. ч. I, № 27, стр. 561; Ястребовъ, Мат. по этн. Новор. края. № 16, стр. 148; Гринченко, № 183. стр. 247.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven № 39, стр. 187; Haldau, Böhmisches Märchenbuch, стр. 90.

---

*) При изслѣдованіи финскихъ сказокъ употребленіе названія короля или императора (царя) имѣетъ значеніе. Если сказка перешла въ Финляндію съ Востока, то даже въ самыхъ западныхъ частяхъ страны можно встрѣтить въ ней названіе императора, въ случаѣ же перехода сказки съ Запада „король“ обыкновененъ въ ней и въ восточной Финляндіи.

Мужъ ищетъ свою жену.

Улеаборгская губ. Пиппола; Suomalaisia Kansansatuja. II, 1, № 12, стр. 77.

Три дѣвицы, обратившись въ птицы, прилетаютъ въ опредѣленную ночь каждаго лѣта на ниву богатаго крестьянина и, сбросивъ свою птичью одежду, топчутъ хлѣбъ. Три крестьянскихъ сына по очереди сторожатъ ниву. Младшему удается похитить одну изъ птичьихъ одеждъ и онъ не возвращаетъ ее дѣвицѣ, пока та не соглашается сдѣлаться его женою. Король, въ восхищеніи отъ ея неописанной красоты, задаетъ крестьянскому сыну три задачи: въ одну ночь срубить всѣ деревья большого дубоваго лѣса, другую опять поднять ихъ, а кромѣ того отыскать ключи отъ крѣпости, пропавшіе еще при его дѣдѣ. Совершивши съ помощью жены двѣ первыя задачи, во время исполненія третьей онъ падаетъ съ лошади въ незнакомой странѣ, потому что, не смотря на запрещеніе жены, оглядывается. Жена, считая мужа погибшимъ, улетаетъ за черное и бѣлое моря въ подводный дворецъ въ красномъ морѣ. Наконецъ мужъ возвращается и отправляется въ поиски за женою, взявъ обманомъ шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и мечъ-самосѣкъ у 3 человѣкъ, дерущихся изъ-за нихъ. Двѣ дѣвицы, перевозящія его черезъ бѣлое и черное моря, требуютъ себѣ въ награду обѣ его руки, но онъ съ помощью шляпы-невидимки избавляется отъ нихъ. Третья дѣвица на берегу краснаго моря, чтобъ узнать для него о подводномъ дворцѣ, созываетъ всѣхъ птицъ и рыбъ. Одинъ китъ знаетъ о немъ и на своей спинѣ везетъ туда человѣка. На крыльяхъ жены они возвращаются къ нему домой.

Кромѣ 47 варіантовъ этой сказки, находящихся въ упомянутомъ выше сборникѣ, въ рукописяхъ, присланныхъ Обществу послѣ его выхода, мы нашли еще 20 варіантовъ. Слѣдовательно, это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ сказокъ въ Финляндіи и одинаково распространена во всѣхъ частяхъ ея. Естественно, что такая сложная сказка подверглась многимъ измѣненіямъ. Она почти всегда начинается такъ, какъ и въ изложенномъ нами варіантѣ, лишь съ тою варіаціей въ восточныхъ частяхъ, что дѣвицы прилетаютъ не топтать хлѣбъ, а купаться, и въ этомъ случаѣ онѣ всегда являются, въ видѣ водныхъ птицъ, лебедей или гусей. Въ нѣсколькихъ варіантахъ западной Финляндіи крестьянскій сынъ за то, что въ продолженіе 3 ночей сохраняетъ въ чистотѣ данную королевной тарелку или твердо выдерживаетъ другія испытанія чорта и этимъ избавляетъ королевну отъ него, получаетъ ее себѣ въ жены. Родъ птицъ въ западныхъ частяхъ страны не точно опредѣленъ; нерѣдко говорятъ, что дѣвицы прилетаютъ къ нивѣ. Число дѣвицъ, такъ же какъ и братьевъ, всегда три, время же, въ которое онѣ топчутъ поле, если оно точно обозначено,—Иванова ночь. Что касается того, какимъ образомъ человѣкъ теряетъ свою жену, то въ западной и средней Финляндіи всегда говорится о королевскихъ задачахъ и о паденіи крестьянскаго сына съ лошади во время поисковъ ключей. на востокѣ же разсказъ часто видоизмѣняется введеніемъ въ сказку слѣдующаго эпизода: человѣкъ долженъ три раза прійти въ церковь на свиданія съ женой и бодрствовать до ея прихода, но колдунья всякій разъ усыпляетъ его волшебной иголкой, вслѣдствіе чего королевна удаляется отъ него и оставляетъ письмо, въ которомъ наказываетъ ему искать себя. Въ западной и южной Финляндіи задачи назначаетъ отецъ королевы, сѣвернѣе чужой король, самъ желающій жениться на прекрасной женѣ человѣка. Самыя задачи большею частью именно тѣ, о которыхъ говорится въ изложенномъ образцѣ съ тѣмъ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что двѣ первыя, имѣющія менѣе важное значеніе въ сказкѣ, иногда забываются. Падаетъ съ лошади человѣкъ не всегда вслѣдствіе нарушенія запрета оглядываться, иногда это происходитъ отъ того, что лошадь пугается сторожившихъ у воротъ льва или медвѣдя. Иногда мотивъ къ паденію усиливается тѣмъ, что звѣри ударяютъ лапами лошадь. Разсказъ о трехъ моряхъ: бѣломъ, черномъ и красномъ (рѣдко синемъ) и о трехъ длинно-носыхъ женщинахъ, перевозящихъ черезъ нихъ, на востокѣ встрѣчается рѣже, и всегда въ болѣе или менѣе блѣдныхъ чертахъ. Отъ этихъ женщинъ человѣкъ избавляется иногда, не прибѣгая къ помощи чудесныхъ вещей, но его спаса-

ютъ (въ особенности въ западныхъ варіантахъ) три звѣря: медвѣдь, левъ и волкъ или тигръ (братья королевны, превращенные въ животныя), на другомъ берегу каждаго моря, раздирающіе на куски перевозящую женщину. Въ варіантахъ, въ которыхъ говорится о чудесныхъ вещахъ, человѣкъ или похищаетъ ихъ отъ спорщиковъ или присваиваетъ себѣ другимъ образомъ, напр., крадетъ изъ разбойничьяго дома. Между вещами всюду встрѣчаются сапоги-скороходы и шляпа- (шапка-) невидимка; что-же касается третьей вещи, то она большею частью или мечъ-самосѣкъ или скатерть-самобранка. Старуха спрашиваетъ у птицъ о дворцѣ приблизительно въ десяти варіантахъ, но не всегда рыба увозитъ человѣка туда на своей спинѣ.

Изъ славянскихъ варіантовъ этой сказки намъ извѣстны:

У русскихъ: Аѳанасьевъ, IV, стр. 173; Эрленвейнъ, стр. 108, 139 и 145: Худяковъ, I, стр. 60; III, стр. 109; Шейнъ, Т. II, № 136, стр. 285; Рудченко, Нар. южнор. ск., Вып. II, стр. 114; Чубинскій, Труды этн.-стат. экспед. въ зап. русск. край. Юго-зап. отд. Матер. и изслѣд., Т. II, № 4, стр. 15; № 55, стр. 195; № 95, стр. 358; № 109, стр. 390.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, № 76, стр. 315; № 81, стр. 352; № 88, стр. 397; № 89, стр. 409; Toeppen, Aberglauben aus Masuren, Anhang, стр. 140; Wenzig, Westslaw. Märchenschatz, стр. 69; Wuk Karadschitsch, Volksmärchen d.Serben, № 4, стр. 25; Стефановић, Српске нар. приповjедке, № 16; Veljavec, Narodne pripovjedke, № 6, стр. 29; стр. 104; въ Archiv für slav. Philologie, T. V, стр. 45—46 упоминается еще нѣсколько варіантовъ.

Разсказъ о дѣвицахъ, прилетающихъ въ видѣ птицъ купаться къ морю, находится еще: Аѳанасьевъ I, стр. 282 ;Эрленвейнъ, стр. 169; Романовъ, Вып. III, № 21 стр. 172; Чубинскій, стр. 243; Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разсказы, стр. 278.

Эпизодъ о трехъ чертяхъ, спорящихъ о чудесныхъ вещахъ, встрѣчается также: Аѳанасьевъ II, № 107, стр. 99; II, № 115, стр. 158; Изв. Имп. Общ. Люб. ест., ант. и этн. Т. LXIX, Труд. этн. отд. Т. XI, Вып. I, № 2, стр. 166; № 7, стр. 176; № 8, стр. 178; Эрленвейнъ, стр. 139; Садовниковъ, № 7, стр. 52; Романовъ, Вып. III, № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Добровольскій, ч. I, № 27, стр. 561; Чубинскій, № 8, стр. 37; № 14; стр. 70; № 52, стр. 172.

Королевичи съ золотыми волосами и руками.

Або.—Бьернеборская губ., Pyobecu, Suomal. kansansatuja II, 1, № 1, стр. 1.

Три дочери бѣднаго крестьянина обѣщаютъ королю, если онъ женится на нихъ: старшая прокормить королевскія войска однимъ ржанымъ зерномъ, средняя однимъ льнянымъ сѣмечкомъ одѣть ихъ, младшая же родить королю 12 сыновей съ золотыми волосами и руками. Король женится на младшей. Во время его отлучки на войну родятся королевичи. Сестры изъ зависти подмѣниваютъ письмо, отправленное къ королю съ извѣстіемъ о рожденіи сыновей, другимъ: „королева родила 12 щенковъ“. Точно также подмѣнивается письмо короля: „щенковъ надо сохранить до моего пріѣзда“, такимъ: „королеву и королевичей приказываю убить“. Сжалившись относятъ 11 королевичей въ чащу, королеву же и старшаго королевича спускаютъ въ бочкѣ въ море. Бочка пристаетъ къ пустынному острову, гдѣ, благодаря волшебной силѣ, полученной королевичемъ во снѣ, является громадный торговый городъ и въ немъ великолѣпный дворецъ. Король, узнавъ отъ одного капитана объ этомъ городѣ и о королевичѣ съ золотыми руками, собирается съѣздить туда, но старшей сестрѣ королевы удается отговорить его. Въ концѣ концовъ онъ всетаки отправляется на островъ и находитъ жену съ 12 сыновьями: старшій волшебною силою возвратилъ къ себѣ своихъ братьевъ. Сестеръ бросаютъ въ бочкѣ въ море.

Сказка эта встрѣчается въ Финляндіи всюду, впрочемъ чаще въ восточныхъ частяхъ страны, въ Архангельской-же и Олонецкой губерніяхъ она особенно обыкновенна. Начинается она всегда разсказомъ о 3 сестрахъ, изъ которыхъ младшая обѣщаетъ ко-

ролю родить сыновей съ золотыми руками и серебрянными ногами, или съ луною на лбу и съ солнцемъ на макушкѣ, или золотыхъ дѣтей. Обѣщанія старшихъ сестеръ большею частью тѣже, что и въ изложенномъ варіантѣ. Иногда впрочемъ по аналогіи говорится объ обѣщаніяхъ всѣхъ сестеръ родить сыновей съ особенными, только не одинаковыми качествами. Въ 4 варіантахъ разсказывается объ одной дѣвушкѣ, соотвѣтствующей въ этомъ случаѣ младшей изъ трехъ сестеръ. Число дѣтей всегда такое, въ которое множителемъ входитъ три (3, 9, 12), за исключеніемъ двухъ варіантовъ, говорящихъ объ одномъ королевичѣ. Въ восточныхъ частяхъ довольно обычно число 9, въ западной же Финляндіи оно никогда не встрѣчается. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ случаѣ рожденія девяти дѣтей они почти всегда родятся тройнями, подмѣна письма встрѣчается далеко не вездѣ, и то чаще подмѣнивается лишь письмо съ извѣстіемъ о рожденіи королевичей, причемъ король самъ приказываетъ убить щенковъ (сыновей) или бросить ихъ въ бочкѣ въ море. Въ большинствѣ случаевъ, особенно на востокѣ, объ этомъ разсказывается такъ. Баба-ягà, приглашенная повивальною бабкою, тайно замѣняетъ родившихся королевичей щенками, и король, по возвращеніи домой, приказываетъ уничтожить ихъ. Сестры королевы очень рѣдко выставляются виновницами ея несчастія. Королеву и одного королевича бросаютъ въ бочкѣ въ море во всѣхъ варіантахъ, и во всѣхъ ихъ благодаря какой-нибудь сверхъестественной силѣ, заключенной нерѣдко въ волшебной вѣтви или полотенцѣ, появляется на островѣ дворецъ. Относительно того, какъ король узнаетъ о своей женѣ и сыновьяхъ, которыхъ онъ считаетъ убитыми, съ приведеннымъ образцомъ сходится лишь одинъ варіантъ. Въ восточной Финляндіи о новомъ городѣ и королевичахъ съ золотыми руками большею частью разсказываетъ въ королевскомъ дворцѣ нищій, случайно бывшій на островѣ. Въ западной же Финляндіи или сами королевичи пріѣзжаютъ съ острова во дворецъ отца (въ 2 варіантахъ на свадьбу короля съ дочерью Бабы-Яги) или король пріѣзжаетъ къ нимъ. Женщина-обманщица наказывается различнымъ образомъ: ее или привязываютъ къ лошадинымъ хвостамъ, или зарываютъ въ землю; въ море ее бросаютъ лишь въ приведенномъ варіантѣ. Русскіе варіанты: Аѳанасьевъ III, № 160, стр. 41, 45; IV стр. 378; Худяковъ, Вып. III, № 87, стр. 35; отчасти № 111, стр. 129—130 и № 117, стр. 194—195; № 112, стр. 131; Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXIII, стр. 179; Романовъ, Вып. III, стр. 296, 298 и 302; Чубинскій № 9, стр. 40; Рудченко, Вып. II, № 27, стр. 89.

Варіанты другихъ славянскихъ народовъ: Glinski, Bajarz polski II, стр. 53; Божена Нѣмцова, Slovenské pohádky a povésti, стр. 470; Wuk Karadschitsch, стр. 166; Српски летопис. 1872, Т. 114, стр. 141 (=Arch. f. slav. Phil. II, 3, стр. 627); Krauss, стр. 382.

По щучьему велѣнію.

Улеаборгская губ., Киттилэ; рукописный сборникъ Мурмана, № 25.

Мать посылаетъ своего лѣнтяя-сына принести рѣшетомъ воды. Въ рѣшето попадается щука, которая въ благодарность за то, что онъ отпускаетъ ее, обѣщаетъ, что все исполнится по его желанію, если только онъ произнесетъ слова: по щучьему велѣнью. По его желанію вода, и куча дровъ сами отправляются домой, и королевна родитъ ребенка. Король хочетъ узнать, кто отецъ ребенка. Тотъ отецъ его, кому онъ улыбнется. Ребенокъ улыбается лѣнтяю, котораго въ наказаніе сажаютъ на корабельную мачту. По щучьему велѣнію онъ съ мачты попадаетъ въ прекрасную страну, гдѣ его выбираютъ въ короли, сначала мѣднаго, затѣмъ серебряннаго и наконецъ золотого царства. Призвавъ къ себѣ короля, посадившаго его на мачту, лѣнтяй заставляетъ его отдать ему свою дочь въ жены. Въ концѣ концовъ онъ открываетъ королю, кто онъ, и даритъ ему, какъ тестю, мѣдное и серебрянное царства, самъ же остается въ золотомъ.

Эта сказка относится къ числу еще неизданныхъ. Въ періодическомъ изданіи

Финскаго Литературнаго Общества „Suomi II“, 17, стр. 338 перечисляются варіанты этой сказки, доставленные въ архивъ рукописей Общества до 1885 года. Всего 28, записанныхъ въ разныхъ частяхъ страны. Судя по этому, она весьма распространена въ Финляндіи.

Варіанты: Аѳанасьевъ I, № 100, стр. 511, 522; № 101, стр. 525; Эрленвейнъ, стр. 76; Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, Т. XXIII, стр. 202; Чубинскій, № 23, стр. 88; Рудченко. Вып. II, № 26, стр. 85; Kolberg, Pokucie V, № 75 (=Этнограф. Обозр., кн. XXII, стр. 119); Glinski I, стр. 195; Худяковъ, Мат. для из. нар. слов., стр. 20 (сербская).

А. Аарне.

Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка.

Въ рукописномъ сборникѣ свящ. Θеодора Поповича Тухлянскаго изъ половины XVIII-го вѣка, находящемся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (рукоп. н-ръ 2189), помѣщено, какъ дополненіе къ „книгѣ звѣздочетства“, начинающей рукопись, слѣдующее интересное указаніе „о недугующихъ“:

Вещи ѡ недꙋгꙋющих, ащели оумрет или ѡживетъ. Поищи воким дни ꙋні (?) разболитсѧ и сочитаи имѧ его ѡт рожденіѧ дниі его; сочтав сиѧ ѡстави на л҃; ѡставши ѧ аще бꙋдет во черлених числохъ, жив бꙋдет, аще во черныхъ, оумретъ. Сие черленѣ: а҃, г҃, д҃, г҃, ді҃, ѕі҃, ѳі҃, ки҃ (в живот); се чернѣ: ве҃, ѕ҃, є҃, з҃, и҃, ѳ҃, ві҃, єі҃, зі҃, иі҃, ка҃, кд҃, ке҃, кѳ҃, л҃—смертъ.

Аще хощеши ѡбрести ѡ недꙋжномъ или оумретъ или ѡживетъ, ѡтри емꙋ рꙋцѣ и нозѣ тѣстом, подаждъ сие ѱꙋ: аще снѣстъ, жив бꙋдет болний, аще неснѣстъ, то ꙋмретъ.

И паки инакъ: ѡмий рꙋцѣ и нозѣ недꙋжномꙋ теплою водою и пролѣи верхꙋ пса; аще ѡтрѧсетсѧ, то живъ бꙋдетъ болний, аще ли нестрѧсетъ сѧ, то ꙋмретъ и совершишасѧ. (л. 7—7 обр.).

Этотъ интересный авгурій не былъ еще никогда напечатанъ, хотя всѣ остальныя статьи сборника уже обнародованы. О немъ только вскользь упоминаютъ въ описаніи рукописи О. Калитовскій, въ львовской „Зорѣ“, 1884, н-ръ 8, с. 65, и В. Макушевъ, въ журналѣ Минист. Нар. Просв. т. 217, 1881, сент. с. 94. Здѣсь привожу его съ буквальной точностью, вводя только интерпункцію, которая въ рукописи вовсе не отмѣчена.

Ю. Яворскій.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія

Теогонія Гезіода и Прометей (Разборъ сказаній). Георгія Властова. Спб. 1897. 8° XX+579 стр. Цѣна 3 рубля.

Разбирая книгу г. Властова, мы не станемъ излагать всего ея содержанія, такъ какъ для этого пришлось-бы написать новую книгу, пожалуй, еще большаго объема. Все содержаніе гезіодовской Теогоніи авторъ раздѣляетъ на 32 сказанія, которыя онъ и разбираетъ отдѣльно, предпосылая каждому подстрочный переводъ греческаго текста. Мы въ своемъ разборѣ постараемся выяснить главные взгляды автора на свою задачу и общій характеръ его толкованій миѳологическихъ данныхъ. Для этого намъ придется собрать разбросанныя по всей книгѣ отдѣльныя замѣчанія и изъ нихъ возстановить его символъ вѣры. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ толкованія миѳовъ авторъ придерживается своихъ особыхъ взглядовъ, и отъ оцѣнки его общихъ положеній вполнѣ зависитъ и наше отношеніе къ его выводамъ.

«Основаніемъ каждаго сказанія, каждой легенды всегда служитъ фактъ. Фактъ этотъ есть или явленіе изъ физическаго міра, окружающаго человѣка, или событіе изъ его жизни. Сказанія не выдумываются и не сочиняются, а возникаютъ какъ разсказъ о событіи, или явленіи, и потомъ поэтически развиваются... Поэтому, при разсмотрѣніи каждаго сказанія необходимо искать: изъ какого факта могла возникнуть эта легенда? что именно она вспоминаетъ?» (171). Далѣе (281) авторъ говоритъ, что развитіе миѳовъ «имѣетъ нѣсколько моментовъ. Первый изъ нихъ всегда почти есть воспоминаніе о фактѣ, событіи;—потомъ побѣдная пѣснь,... утрачивая свое мѣстное значеніе, расширяется и охватываетъ всѣ событія [подобнаго рода]... и съ одной стороны начинаетъ переходить съ мѣста на мѣсто, а съ другой обобщаетъ всѣ факты... въ одномъ сказаніи». Здѣсь авторъ уже признаетъ, что главнымъ источникомъ миѳовъ являются историческія событія. Такіе миѳы онъ называетъ миѳами этническаго происхожденія. «Символическое значеніе придумывается миѳу въ послѣдующемъ его развитіи; первый же моментъ большей части миѳовъ имѣетъ этническое происхожденіе» (286). Такой первоначальный миѳъ, по мнѣнію автора, отличается простотой и ясностью. «Миѳъ въ началѣ всегда простъ и ясенъ и почти никогда не связывается съ какою-либо философскою или космогоническою теоріею» (442). Съ другой стороны, «мѣстныя легенды составлялись для прославленія тѣхъ фамилій, у которыхъ служилъ бардъ, который старался на основаніи мѣстнаго сказанія связать славный родъ съ богами и героями. Иногда легенда возникала отъ игры словъ, или древнихъ метафоръ, смыслъ которыхъ былъ утраченъ» (503). Наконецъ, что касается самаго метода изученія миѳологіи, то авторъ признаетъ, что «необходимо ее (миѳологію) разсматривать, такъ сказать, по слоямъ, стараясь возсоздать образъ миѳа, принадлежащаго только извѣстной эпохѣ, извѣстному моменту развитія общества» (531). Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, хотя, какъ мы увидимъ ниже, авторъ неправильно его примѣняетъ на практикѣ: онъ

раздѣляетъ сказанія на слои по заранѣе созданной теоріи, выведенной не изъ разбора самыхъ миѳовъ. Кромѣ того, и общая теорія автора кажется темною и запутанною. Если авторъ въ основу первоначальнаго миѳа кладетъ фактъ, который онъ по большей части понимаетъ какъ историческое событіе, то, естественно, является вопросъ, какъ мы можемъ добыть изъ миѳа его историческую основу. Вѣдь извѣстны намъ только миѳы, а не факты. Изъ словъ автора видно, что миѳъ отличается отъ факта своимъ метафорическимъ языкомъ, который первоначально, по мнѣнію автора, долженъ былъ быть простъ и ясенъ. Но существуетъ-ли хоть одинъ миѳъ, написанный этимъ яснымъ языкомъ? И какой критерій даетъ намъ право причислить тотъ или другой миѳъ къ первоначальнымъ, яснымъ миѳамъ или къ позднѣйшимъ, затемненнымъ? Кромѣ того, если миѳъ все-таки отличается отъ описанія событія, то и въ первоначальномъ миѳѣ мы должны признать извѣстную долю символизма: миѳъ, въ такомъ случаѣ, является символомъ событія и, для того, чтобы умѣть разгадывать миѳы, нужно умѣть понимать ихъ символическій языкъ. Но пониманіе этого языка требуетъ непремѣнно хоть нѣкотораго знакомства съ фактами, лежащими въ основѣ миѳовъ, а ихъ то мы и ищемъ. Слѣдовательно, получается почти безнадежное положеніе. Между тѣмъ, у автора существуетъ какой-то символическій лексиконъ, съ помощью котораго авторъ и переводитъ на историческій языкъ самые сложные миѳы. Но мы не знаемъ происхожденія этого лексикона, и потому сомнѣваемся въ справедливости толкованій автора.

Но прежде чѣмъ познакомиться съ этимъ лексикономъ символовъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о фактахъ, которые авторъ кладетъ въ основу миѳовъ. Если миѳологъ склоненъ въ миѳахъ видѣть прежде всего отзвуки историческихъ событій, то для него весьма важное значеніе должны имѣть факты, засвидѣтельствованные исторіей. Они должны служить ему провѣркою его выводовъ. Малѣйшее противорѣчіе его выводовъ съ историческими фактами должно наводить его на мысль, что въ его разсужденіе вкралась ошибка. Важны для него и выводы сравнительнаго изученія языковъ, тѣмъ болѣе, что ему самому часто приходится имѣть дѣло съ данными почти исключительно лингвистическими. Ему необходимо считаться и съ выводами языкознанія относительно доисторической культуры индоевропейскихъ народовъ: и ими онъ долженъ постоянно провѣрять свои выводы. Такимъ образомъ, если встать на точку зрѣнія автора и признать, что задача миѳолога сводится къ раскрытію историческаго смысла миѳовъ, то необходимо признать, что миѳологъ долженъ, съ одной стороны, строго научнымъ путемъ разбираться въ смыслѣ символическаго языка миѳовъ, а съ другой— изслѣдовать древнѣйшія историческія событія и съ ними согласовать свои выводы или по крайней мѣрѣ, не впадать съ ними въ противорѣчіе. Если онъ, такимъ образомъ, сведетъ концы съ концами, то его выводы можно считать вѣроятными. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ все время парить въ области фантазіи.

Что же даетъ намъ книга г. Властова съ этой точки зрѣнія? Мы увидимъ ниже, что вмѣсто того, чтобы смотрѣть на миѳологію глазами историка (какъ слѣдовало бы поступить миѳологу, ищущему въ миѳологіи древнѣйшихъ историческихъ преданій), авторъ склоненъ, наоборотъ, смотрѣть на исторію съ точки зрѣнія своихъ миѳологическихъ положеній. Что касается доисторическаго періода греческаго племени, всѣхъ индоевропейскихъ племенъ и даже всего человѣчества, то авторъ обо всемъ этомъ имѣетъ весьма точныя свѣдѣнія. Онъ не сомнѣвается, что человѣчество нѣкогда «составляло единую семью» и «имѣло единыя преданія», а потомъ уже «разошлось по земному шару» (6). «Началомъ и исходнымъ пунктомъ человѣчества» онъ считаетъ «сѣверные склоны Гинду-Куша» (371). Относительно индоевропейскихъ племенъ (или арійскихъ по терминологіи автора) онъ сообщаетъ намъ еще болѣе подробностей. Родина ихъ помѣщается на Памирѣ (напр., 133). Рядомъ съ ведическими аріями на высотахъ Памира жило племя безбожныхъ дазьусовъ» (179). Этихъ «своихъ враговъ дазьусовъ ведическіе аріи обвиняли еще на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша въ томъ, что они занимались магіей» (239). «Съ высоты Памира» «принесено имя Прометея въ связи съ воспоминаніемъ о добываніи огня посредствомъ тренія» (202). «Когда аріи, не раздѣленные еще расколами, толпились на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша и на холодной высокой равнинѣ Памира, то главными божествами ихъ... были Дій, свѣтлое небо, и мать земля»

(203). Тамъ же, «возникаютъ ведическіе гимны, возникаетъ ученіе о добрѣ и злѣ, извѣстное намъ подъ именемъ Маздеизма» (203—204). Дію «пѣлись гимны на высотѣ Памира» (135). Аріи говорили на своей родинѣ особымъ языкомъ; это былъ, «повидимому, діалектъ санскритскаго, гораздо древнѣйшаго санскритскаго Ведъ» (34). Въ другомъ мѣстѣ (272) говорится, что аріи до раздѣленія на отдѣльныя племена обладали «ведическими гимнами и санскритскимъ языкомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ намъ изъ Ведъ». Эти «ведическіе аріи», по мнѣнію автора, являются представителями всего хорошаго, нравственнаго, поэтическаго. У нихъ была «чистая ведическая семья» (59). «Только у ведическихъ аріевъ мы встрѣчаемъ... обоготвореніе прелестнѣйшаго изъ явленій природы—утренней зари» (121). «Ведическому воспитанію» грековъ авторъ придаетъ «высокое нравственное значеніе» (156). «Благочестіе и сыновняя почтительность напоминаютъ ведическую... семью, а нравственное чувство... указываетъ на неиспорченныхъ ведическихъ грековъ» (157). Въ послѣдней выпискѣ насъ не должно смущать названіе «ведическіе греки», такъ какъ иногда авторъ отождествляетъ грековъ съ ведическими аріями (247).

Изъ общей родины «арійцевъ», по мнѣнію автора, выходитъ сначала одинъ «пелазгическій» потокъ грековъ, которые и заселяютъ Балканскій полуостровъ, двигаясь съ сѣвера. Этотъ же «потокъ пелазговъ» заселилъ и Аппенинскій полуостровъ (137). «Въ концѣ этого великаго переселенія пелазговъ, продолжавшагося нѣсколько столѣтій, вышла съ Памира толпа ихъ же соотечественниковъ, составлявшихъ общество гораздо болѣе цивилизованное, чѣмъ впередъ ушедшія массы, имѣвшее особый культъ и гимны, называемые ведическими, и которое разсталось на сѣверномъ склонѣ Гинду-Куша съ толпами ведическихъ же своихъ соотечественниковъ, перевалившихся (sic) въ долину священнаго Инда» (145). Авторъ считаетъ необходимымъ предполагать эти два потока аріевъ потому, что «раса, племя, общество, имѣющіе свои обычаи и строй жизни, никогда не мѣняетъ ихъ, сидя на одномъ мѣстѣ: племя или общество можетъ одичать, если оно не обновляется притокомъ жизненныхъ силъ, или не будетъ сдвинуто съ мѣста... Поэтому, мы, неколеблясь, отрицаемъ возможность развитія культуры Греціи въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, если не допустить нашествія позднихъ арійскихъ племенъ, которыя несли съ собою ведическіе образы и представленія» (164). Представляя себѣ аріевъ исконными носителями всякихъ высокихъ, нравственныхъ качествъ, авторъ все низшее, темное относитъ на счетъ вліянія туранскихъ племенъ и предполагаетъ, что пелазги (тоже по происхожденію аріи) заимствовали и культъ духовъ, и мантику, и врачество, и зачатки металлургіи отъ туранскихъ племенъ, въ средѣ которыхъ они провели, по мнѣнію автора, нѣсколько столѣтій. Второй потокъ «ведическихъ грековъ», однако, не воспринялъ этой туранской культуры и, найдя на территоріи Греціи своихъ соотчичей, зараженныхъ темными и безнравственными культами, вступилъ съ ними въ борьбу, покорилъ ихъ, но частью и воспринялъ ихъ туранскую культуру. Вотъ эта то борьба и отразилась въ тѣмъ сказаніяхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ враждою Зевса (ведическаго божества) съ представителями пелазго-туранской культуры. Олицетвореніемъ послѣдней является, по мнѣнію автора, Прометей, несмотря на то, что его имя авторъ возводитъ къ періоду жизни аріевъ на высотахъ Памира. Послѣдній «резервъ» ведическихъ грековъ представляютъ дорійцы, которые уже на зарѣ историческихъ временъ прошли черезъ среднюю Грецію въ Пелопоннесъ. Они—самые чистые хранители ведическихъ преданій, твердо стоявшіе за старые завѣты ведической старины. Съ этой точки зрѣнія автору кажется, что и «постоянная послѣдующая борьба Аѳинъ и Спарты за преобладаніе была только продолженіемъ борьбы ахео-пелазгическаго міра съ суровыми дорійцами» (320).

Мы не станемъ разбирать всѣхъ подробностей этой теоріи, такъ какъ не нашли въ книгѣ г. Властова ни одного доказательства его положеній, если не считать вышеприведенное теоретическое соображеніе автора относительно развитія культуры вообще, соображеніе, которое заставляетъ автора признать существованіе нѣсколькихъ потоковъ аріевъ, излившихся на Балканскій полуостровъ. Но и это общее положеніе кажется намъ недоказаннымъ и даже прямо невѣрно. Мы ограничимся только нѣсколькими краткими замѣчаніями. Въ настоящее время врядъ-ли кто изъ лингвистовъ признаетъ

Памиръ прародиной индоевропейцевъ; никто не признаетъ, чтобы они говорили на санскритскомъ языкѣ ведъ; никто не сомнѣвается, что ихъ языкъ никогда не могъ быть даже нарѣчіемъ санскрита; никто также не думаетъ, чтобы ведическіе гимны сложились въ прародинѣ индоевропейцевъ. Если авторъ, такимъ образомъ, лишается этихъ точекъ опоры, то ясно, что и все остальное въ его теоріи является болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Мы могли-бы признать за его теоріей нѣкоторую долю вѣроятія, если бы она выводилась изъ научнаго разбора миѳовъ; но авторъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ всѣ миѳы толкуетъ съ точки зрѣнія этой сомнительной теоріи. Такъ, касаясь очень поздняго сказанія о томъ, какъ Аѳина убила отца своего Палласа, который хотѣлъ ее изнасиловать, авторъ даетъ ему слѣдующее толкованіе: «титаническая культура съ магіей и другими знаніями хотя дала жизнь многимъ искусствамъ, воплощеннымъ въ Палладѣ Аѳинѣ, но хотѣла изнасиловать эту представительницу греческаго духа и трезвыхъ знаній, но греческій духъ убилъ отца своего и остался единственнымъ представителемъ знанія и искусства въ греческой жизни» (127). Если въ какомъ либо сказаніи упоминаются змѣи или чудовища, то авторъ считаетъ ихъ всегда за представителей враждебныхъ ведическимъ грекамъ туранскихъ или пелазгическихъ племенъ. Такъ, напр., Сфинксъ «долженъ былъ представлять собою что-то вродѣ общества душителей... Эдипъ... повидимому, разгадываетъ тайну организаціи общества и уничтожаетъ его разумными мѣрами» (111). «Гигантомахія означаетъ упорную кровопролитную борьбу туземцевъ противъ грековъ» (257). Истребленіе богомъ, мечущимъ молніи, народа флегіевъ, грабившихъ Дельфы, «означаетъ безпощадную истребительную войну, которую предприняли греки противъ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, занимавшихся исключительно грабежемъ» (281). Подъ именемъ змѣи, убившей Эпита на охотѣ, разумѣются шайки фанатиковъ дикихъ, которые возмущались противъ греческихъ нововведеній». Авторъ «очень склоненъ думать, что таково значеніе и змѣя, убившей Олега» (285). «Змѣиные хвосты (гигантовъ, символизирующихъ туземныя расы), замѣняющіе ноги, повидимому, указываютъ на то, что они не могли двигаться съ мѣста и были сильны лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ земля ихъ произвела» (385). Замѣчательнѣе всего, однако, то, что авторъ находитъ въ Эсхилѣ «ясно сознаваемую идею воплощенія въ Прометеѣ всей туранской культуры» (193).

Подобныхъ вышеприведеннымъ толкованій миѳовъ мы могли бы привести очень много. Для насъ всѣ такія толкованія совершенно неубѣдительны, такъ какъ для этого нужно вѣрить въ непогрѣшимость того словаря символовъ, на основаніи котораго авторъ, не затрудняясь, всюду принимаетъ напр., что змѣя или змѣиный хвостъ значитъ туземецъ и т. под. Вотъ еще примѣръ изъ этого словаря: «Отсѣченіе головы рѣки, или протока, и изліяніе струи крови означаетъ доведеніе канала, или рѣки, до моря... другіе рукава были «прижжены Іолаемъ», т. е. забиты и засыпаны» (109). По поводу всѣхъ этихъ толкованій намъ невольно приходятъ въ голову золотыя слова автора, которыя онъ самъ, къ сожалѣнію, часто забываетъ. «Надо помнить, — говоритъ онъ на стр. 51, что миѳологія есть драгоцѣнный камень со многими гранями, и что — смотря по тому, какъ мы подносимъ его къ свѣту, — онъ играетъ разными цвѣтами. Это — правда, но, по нашему мнѣнію, для серьезнаго миѳолога именно въ виду этого долженъ на первомъ планѣ стоять вопросъ о томъ, какъ нужно разсматривать этотъ драгоцѣнный камень миѳологіи, какъ нужно ставить каждый отдѣльный вопросъ. Нельзя приступать къ изученію миѳологіи съ предвзятою мыслью, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, мы можемъ иногда высказать и справедливыя мысли; но онѣ будутъ имѣть характеръ чисто случайный. Въ настоящее время миѳологическія теоріи, видѣвшія въ миѳахъ, напр., поэтическія воззрѣнія народа на природу, уже отошли въ вѣчность, такъ какъ всякому очевидно, что въ основѣ этихъ теорій лежатъ поэтическія воззрѣнія ихъ творцовъ на предметъ своего изслѣдованія. Та же судьба ожидаетъ, по нашему мнѣнію, и теорію г. Властова.

Изучающій миѳологію индоевропейскихъ народовъ долженъ, какъ уже было упомянуто, считаться съ выводами сравнительнаго языкознанія. Между тѣмъ, и тутъ авторъ стоитъ далеко не на высотѣ современной науки, что сказывается уже и въ его взглядахъ на первоначальный языкъ аріевъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Имя богини Діоны, «конечно, производное отъ Дій, или Діу, стало быть, пришло несомнѣнно съ вы-

сотъ Памира» (50). Однако это слово несомнѣнно представляетъ греческое новообразованіе къ слову Ζεύς и не можетъ восходить къ такой древности. Имя Ἥρη производится отъ ἔρα (такого слова не существуетъ: есть нарѣчіе ἔραζε «на землю»), которое сопоставляется съ латинск. terra (150). Сопоставленіе основано на простомъ созвучіи, чего, конечно, слишкомъ мало. «Полуконь, или Полканъ нашихъ сказокъ есть тотъ же центавръ» (216). Между тѣмъ, Полканъ есть несомнѣнно русская передѣлка итальянскаго имени Пуликане и не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ центавромъ. Имя Аполлонъ авторъ производитъ отъ глагола ἀπόλλυμι (246); между тѣмъ ἀπόλλυμι происходитъ изъ ἀπ-ὀλ-νυ-μι, и у Гомера, который уже знаетъ Аполлона, этотъ глаголъ чаще всего употребляется безъ предлога ἀπὸ, такъ что эта этимологія имѣетъ очень мало за себя. Съ санскритомъ авторъ, повидимому, тоже не знакомъ. На стр. 446 онъ приводитъ «санскритскій корень тритъ (sic) или три, означающій берегъ, отъ котораго производное трито, озеро, или вообще вода». Мы не могли найти такихъ словъ ни въ одномъ изъ словарей и даже не могли разгадать, что можетъ скрываться подъ этой дикой транскрипціей санскритскихъ словъ русскими буквами даже со знакомъ ъ на концѣ. Кроносъ, очевидно по созвучію съ греческимъ χρόνος, объясняется какъ олицетвореніе времени (44;132). Но Κ и Χ не могутъ такъ свободно чередоваться, и потому вѣроятнѣе Бругмановское сопоставленіе Κρ-όνο-ς съ скр. Kr-anâs «дѣйствующій» отъ kar—«дѣлать».

Странное впечатлѣніе производитъ на читателя также правописаніе собственныхъ именъ. Авторъ всегда пишетъ Есхиллъ, Каллипсо, Инахусъ, Цефиссусъ, Ференидъ и даже Фотіусъ вм. Фотій (патріархъ). Богъ Діонисъ превращается въ Діонисія, грифы въ грифоновъ, не говоря уже о санскритскихъ именахъ Ухасъ вм. Ушасъ, Кандагоса Упанишадъ, вм. Чхандогья, Прагапати, вм. Праджапати и т. под.

Насъ могутъ, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что, отрицательнаго относясь къ теоріи и выводамъ автора, мы не постарались обстоятельно обосновать свои взгляды и замѣнить выводы автора другими, болѣе близкими къ истинѣ. Но, во-первыхъ, это не входитъ въ нашу задачу а, во-вторыхъ, трудно опровергать то, чего самъ авторъ не доказываетъ. Мы въ своей рецензіи старались только показать, что какъ теорія автора, такъ и его выводы не вытекаютъ изъ изслѣдованія миѳологическаго матеріала, а являются передъ читателемъ, какъ догматы, въ непогрѣшимость которыхъ авторъ вѣритъ. Такая вѣра еще могла-бы быть оправдана, если-бы миѳологія, какъ наука, выработала какія нибудь общія основныя положенія. Между тѣмъ, такихъ положеній нѣтъ, а потому миѳологъ пока долженъ ограничиться критикой миѳологическаго матеріала, онъ долженъ сомнѣваться, а не вѣрить, а повѣритъ онъ только тогда, когда будетъ знать.

Д. Кудрявскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи П. К. Симони обратился къ послѣднему съ просьбою напечатать въ разныхъ изданіяхъ Общества и отдѣльно для разсылки въ редакціи журналовъ, газетъ, Губернскихъ Вѣдомостей, въ Статистическіе Губернскіе Комитеты, для обращенія къ гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, Директорамъ Народныхъ Училищъ и Ректорамъ Духовныхъ Семинарій о распространеніи среди учителей и учительницъ, а равно и учащихся подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній,— и вообще для раздачи всѣмъ желающимъ,—помѣщенное ниже его обращеніе съ приглашеніемъ сообщать матеріалы для подготовляемаго имъ къ печати въ одномъ изъ изданій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранію (своду) русскихъ (велико-, бѣло-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловій, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ, побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненіями, варіантами и параллелями — какъ книжныхъ, такъ въ особенности простонародныхъ.

Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выслушавъ сообщеніе г. Симони, въ засѣданіи своемъ 15 мая 1898 года постановило просьбу его о напечатаніи и распространеніи составленной имъ программы принять къ свѣдѣнію и исполнить.

ПРОГРАММА

для собиранія русскихъ пословицъ, поговорокъ, остротъ, прозвищъ, загадокъ и т. д.

1. Предлагается записывать изъ устъ встрѣчающіяся въ рѣчи особенно простолюдиновъ, употребительныя въ быту купеческомъ и мѣщанскомъ, въ средѣ сельскаго и городского духовенства и т. д.

а) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточнаго или насмѣшливаго содержанія о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословіяхъ, иновѣрцахъ, инородцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мірскія притчи и вообще пословичныя изрѣченія, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священнаго Писанія и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житій и т. д.) и проч.

б) чистоговóрки (частоговорки), скороговóрки, присказки, прибаýтки, прибаю́тки, пустобáйки, приговóрки, пустоговóрки, прибасенки, побасёнки, побàски, бáйки, — также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики) выкрикиванія напр. ямщиковъ, сбитенщиковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также зазыванія торговцевъ, баньщиковъ и проч.

в) острые и замысловатые отвѣты, остроты, шутки, насмѣшки и т. д.

г) выраженія божбы, пожеланія, привѣты, проклятія, ругань, бранныя (или крѣпкія) слова и выраженія *).

д) мѣткія (красныя) словца, небылицы («небылыя слова»), иносказàнія, сравнѐнія, обиняки, прòзвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другія клички и прозванія, величанія и похвальбы и проч.*).

е) пожеланія застольныя, заздравныя, здравицы, причитанія (причеты) пьяницъ и т. п., — поминальныя, заупокойныя и т. д.

ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акростихи и другія забавы и шутки подобнаго же рода.

з) заговоры, заклятія, заклинанія, нáшепты, нашептыванія и т. д.

*) Просятъ вообще не стѣсняться сообщеніемъ фразъ и словъ, хотя бы и несовмѣстныхъ съ общепринятыми у образованныхъ классовъ понятіями о приличіи и неприличіи, такъ какъ у народа на этотъ счетъ свои понятія.

и) снотолкованія и примѣты.
к) земледѣльческія и пастушьи примѣты и гаданія. Названія народныя мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праздники и народный мѣсяцесловъ (годовщина) вообще.

2. Записывать просятъ сообщаемыя произведенія народнаго творчества по возможности *съ точнымъ сохраненіемъ выговора каждаго звука*, а не примѣняться къ грамматическому (школьному) правописанію, — *непремѣнно надъ каждымъ словомъ отмѣчать удареніе.*

3. Для каждаго отдѣльнаго случая необходимо указать отъ кого слышано или записано; желательно бы даже имѣть нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и о томъ лицѣ, отъ котораго записаны слово или пословица и проч.: откýда онъ и родители его происходятъ родомъ, живалъ ли въ столицахъ и проч.?

Въ другихъ случаяхъ важно также знать, гдѣ обращаются, откýда происходятъ, гдѣ записаны или услышаны были пословица или выраженіе и проч.

Крайне необходимо всегда знать о степени распространенности и излюбленности пословицы и проч. (употребляется ли напр. въ сосѣднихъ мѣстностяхъ или только въ вашей мѣстности? Употребляется ли и въ данной мѣстности повсюду, или въ одномъ только какомъ нибудь родѣ, семьѣ или даже однимъ лицомъ?).

4. Желательно получить объясненія смысла и значенія, а также происхожденія или даже зарожденія каждой пословицы, — отъ лица ея произнесшаго и, если можно, то нужно записать такія свѣдѣнія его же подлинными словами.

5. При малопонятныхъ старинныхъ или мѣстныхъ (областныхъ) словахъ (иначе провинціализмахъ) слѣдуетъ прибавлять объясненіе ихъ значенія.

6. Сообщите, ктò вообще въ Вашемъ краю или деревни, городѣ знаетъ и сохраняетъ въ своей памяти наиболѣе пословицъ, загадокъ и проч.? Въ какòмъ быту (у крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, духовныхъ, солдатъ, рабочихъ и проч.) чаще употребляются пословицы и проч.? также, кто чаще пользуется ими въ рѣчи, мужчины или женщины? старики и старухи или молодые? а дѣти какъ?

Не сохранилось ли въ Вашей мѣстности памяти о скоморохахъ и ихъ ватагахъ, бахаряхъ, сказочникахъ (сказеяхъ) и вообще о потѣшникахъ и досужихъ людяхъ такого рода?

7. Какое особое названіе существуетъ у Васъ для всѣхъ выше перечисленныхъ произведеній простонароднаго творчества, — напр., скажутъ ли: «говорить пословицу», «загонуть загадку», «протолковать (растолковать) сонъ», или иначе какъ и какъ именно?

8. Иногда основаніемъ пословицы, поговорки и проч. служитъ какой нибудь анекдотъ, сказка, преданіе, басня, или же и истин-

ное происшествіе,—для объясненія запишите и ихъ въ возможной подробности. Такъ же, если пословицы или поговорки и т. д. выродились изъ забытой въ народѣ пѣсни (часто еще продолжающей жалкое существованіе среди дѣтей и проч.) или сказки, то постарайтесь разузнать о нихъ и приведите эту пѣсню или сказку цѣликомъ всю.

9. Если бы Вамъ случилось найти у кого либо рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками, заговорами и проч., то не можете ли поточнѣе списать ихъ и переслать въ Общество вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ внѣшности самой тетради, съ свѣдѣніями о томъ, «когда и какъ писано, на сколькихъ листахъ, нѣтъ ли въ ней рисунковъ, киноварныхъ (красныхъ) буквъ или даже цѣлыхъ строкъ и проч.; на свѣтъ въ листахъ на бумагѣ не просвѣчиваетъ ли обозначенія года или какого либо знака (клейма); — кому принадлежитъ, отъ кого нынѣшнему владѣльцу досталось. Если есть внутри самой тетради или на ея обложкѣ (переплетѣ, доскѣ и т. п.) приписки: кому принадлежала тетрадь въ давнее время и потомъ, то все это выпишите, какъ отмѣчено тамъ. Еще лучше, если бы Вамъ удалось выслать хотя бы на время и самую тетрадь въ Общество, она можетъ быть куплена, — иначе же, въ полной сохранности и въ скоромъ времени будетъ Вамъ возвращена.

10. Когда, т. е. въ какое время года (напр., въ какіе праздники и проч.), при какихъ обстоятельствахъ (обстановкѣ и проч.) сказываются въ Вашей мѣстности чаще пословицы, загадываются загадки и проч.? Не существуетъ ли игоръ, неразлучныхъ съ сказываніемъ пословицъ, съ загадками, шутками, насмѣшками, гаданіями проч.? Когда онѣ разыгрываются (указать мѣсяцъ, число, время года, дня и проч.)?

11. При записяхъ просятъ лишь писать разборчивѣе, въ объясненіяхъ — необходимое условіе только ясность и понятность изложенія, — литературной обработки вовсе не требуется.

Точно также просятъ не стѣсняться количествомъ и даже качествомъ (т. е. напр. доставить хотя бы и всѣмъ извѣстныя пословицы, или же извѣстныя въ печати, но разъ Вы можете ихъ объяснить, сказать, при какихъ условіяхъ и гдѣ онѣ произнесены, то это есть уже важное и новое, и потому цѣнное для науки, указаніе и оно поможетъ лучше объяснить уже и извѣстное въ печати и проч.)—посылаемаго матеріала, все будетъ принято съ достодолжною благодарностію и вниманіемъ и обезпечено для науки, а имена лицъ, сообщившихъ тѣ или другіе матеріалы, будутъ съ благодарностью упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

12. Особенно желательно имѣть записи такихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч., которыя или уже забыты, или стали переиначиваться и разрушаться подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Если пословица и поговорка и т. д. понимаются въ разныхъ смыслахъ, или въ Вашей мѣстности (деревнѣ, городѣ) такъ, а въ сосѣдней—иначе, то необходимо привести объясненіе для каждаго рода и случая ея употребленія особо.

Дѣйствительный Членъ-Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членъ корреспондентъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Общества любителей древней письменности *Павелъ Симони.*

15 мая 1898 г.

Письма и пакеты съ матеріалами слѣдуетъ адресовать въ С.-Петербургъ, у Чернышева моста, въ Императорское Русское Географическое Общество — Отдѣленіе Этнографіи, или Павлу Константиновичу Симони, по адресу: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Обращая вниманіе нашихъ читателей и членовъ сотрудниковъ И. Р. Г. Общества на прекрасную статью г. Иваницкаго, прошу покорно о сообщеніи въ Редакцію «Живой Старины» подобныхъ-же детальныхъ описаній внѣшней обстановки деревенскаго населенія различныхъ мѣстностей русскихъ (велико-мало и бѣло-русскихъ) и инородческихъ съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій всѣхъ предметовъ этой обстановки. Фотографіи, рисунки и модели крайне желательны.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ.

Пословицы и поговорки.

1. «Дѣвушку по родамъ—коровушку по рогамъ»,—искать себѣ дѣвушку въ жены отъ хорошихъ родителей.

2. «Въ дѣвкахъ курочки—въ бабахъ дурочки». Пока въ дѣвушкахъ, за ней ухаживаютъ и говорятъ, что она хороша. Когда же станетъ женой, то обращеніе мѣняется.

3. «Старый гонись, а молодой не плошись». Приготовляйся каждый рано или поздно умереть.

4. «Богу молись, а къ берегу гребись».

5. «Гдѣ рожь, тутъ и мѣра, гдѣ народъ тутъ и вѣра».

6. «Шкаличкп да косушечки доведутъ до плетюшечки».

Примѣты.

1. Если въ Вербное воскресеніе бываетъ ненастная погода, то и въ Ѳомино непремѣнно будетъ такая-же. Эдакое состояніе выражается корочетомъ: «вербница-свернется».

2. Если весной лягушки весело квакаютъ, то «сѣвъ» будетъ хорошій, безъ помѣхи со стороны погоды.

3. Если овода бойко нападаютъ на скотъ, то цвѣтеніе ржи будетъ благополучное.

4. Нечаяннаго виновника пожара (напр., овина), гонятъ отъ пожарища прочь, въ поле. Если бы онъ побѣжалъ отъ пожара въ деревню, то и огонь будто бы за нимъ перебросить на деревню.

Обычаи.

1. Обычай «заповѣдывать» ягоды. Плохіе урожаи, хлѣба, вслѣдствіе песчаной почвы и преобладанія болотъ въ южной части уѣзда, заставляютъ крестьянъ обращать, большое вниманіе на «лѣсной харчъ»», заготовляя его помногу въ прокъ, какъ подспорье къ прочимъ пищевымъ продуктамъ, а излишекъ пуская въ продажу. Грибы подвергаются соленію и сушенію, а бѣлые сушеные грибы идутъ исключительно въ продажу на крещенской ярмаркѣ въ г. Весьегонскѣ по цѣнѣ отъ 40 к. до 1 руб. за фунтъ, смотря по урожаю. Въ предупрежденіе выбора ягодъ еще неспѣлыми и для равномѣрнаго распредѣленія ихъ между всею деревнею, ягоды бруснику и клюкву «заповѣдуютъ». Для этого, въ началѣ лѣта собирается въ данной деревнѣ сходъ и постановляютъ приговоръ несобирать ягоды до извѣстнаго времени, а ослушникамъ опредѣляется наказаніе. Въ день «расповѣдыванія» ягодъ, отправляются почти поголовно для

сбора, и въ урожайные годы брусники набираютъ, а затѣмъ намочиваютъ и напариваютъ цѣлыя кадки.—Клюквы-же нѣкоторыя семьи набираютъ по четверти и болѣе, часть ея продается пріѣзжающимъ, нарочно для этаго, скупщикамъ. Даже такія невкусныя, какъ напр. можжевеловыя и то заготовляются по нѣскольку мѣръ. Въ продолженіе зимы изъ нихъ варятъ праздничный напитокъ, подъ названіемъ «вересоваго сусла или пива», который пьется всѣми съ удовольствіемъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

2. Странный обычай. Мѣстное названіе тещи: хоровина.—Въ первое воскресеніе великаго поста, или такъ, называемое здѣсь «хоровинное воскресеніе» зятья ѣдутъ за тещами и везутъ ихъ къ себѣ въ гости. Проѣзжая по деревнямъ ихъ встрѣчаютъ толпы подростковъ—мальчишекъ съ грудами вѣнковъ и начинаютъ съ криками хлестать вѣнками и бросать снѣгомъ. Конечно, нѣкоторыя проѣзжающіе и непредставляютъ вышеупомянутаго родства, но мальчишки въ каждой парѣ стараются видѣть тещу и бьютъ немилосердно. Таковъ ужъ обычай. Взрослые же не останавливаютъ ихъ и стоятъ, посмѣиваясь, около домовъ.—Вѣрно и въ деревнѣ тещи не пользуются особеннымъ почтеніемъ. Этотъ обычай наблюдается въ сѣверной части уѣзда.

3. Обычай «вытиранія огня» [1]). При общественныхъ бѣдствіяхъ въ деревнѣ наприм., во время повальныхъ болѣзней: горячки и др., или при падежѣ скота, для прекращенія болѣзни и предохраненія остальныхъ отъ заболѣванія «вытираютъ огонь».—Огонь этотъ считаютъ священнымъ, вѣроятно потому, что много нужно труда, чтобы получить его, и что къ самому акту «тренія» приступаютъ въ молитвенномъ настроеніи. Добываютъ его по способу первобытныхъ людей сильнымъ треніемъ бревна о бревно. Въ назначенный для этого день печку топить, самовары грѣть, курить и вообще доставать огонь какимъ нибудь инымъ образомъ, по всеобщему соглашенію, запрещается. Съ восходомъ солнца, собираются жители всего селенія на улицу и приготовленными бревнами начинаютъ тренія по-очереди, чтобы всякій могъ потрудиться; къ полудню удается достать огонь. Когда бревна задымятся, то прикладываютъ какіе нибудь сухіе предметы, раздувая, чтобы вспыхнулъ огонь. Затѣмъ раскладываютъ небольшой костеръ и сначала всѣ здоровые переходятъ черезъ огонь, потомъ уже переносятъ и больныхъ. Этимъ-же огнемъ затапливаютъ всѣ печки въ селеніи. Тутъ же даютъ обѣщанія въ ближній праздникъ отслужить водосвятный молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ селенія и затѣмъ этотъ день праздновать ежегодно.—Отсюда берутъ начало старинныя т. н. «завѣтные праздники».—Такой случай былъ здѣсь въ одномъ селеніи (б. Островъ) въ маѣ мѣсяцѣ с. г. при эпидеміи горячки.

4. Если трудно, больной или умирающій лежитъ на пуховой перинѣ или подушкахъ, то ихъ отбираютъ и кладутъ больного на соломеникъ говоря: на пуху тяжело умирать»—(Отъ того, что пухъ худой проводникъ тепла и, удерживая его, болѣе разслабляетъ больного, дѣйствуютъ тутъ окружающія безсознательно, стараясь облегчить больного; или сопоставленія легкаго предмета—пухъ съ тяжелою мыслію о смерти; или же боясь порчи перины отдѣленіями больного. А, можетъ, имѣютъ въ виду всѣ три вышесказанныя причины.

5. Когда корова «стелится» то «для очищенія удоевъ» окуриваютъ её» Богородской травой и даютъ хлѣба, намоченнаго въ святой водѣ.

6. При потерѣ жвачки у коровъ натираютъ во рту солью и привязываютъ родъ узды изъ липоваго лычка.

Герасимовъ.

[1]) См. Жив. Стар. годъ седьмой. Вып. II. Отд. II стр. 247—261.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(седьмой годъ изданія).

Въ 1898 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати и болѣе листовъ, по прежней программѣ.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться переводы святоотеческихъ твореній, изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, обозрѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, критика и библіографія. Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ продолжаться печатаніемъ автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіеп. Тверскаго (періодъ его общественной и служебной дѣятельности по окончаніи академическаго курса) и протоколы засѣданія Совѣта Академіи.

За минувшіе годы въ Богословскомъ Вѣстникѣ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: В. Кудрявцева-Платонова. Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра. Е. Голубинскаго. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами Архим. Антонія. Два пути пастырства—латинскій и православный. А. Лебедева. Греко-восточная церковь подъ владычествомъ турокъ послѣ паденія Византійской имперіи. Гр. М. Тлстаго. Воспоминанія о жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ. В. Ключевскаго. Добрые люди въ древней Руси. Н. Каптерева. Господство грековъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Г. Воскресенскаго. Изъ ко церковной жизни православныхъ славянъ. В. Соколова. Іерархія англиканской епископальной церкви В. Кипарисова. О церковной дисциплинѣ. И. Корсунскаго. Изъ церковной жизни православнаго Востока. Ген. А. Кирѣева. Третій международный конгрессъ старокатоликовъ. А. Бѣляева. Когда наступитъ царствованіе антихриста? Н. Заозерскаго. Что такое раскольничій бракъ? А. Шостьина. Личность въ іезуитизмѣ. Арх. Григорія. Объ эгоизмѣ и христіанской любви къ самому себѣ. А. Голубцева. Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ. К. Попова. Чинъ священнаго коронованія. А. Введенскаго. Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ за границы). В. Аппельротъ Древне-греческая религіозная скульптура. С. Глаголева. Конецъ земли. В. Мышцына. Нуженъ-ли намъ греческій переводъ Библіи при существованіи Еврейскаго подлинника? И. Попова. Критика ученія Канта объ основахъ нравственности. А. Мартынова. Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ. Прот. Г. Смирнова-Платонова. Новое произведеніе гр. Л. Н. Толстаго. И. Громогласова. О сущности и причинахъ русскаго раскола такъ называемаго старообрядства. П. Тихомирова. Къ вопросу о политическихъ національныхъ и религіозныхъ задачахъ Россіи. Е. Долганева. Современная Абиссинія. Н. Гореденскаго. Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія. С. Смирнова. Значеніе печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества. Архим. Сергія. На дальнемъ востокѣ. (Письма миссіонере). А. Папкова. Древне-русскій приходъ. Н. Писаревскаго. Полтора года въ Берлинѣ. Вулла папы Льва XIII объ англиканскихъ рукоположеніяхъ и отвѣтъ на нее архіепископовъ Англіи и мн. др.—Переводились: слова Св. Астерія Амасійскаго. толкованія Св. Кирилла Александрійскаго на малыхъ пророковъ и толкованія Св. Апостола Павла и на Четвероевангеліе. Въ приложеніяхъ были, между прочимъ, напечатаны: Духовное завѣщаніе Св. Митрофана, Еп. Воронежскаго, изслѣдованіе іер. Григорія „Третье великое благовѣстническое путешествіе Св. Ап. Павла“ и курсы Прот. проф. Добротворскаго „Основное Богословіе“ и Догматическое Богословіе“.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ за годъ: безъ пересылк. **шесть рублей**, съ пересылкою **семь рублей**, за границу **восемь рублей**.

Продолжается подписка не текущій 1898 годъ. Адресъ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, редакція Богословскаго Вѣстника.

ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА
для вспомоществованія
НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ условіями далекаго края — вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны пріемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. въ школьный фондъ.

Digitized by Google

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1898 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ; біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

Симъ извѣщаю Гг. получившихъ Проспектъ II-го тома «Великокняжеской и Царской охоты на Руси», что выходъ его въ свѣтъ замедлится до осени 1898 года, по причинѣ распоряженія помѣстить въ этомъ II-мъ томѣ особый видъ города Москвы XVII-го вѣка—заказанный двумъ художникамъ на конкурсъ.

Первый томъ «Великокняжеской и Царской охоты на Руси» съ 197 рисунками и 8 хромолитографіями въ нѣсколько красокъ—продается въ г. Гатчинѣ у издателя Полковника Н. И Кутепова и въ магазинахъ г. Петербурга: Новаго Времени, Невскій, 38 и у Фельтена, Невскій, 20.

Николай Кутеповъ.

26 Февраля 1898 года.

„МАЛО СЛОВЪ, НО МНОГО МЫСЛИ"—девизъ изданія.

Роскошное изданіе съ дост. и перес. **10 руб. за годъ**

Открыта подписка **на 1898 г.** на

Дешевое изданіе безъ доставки **за годъ 5 руб.**

„*Журналъ Журналовъ*

и

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

Новое иллюстрированное ежемѣсячное изданіе **безъ предварительной цензуры**, составленное отчасти по образцу иностранныхъ Review of Reviews (англійскаго и американскаго), Revue des Revues и друг.

Кромѣ оригинальныхъ статей, написанныхъ спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями, какъ русскими, такъ и иностранными, журналъ помѣщаетъ извлеченія или экстракты изъ статей извѣстнѣйшихъ авторовъ и замѣчательнѣйшихъ статей, появляющихся въ русской или иностранной печати.

Въ програму журнала входятъ: науки естественныя, медицинскія, физико-математическія, исторія и общественныя науки, философія, метафизика и психологія, искусства и критика, обозрѣніе журналовъ, смѣсь и проч.

Отдѣлъ наукъ естественныхъ и медицинскихъ будетъ выходить при ближайшемъ сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ Академика Князя И. Р. ТАРХАНОВА.

Отдѣлъ исторіи и общественныхъ наукъ—при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ В. Ф. ГОЛОВАЧОВА.

Подписная цѣна:

на роскошное изданіе за годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб.
» дешевое » » » » » » 6 »
» » » » безъ доставки . . . . 5 »

(Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою допускается при ежемѣсячныхъ взносахъ по 2 рубля въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ).

Издатель-редакторъ ***И. П. Кондыревъ.***

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ

. . . ѣ Гороховая 13, (уг. В. Морской).

Продолжается подписка на 1898 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

«ДѢЯТЕЛЬ»

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ѳ. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣсскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капустинъ, Н. Ѳ. Катановъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустицкій, И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. И. Подбѣльскій и, кромѣ того, А. В. Нечаевъ, В. Н. Агаѳоновъ, С. С. Выродинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенско, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Ислентьевъ, М. В. Казанскій, М. Д. Закревская, М. А. Готвальдъ и В. А. Никитская.

Программа журнала слѣдующая:

1) Правительственныя распоряженія.

2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигіеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.

3) Повѣсти, разсказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія.

4) Письма изъ провинціи.

5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.

6) Изъ жизни и печати.

7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій.

8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ.

9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею.

10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости.

11) Критика и библіографія.

12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ **2** рубля.

Адресъ редакціи: Казань, **типографія Императорскаго Казанскаго Университета**, Чернoозерская улица, собствен. домъ.

Чрезъ редакцію журнала «ДѢЯТЕЛЬ» можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

Дѣятель журналъ за 1896 годъ безъ перваго №—2 руб.

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. И. Александрова . . . . — р. 40 к.

Отчего гибнутъ люди. За сотню . . . . 1 р. — »

Всемѣрно должно удаляться отъ пьянства. Тихона Задонскаго. За сотню . . . . 1 » — »

Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню . . . . 1 » 50 »

Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню . 1 » — »

Вино для человѣка и его потомства—ядъ. За сотню . . . . 2 » — »

Въ защиту вина . . . . — » 20 »

Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля. (Одобрен. ученымъ комит.) . . . . — » 40 »

Редакторъ-издатель **А. Соловьевъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ
на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служитъ до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ будетъ издавать въ 1898 году «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе» по слѣдующей программѣ.

Въ **«ЦЕРКОВНОМЪ ВѢСТНИКѢ»** печатаются:

1) **Передовыя статьи**, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно истор. вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени;

2) **Статьи церковно-общественнаго характера**, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соблаговолятъ высказаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ церковно-общественной жизни;

3) **Мнѣнія и отзывы**—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати;

4) **«Въ области церковно-приходской практики»**—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики;

5) **Корреспонденціи** изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни;

6) **Обозрѣніе книгъ и духовныхъ (а равно и свѣтскихъ) журналовъ.**

7) **Постановленія и распоряженія правительства;**

8) **Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара;**

9) **Разныя извѣстія и замѣтки**, разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ **«ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»** входятъ самостоятельныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическія замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы.

Примѣчаніе. Въ удовлетвореніе желаній многихъ подписчиковъ, **«Христіанское чтеніе»** съ настоящаго 1897 года **выходитъ ежемѣсячно** книжками отъ 10 до 12 печатн. листовъ, что даетъ возможность правильнѣе слѣдить за всѣми выдающимися явленіями въ области богословской науки и церковно-общественной жизни. Такое расширеніе журнала, конечно, требуетъ удвоенныхъ усилій со стороны редакціи и крайняго напряженія ея матеріальныхъ средствъ. Не смотря на это, цѣна на журналъ, выписываемый отдѣльно, остается прежняя, т. е. 5 рублей въ годъ, и только тѣ подписчики, которые выписываютъ его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ», за дополнительныя шесть книжекъ приплачиваютъ **одинъ рубль**, т. е. вмѣсто двухъ рублей платятъ три рубля. Редакція приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы интересомъ и разнообразіемъ статей съ избыткомъ покрывался этотъ неизбѣжный, хотя и незначительный расходъ.

Кромѣ того, съ 1895 года редакція приступила къ изданію **«ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»** въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на **ОБА ЖУРНАЛА** получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1.000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **ОДИНЪ РУБЛЬ**, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1898 г. будетъ изданъ **ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ** въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ бесѣды св. Іоанна Златоуста на книгу Бытія.

Новые подписчики, желающіе получить и **ПЕРВЫЕ ТРИ ТОМА**, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по **два** рубля за томъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ—Годовая цѣна въ Россіи:

а) *Отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5** (пять) руб. съ приложеніемъ **«ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6** руб. **50** коп.; **въ изящномъ переплетѣ** 7 руб. за «Христіанское чтеніе» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ **«ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6** руб. **50** коп., **въ изящномъ переплетѣ** 7 руб.

б) ***За оба журнала*** **8** (восемь) руб. съ приложеніемъ **«ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» 9** (девять) руб., **въ изящномъ переплетѣ** **9** руб. **50** коп.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 10 (десять) р. съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—12 р. 50 к.; за каждый *отдѣльно* 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—9 (девять) руб.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: **«Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».**

Подписывающіе въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (**Невскій** пр., 151, кв. 7), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. ***А. Лопухинъ.***

Стран.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1/3 16-00

Цѣна ~~1 р.~~ 50 к.